

Э. В. САЙКО

Древнейший ГОРОД

ПРИРОДА
И ГЕНЕЗИС

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Научный совет
по истории мировой культуры

Э. В. САЙКО

Древнейший ГОРОД

ПРИРОДА И ГЕНЕЗИС

Ближний Восток.
IV–II тысячелетия до н.э.

Москва
"Наука"
1996

ББК 60.55

С 12

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 96-01-16061*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.И. Гуляев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Т.В. Степугина*,
доктор исторических наук *Г.А. Кошеленко*

Сайко Э.В.

C12 Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV–II тыс. до н.э.). – М.: Наука, 1996. – 207 с.
ISBN 5-02-011233-X

В монографии рассмотрены дискуссионные проблемы определения города, его функций, условий и предпосылок появления. В отличие от традиционных подходов автор исследует город как активно действующий фактор самого процесса перехода к исторически новому состоянию общества. Вводится понятие "урбанизационная среда" как особое состояние отношений и связей новых структур, формирующихся в ходе становления цивилизации. Анализируются структуры и содержание процесса урбанизации, его этапы на Ближнем Востоке и в Центральной Азии IV–II тыс. до н.э. Определены особенности древнего города, большое внимание уделено вопросам экономического основания социальной базы его развития.

Для историков, социологов, географов, археологов, востоковедов, всех интересующихся проблемами города и урбанизации.

С $\frac{440200000-135}{042(02)-96}$ 250-96, II полугодие

ББК 60.55

Saiko E.V.

Ancient cities. The Nature and Origine (Near East, 4th-2nd millenia B.C.)

The monograph deals with definition of the term "town", its functions, and the conditions and prerequisites for its appearance. Unlike the traditinal approaches, the author considers the town as an active evidence of the very period of transition to a historical new state of society. An idea of "urbanization medium" as a special social state of relationships between new structures forming in the civilization evolution is introduced. The essence and structures of the urbanization and its states in the Near East and Middle Asia (4th-2nd millenia B.C. are analysed. The specific features of town are defined. A great attention is given to the economic and social developpement of the town.

For historians, sociologists, archeologists and other specialists.

ISBN 5-02-011233-X

© Э.В. Сайко, 1996

© Н.Н. Михайлова, художественное
оформление, 1996

© Российская академия наук, 1996

"Не результат есть действительность, а результат вместе со своим становлением".

Гегель

ВВЕДЕНИЕ

Проблема города уже давно и прочно заняла важное место в системе социальных, исторических, культурологических и др. знаний. Интерес к этой проблеме обусловлен многими причинами. И прежде всего это связано с осознанием той особой роли, которую города на протяжении всей своей истории играли в экономическом, социальном и культурном развитии общества.

Вплетенный в социальную ткань общества, город отражает и выражает его развитие, несет в себе и одновременно обеспечивает все главные его особенности. Но уже осознанный в своем важном значении он до сих пор окончательно научно не определен как особый феномен, как всеобщее историческое явление в его преобразующей роли.

Актуализация проблемы города на современном этапе обусловлена расширением задач и углублением подходов к познанию закономерностей естественно-исторического процесса и факторов, определяющих его тенденции и прогрессивную направленность, среди которых городу отводится особое место.

Значительное накопление археологического материала, в частности по областям древнейших цивилизаций, новые методы его изучения, углубление анализа письменных источников, расширение объема и разнообразие специальных исследований и исторических реконструкций обеспечили, с одной стороны, новое более широкое познавательное пространство города, с другой же – актуализировали собственно методологические проблемы его познания. Необходимость специальной разработки методологических проблем, в частности в связи с определением города не только на уровне термина, но и теоретического понятия, раскрывающего его сущностное содержание как особого социального явления в осуществлении исторического процесса, во-первых, и, во-вторых, как объекта и предмета исследования, обуславливается разными обстоятельствами. Среди них прежде всего усложнение общей картины эволюции общества, в том числе раскрытие, благодаря новым исследованиям (прежде всего этнографическому изучению традиционных обществ) большого разнообразия в условиях, темпах, формах развития цивилизационных и урбанизационных процессов, понимание которых требует наличия и выработки новых четких концептуально направленных позиций. Именно в связи с появлением новых данных, развитием знаний о городе усложняется его определение как особого явления, активизи-

руются поиски комплексных подходов и новых критериев его выделения.

Одной из методологически наиболее важных остается задача выделения города как особого организма, как явления исторически специфического, связанного с определенным уровнем развития и типом общества, противостоящим первобытному – общества сложного, в том числе в своей социально-пространственной организации.

Новые достижения в теории познания, в частности в объяснении явлений развития (включая социальное), определение его процессуальных характеристик, в исследовании системных целостностей, выделения стадийальных уровней, пространственно временных структур, хотя еще и далеко недостаточно реализуются в исторических исследованиях, тем не менее в целом оказали на них значительное влияние, в том числе на развитие урбанистики, как в нашей стране, так и за рубежом. В последнем случае это проявилось, например, в развитии "новой социологии города" и социально-пространственных характеристиках его, – подходов, активно осваиваемых еще в 60–70-х годах и в рамках которых решались вопросы соотношения разных пространств города, в частности информационно-культурных ареалов его и особенностей функционирования города в более сложных структурах общества, в социально-экономических связях последнего. И в этом плане теоретические модели, выдвигаемые, например, в рамках вышеназванных подходов англо-американскими "социальными" историками-урбанистами или шведскими в проекте "Сравнительной истории города" и др., иллюстрируют тенденции углубления знаний ученых о существенных характеристиках города. И здесь особенно важным становится рассмотреть и объяснить город с другой очень важной позиции – город как составная часть конкретного исторически определенного общества в системных отношениях последнего, в связи со всеми особенностями и условиями его функционирования. Однако при всей глубине и важности разработки методологических вопросов города, актуализирующихся в последнее двадцатилетие, они чаще носят конкретно направленный характер и задача формирования общих концептуальных позиций в познании города как явления исторического процесса и его целостном понимании (структурной и содержательной организации как особого организма, функций, функциональных свойств и субстанционной сущности) сохраняет свое значение.

Разорванный в конкретно-исторической представленности, город постоянно воспроизводится в своем многообразии и разноуровневой характеристике как особый организм в исторической эволюции общества, выступая структурным компонентом этого процесса.

Особенно актуальной в этом плане представляется разработка подхода (наиболее слабо осуществляемого) к городу как фактору (а не просто как к историческому факту) общественного развития (при изучении особенностей его проявления, в частности, прерывистости и континуитета, локального отдельного и всеобщего в самом развитии города и города в развитии общества). В этом плане кажется важным рассмотрение проблем города в связи с явлением урбанизации, когда

она понимается во всей своей сложности – как содержание самого процесса становления и воспроизводства "города", его реальное наличие и "действие" как результат этого процесса и одновременно условие самого развития последнего. В этом плане урбанизация в широком ее понимании как особого явления социального движения и составной части процесса цивилизации (обеспечивающего становление и развитие исторически новой по отношению к первобытному обществу – социальности) предстоит во всем своем полном многоплановом и многоуровневом содержании, включающем урбогенез, урбанизационные процессы, урбанизацию как воздействие этих процессов и их результатов на развитие общества (имеющую в этом качестве самостоятельную сферу и закономерности действия), урбанизационную среду (см. ниже), урбанизированные структуры, пространства и т.д.

Рассмотрение города в комплексе как особого социального организма и одновременно необходимого компонента исторически определенного, сложного, классового общества, одного из основных образующих системы связи этого общества и его социально-пространственной организации, наконец, как явления исторического развития (не в прослеживаемых последовательных изменениях особенностей города на разных этапах, а как компонента самого процесса развития общества) – становится необходимым условием создания оптимальной познавательной ситуации его исследования.

"Город", "сити", "таун", "урбс", "шахр", "медина" и т.д. – все эти и многие другие названия введены в языки разных народов для определения в принципе одного особого общественного организма, который существовал и существует как объективная реальность, выделяемая в общественном сознании в сложной структурной организации социума. Появившись на исторически определенном этапе естественно-исторического процесса, как объективно обусловленное порождение его, город становится необходимым моментом организации общества и важным фактором его развития, кумулирующим и интегрирующим все отношения и связи исторически определенной социальности на всем протяжении ее исторической реализации. На разных этапах исторического развития он имеет свои характерные черты, отражающие особенности социальной организации, разную социальную базу соответствующего общества, ценностные установки, уровень и субъективные смыслы культуры последнего. Воплощенный в определенные конкретно-исторические формы и существуя только в них и выражаясь в определенных пространственно-временных координатах (практически можно говорить о смене пространственно-временной организации общества), город одновременно уже в самом своем воспроизводстве на исторически разных этапах включает особый сущностный смысл всеобщего для всех этих этапов значения.

Именно понимание всеобщности города, его реальной значимости в организации и развитии определенной социальности при сохранении специфических, только ему присущих моментов, выделяющих его как особое явление естественно-исторического процесса, обеспечивает возможности рассмотрения города как фактора прогрессивного развития

общества в целом, во-первых, как компонента организации конкретно-исторического общества, во-вторых. Но на передний план в этом случае выдвигается вопрос о его реальном месте в развитии общества, при жестком акцентировании внимания на городе как факторе развития, что обостряет проблему условий его становления и характере действия в этом развитии.

Особенно остро эти вопросы встали в связи с изучением древнейшего города, поскольку возникновение этого принципиально нового явления обуславливает необходимость объяснения его с собственно исторических позиций и поэтому предполагает не только установление признаков, особенностей, времени (хронологическое проявление), функций и даже условий и предпосылок, а и исторической необходимости и смысла его становления.

Именно в самом акте его становления, в способе конструирования как особого явления (но включающего ключевые элементы целостной структуры общества) раскрывается исторический смысл и значение города. В числе наиболее важных в этом плане вопросов встают следующие: что такое город как особое историческое явление? – Вопрос, оставшийся до сих пор без однозначного ответа. В чем состоит главная его особенность как явления исторически определенного? Можно ли расценивать его появление как стадиально значимый момент? Явилось ли появление города революционным моментом – городской революцией, как отмечал еще Г. Чайлд и многие в этом плане его последователи (В.М. Массон, Н. Хаммонд и др.), или же это процесс постепенный и ничего в нем революционного нет (Р. Мк. Адамс, Ю.В. Андреев, Р.Дж. Брейдвуд и др.)? Связывается ли факт возникновения города только с кумулятивными процессами в развитии общества, с появлением определенной совокупности нового, с постепенными (хотя порой и значительными по времени) внутренними изменениями таких социально-производственных структур, как поселения земледельческих общин, представляющих единственную форму социально-экономической интеграции общества на определенном уровне его исторического развития: общим увеличением их, а в ряде случаев приобретением ими некоторых новых функций (оборонительных, например). Иными словами, вызывает ли город как необходимая составная часть общества ранних земледельцев на определенном уровне их прогрессивного развития? Или же город является результатом глубоких принципиальных преобразований базовых оснований организации жизнедеятельности этих обществ, т.е. преобразований, обеспечивающих выход за пределы возможностей прогрессивного развития собственно раннеземледельческих общин (как особого типа социально-экономической интеграции). Последнее предполагает начало действия новых закономерностей общественного развития, отрицающих в своем действии прежние нормы жизнедеятельности (как основных) и поэтому обеспечивающих установление исторически нового уровня функционирования конкретных обществ. В последнем случае мы имеем реальное развитие – прогресс, где город выступает результатом и необходимым компонентом преобразований, имеющих революционный смысл и поэто-

му должен оцениваться, безусловно, как стадийно значимое явление и не может рассматриваться вне связи с глубинными преобразованиями в обществе общего порядка. А процесс урбанизации имеет значительно более сложное содержание, нежели рождение и развитие только особого организма – города.

Решение этих вопросов имеет принципиальное значение и в понимании и исторической оценке города.

В этой связи обостряются и усложняются вопросы причинно-следственного объяснения формирования и развития принципиально нового, исторически обусловленного организма. Каковы предпосылки и условия изменений в развитии общества, порождающие этот новый социальный организм, появление которого обусловило принципиально новую социально пространственную структуру организации общества?

Сложность определения города как отличного, своеобразного явления в период его первоначального становления, возникновения связана с особенностями развивающегося древнейшего еще мало дифференцированного общества, в том числе характером отношений индивидов, спецификой структуры и содержания их деятельности, степенью разнообразия последней. Возникновение города как нового типа поселения внутри и на базе существующих других видов поселений сельского типа в древнейший период истории, когда еще четко не сформировались его отличительные, внешние особенности, значительно усложняет определение, четкое выделение его как принципиально нового явления. Активно проводимый в настоящее время анализ письменных источников Двуречья, Западной Азии, с одной стороны, археологические материалы, с другой, – раскрывают сложные формы и условия осуществления социальной стратификации, изменения экономической организации обществ древнейших областей цивилизации и урбанизации, когда происходил переход от первобытного общества к принципиально новой исторической стадии общественного развития – обществу классовому. Далее, в результате расширения исследования памятников в областях Малой и Средней Азии, Афганистана, Северо-Восточного Ирака выявилась многоплановость, разнородность и многоэтапность формирования города, сложность процесса урбанизации, что также сыграло значительную роль в усложнении понимания города, потребовало уточнения подходов к его изучению и учета факта многоуровневости осуществления процесса урбанизации и развития самого города.

Как всякий развивающийся объект, город в процессе своего становления приобретает все характерные признаки и функции не сразу, хотя сама возможность развития его предопределена появлением в общественном производстве, в обществе определенного комплекса принципиально новых "обязательных" элементов и действия определенных новых факторов.

В археологической практике довольно хорошо известны поселения, приобретающие в своем историческом изменении новые существенные особенности, но не имеющие всех, в том числе наиболее важных и показательных признаков, связываемых с городами. Особенно ярко это

проявляется в тех случаях, когда мы имеем дело с такими областями, где становление урбанизации происходит в менее выраженной и менее динамичной форме (например, области Южного Туркменистана).

Одним словом, решение проблемы определения города упирается как в реальное состояние научных знаний, так и в сложность самого осуществления процесса урбанизации и разнопланового "проявления" города в нем и прежде всего на древнейших этапах этого процесса – в период возникновения города.

В свете вышесказанного можно отметить, что выявление природы и "смысла" становления, происхождения древнейшего города предполагает: во-первых, четкое понимание общей проблемной ситуации и вычленение главных конкретных задач и прежде всего дифференциации (что практически не соблюдается) уровней и направлений исследования: а) условий появления города, б) характера функционирования и особенностей его функций, в) определение его главных содержательных моментов и структурных элементов); во-вторых, сохранение при исследовании города подхода, обеспечивающего вычленение двух уровней его рассмотрения. Дать четкое определение города как фактора общественного развития – это значит вычленить те главные его особенности и обстоятельства, которые присущи городу на всех этапах его истории, в его всеобщезначимой определенности, с одной стороны, с другой, – вычленить те моменты характеристики этого социального организма, которые делают его необходимой составной частью исторически конкретной социальности.

Это значит, далее, на основе анализа функций города, его особенностей как исторически определенного социального организма выработать содержательное понятие, раскрывающее внутреннюю сущность, тенденции и принципы его развития. То есть важно выработать научное понятие о городе. Поскольку теоретическое определение города предполагает выявление закономерностей его генезиса и тенденции развития, а историческая ролевая нагрузка его обуславливается степенью реализации им прогрессивного начала в естественном социальном движении, в данной работе город рассматривается как конкретное содержание культурно-исторического процесса и как фактор развития – когда его появление и функционирование определяется как объективная необходимость перспективного движения общества и результат такого движения. И главной конкретной целью здесь является установление оснований и причин, возможности, необходимости и закономерности появления города как особого и важного образующего компонента всей организации жизнедеятельности общества, как нового социального организма, фиксирующего стадийные изменения, преобразования в историческом развитии последнего. Эти преобразования стадийного значения нельзя сводить только к определенным, пусть крупным изменениям, в той или иной, пусть важной сфере и даже к большей совокупности их. В данном случае они имеют всеохватывающий характер и касаются сущностных оснований развития общества и всех главных содержательных моментов его организации. Преобразуются не только объективные условия функциониро-

вания и развития общества, и прежде всего производственные основания его, но и главный субъект исторического действия – человек (его цели, потребности, позиции), обеспечивающий своей предшествующей деятельностью переход в исторически новое состояние. И независимо от всех, порой значительных, различий точек зрения на характер (в частности, эволюция при последовательном простом накоплении нового или эволюция, предполагающая "революционные" сдвиги) общественного развития, стадийные, уровневые оценки и периодизацию этого процесса и т.д. – практически большинство исследователей связывают появление и наличие города с исторически определенным уровнем и состоянием социальности; с обществом, по своему существу отличным от традиционных (даже при сохранении в нем многих традиционных структур), с обществом сложным, элитарным, классовым. Такое общество как исторически определенное, связанное с переходом к цивилизации, формируется на новых основаниях и как новое по своему характеру и природе. Результат таких глубоких стадийно-значимых преобразований, изменений в самом содержании естественно-исторического процесса "заключает" в себе город. И конкретной задачей автора является рассмотрение лишь некоторых, но важнейших структурных и содержательных изменений в экономической и социальной сферах общества, которые принципиально меняют взаимодействие людей, их место в обществе как субъектов исторического действия, характер самого общества, отношения, связи, все социокультурное содержание которого интегрируется городом* .

* Разработка темы была начата при финансовой поддержке "Международного научного фонда (фонд Сороса)– грант МНФ 1994 ZZ 500/191.

Глава I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДА КАК ОСОБОГО ЯВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

§ 1. К проблеме выделения города как исторического явления и предмета исследования

Объяснение природы города и его определение как факта и фактора исторического развития общества полагает, естественно, его выделение и видение его как особого явления. В этом плане история осмысления и формирования социокультурного образа города – требует особого внимания. Но это большая самостоятельная и практически не разработанная тема, требующая специального исследования. Здесь же представляется возможным остановиться лишь на некоторых моментах, представляющих интерес в разработке общей теории "определения" города.

Социально-психологическое осмысление города самим обществом – сложный процесс. Первоначально оно не было адекватно реальному развитию города, хотя практически люди достаточно рано выделяли среди других традиционных поселений новые городские структуры как объективно утверждающиеся центры новых связей и отношений (в том числе торговых управленческих и т.д.).

И.М. Дьяконов отмечает, что до середины I тыс. до н.э. в Передней Азии не было терминологического различия "города" и "деревни". "Такие термины шум. ugubar-(r)-а, аккад. каргит, евр. кáраг, видимо, обозначали тогда еще не "деревню", а "временное становище пастухов и охотников"; хотя в других случаях, подчеркивает И.М. Дьяконов, "кáраг аммонитян" на территории племени вениаминитян (Иис. Нав. 18:24), крг. һаррэгáзи" – это "деревня жителей открытой местности" противопоставляется иг мибшар "укрепленному городу" (I Царств. 6:18)¹. Единственным "обозначением любого постоянного населенного пункта, состоящего из более чем одного жилища, – от крупнейшего города до нескольких пастушьих хижин" в Передней Азии эпохи ранней древности был термин "álu (m) – эквивалент шум ugu, угар. g_rt., древн. еврейск. йг, хеттс. һарригас².

В то же время чрезвычайно важно отметить, что при отсутствии специального терминологического обозначения город (как реально существующий с характерными, фиксируемыми в частности археологи-

ческими признаками) воспринимается как явление особое, новое, богом данное, отличное от обычных уже традиционных поселений. В поэме о Гильгамеше II тыс. до н.э. Урук предстает как божественное деяние, "привнесенное", четко вычлененное.

"Урук, создание богов великих,
Эанну, храм, спустившийся с неба,
Части которого сделали великие боги,
Великую стену, касающуюся тучи"

(пер. И.Т. Канвой).

Неустойчивость терминологии, связанной с городом, отмечал В.Д. Блаватский и для античного времени. «Древнегреческое слово *αυτη* отвечает санскритскому (термину. – Э.С.) *vastu* (жительство) и славянскому "весь" (село). Термину *αυτη*, означающему населенный пункт, противостоит наименование *πόλις*, *πόλιςμα*, этимологию которого можно сопоставить с глаголом *πολέω*, имеющим значение "переворачивания", "пашу", и "населяю", "обитаю"». Таким образом, в понятие *πολις* входят пашня, т.е. территория и населенный пункт³.

Латинский термин, означающий город, особенно большой – *urbs*, имеет довольно прозрачную этимологию от *urbare urvare* – "очерчивать", "опахивать окружность" – обряда при основании города. Менее ясна этимология термина – *oppidum*, который прилагался к небольшому провинциальному или даже варварскому городку. Латинские авторы давали различные толкования этого термина. Согласно Варрону, термин *oppidum* означает укрепленное поселение. Что касается термина *ἄστυ*, то последний имел параллели в индоевропейских языках, где он означал населенный пункт и существовал, возможно, как полагал В. Блаватский, еще до III тыс. до н.э. Во II тысячелетии этот термин засвидетельствован линейным письмом, где он читался как *wa-tu* – *Ḡastu*⁴.

Однако на протяжении исторического периода терминология менялась и дифференцировалась, в зависимости от степени осознания системы поселений и их иерархии. К. Корпеман (по Ж. Эргону) считал, что италики, например, не случайно и не стихийно пришли к понятию города в том смысле, который греки придавали слову *πολις*, а римляне классической эпохи слову *urbs*, т.е. в смысле не только крупного поселения, населенного пункта, но и некоего организма, одновременно материального и духовного, живущего по своим собственным законам. Тит Ливий пишет, например, о самнитах, что их естественной формой поселения была деревня, а не город *urbs*⁵.

Но нет нужды подчеркивать, что понимание города как особого общественного явления в Древней Греции прослеживается достаточно четко и устойчиво, так же, как и "гражданских отношений", связанных с наличием городской среды. Достаточно вспомнить в этом плане соответствующие разделы сочинений "Государство" и "Законы" Платона и "Политики" Аристотеля. А идеальный город Платона в его "Государстве", хотя и имеет своего рода "внереальный, вземной" прототип (Федр, 247), базируется на представлениях, обусловленных не только наблюдениями реальных городских структур", но и сформир-

рованными знаниями о городской жизни, городской культуры, с одной стороны, социально-политическими установками гражданина городского общества, с другой.

В целом на протяжении всего древнего периода происходит вычленение в сознании, познание и освоение города как особого явления, включаемого органически в ткань обсуждаемой социальности.

В какой-то степени о новом этапе осознания города можно говорить в связи с сочинениями арабских географов VIII–X вв. (в частности Хордадбега, Ибн-ал-Факиха, Истахри, Ибн-Хаукали, Макдиси и др.), рассматривающих города в широком пространственном охвате и давших не только яркое описание восточных городов (Мерва Нишапура, Багдада, Бухары, Балха, Самарканда и др.), "исторические справки" о них, но и впервые обеспечивших в своих описаниях возможности их сравнительной оценки, объективно поставивших в своих спорах о статусе того или иного поселения проблему дифференцированного определения города, соотношения его с другими типами населенных пунктов – деревней, рабатов и т.д. А социально-политическая позиция и философское осмысление "проблемы города", высказанное арабским ученым IX в. Фараби, свидетельствует о достаточно глубоком для своего времени и удивительно четком на соответствующем уровне знаний понимании опосредованности города всеми общественными структурами и отношениями, а также его роли в организации общества⁶. Его же представления об идеальном городе могут рассматриваться в общем (хотя, естественно, на разном уровне и в связи с исторически разными условиями) ряду с сочинениями Томаса Мора и Томмазо Компанеллы, через призму города оценивающих идеальное общество. Ибн Халдун (автор XIV в.), подчеркивая общественное значение города и его функции, говорит о важной роли его как сосредоточения ремесла и власти⁷. Ремесло и торговля как важнейшая сфера определения города, занимает в кругах восточных историков X–XIV вв. значительное место. Но одновременно все больше акцентируется, причем часто в опосредованной форме, внимание на политической оценке города. Вычленение города как особого культурного явления, с которым связывалась цивилизаторская мысль, с одной стороны, и который стал объектом дифференцированной оценки как бы изнутри и в связи с которым возник особый диалог в его обсуждении, в отношении к нему, с другой, – отчетливо проявилось в литературе эпохи Возрождения – сочинениях итальянских и немецких гуманистов. Но в XVI веке формально еще в рамках традиции литературы гуманизма был заявлен новый историко-философский подход к оценке города, вплетенного в контекст реальной социальной истории Италии, трудом Никколо Макьявелли (1469–1527) "История Флоренции"⁸.

Напомним еще раз, что в данном разделе и отведенном объеме не может быть подробно рассмотрена тема становления и развития знаний о городе и его определения, историография вопроса. В данном случае представляется важным лишь наметить и подчеркнуть длительный поиск путей и подходов к осмыслению города – от содержательных

особенностей его, отличий от других видов и типов поселения, к определению его как особого явления, особого организма в структурной организации общества, его особенных функциях и далее – к определению его как явлению социальной истории. Но целесообразным и важным в связи с этим кажется отметить и тот факт, что на сегодняшний день в системе политэкономических, социально-философских и историко-археологических знаний отсутствует четкость и единство принципов определения города вообще как особого социально-экономического, политического и исторического явления, а поэтому и как предмета обсуждения. Отсюда наличие десятков определений и классификаций городов по различным показателям – функциональным, функционально-генетическим, динамическим, перспективным и другим.

Ниже мы неоднократно будем возвращаться к проблеме определения города как условия его предметного и теоретического анализа и как предмета научного обсуждения и прежде всего в системе исторических знаний.

Необходимо отметить, что определение города или отношение к нему как предмету исследования существует практически в большинстве исследований, ему посвященных – как в конкретных (по истории тех или иных городов), так и в общеисторических, социологических, теоретических разработках. Формирование же собственно научной позиции в познании древнейшего города складывалось под большим влиянием общенаучных интересов к нему в системе исторических и социальных знаний, где проблема города устойчиво и как социальная (хотя это и не начало изучений истории города) ставилась уже в конце XIX – начале первой четверти нашего века.

Значительную роль в развитии западной урбанистики сыграли в этом плане социологические исследования Г. Спенсера⁹ и Э. Дюркгейма¹⁰, затрагивающее в частности, важные в изучении и научном определении города проблемы разделения труда и взаимоотношения сельского и городского населения. В 1903 г. вышла работа А. Вебера "Рост городов в XIX столетии"¹¹ (в которой поднимался комплекс вопросов общего плана и прежде всего экономические аспекты города), а в 1905 г. появилась книга К. Бюхера "Большие города в их прошлом и настоящем"¹², М. Вебера "Город", сыгравшие большую роль в развитии идей урбанистики. Но, пожалуй, реальное становление нового этапа в истории изучения города связывается с периодом 20–30-х годов. Начало его было положено серией вышедших в этот период работ Н.Р. Анциферова¹³, М. Вебера*, Р. Парка¹⁵, Л. Вирта¹⁶ и др., в которых определялись функции города, его основные особенности, роль. В системе собственно исторических знаний проблемы города как особого исторического и социально-экономического феномена были рассмотрены в этот период в работах В.В. Стоклицкой-Терешкович¹⁷ в связи с историей немецких городов и А. Пиренна¹⁸ при характеристике средневековых городов Бельгии. В исследовании древнейших и древних городов в системе археологических знаний приобрела значение, осо-

* Имеется в виду русский перевод (1923 г.) книги М. Вебера "Город".

бенно в наши дни, работа В. Кристаллера (посвященная характеристике европейских феодальных городов), заложившая оказавшийся перспективным эконом-географический подход "центрального места" к характеристике урбанизированных структур, вышедшая в 1933 г.¹⁹

Однако в системе историко-археологических знаний на социологическом уровне проблема древнейшего и древнего города впервые была заявлена Г. Чайлдом в 1933 г.²⁰

Новый подъем интереса к городу в связи с его происхождением и древнейшей историей и практически реальное открытие проблемы в системе собственно археологических знаний происходит в 50-е годы. Начинается он выступлениями в печати двух известных специалистов – Г. Чайлда и Г. Франкфорта.

В 1950 г. Г. Чайлд выступил со ставшей теперь знаменитой статьей "Городская революция"²¹, в которой поднимаются два принципиально важных вопроса. Первый – характеристика города, которая производится на основе десяти основных признаков его. И второй – значение появления города, которое объясняется (и в этом плане Г. Чайлд опередил многих современников) как "городская революция" – имеющая глубинные социальные причины. Одновременно была опубликована статья Г. Франкфорта, посвященная древним городам Месопотамии²². И вслед за этим в 1952 г. вышла его монография "Зарождение цивилизации на Ближнем Востоке"²³, где проблема города была вычленена специально, в том числе дано его определение как в основном административного центра. В 1952 г. вышла работа Р. Брейдвуда "Ближний Восток и основания цивилизации"²⁴.

Считая, что Г. Чайлд увлекается при определении города техническими и экономическими показателями, Брейдвуд Р. подчеркивает важность социальных факторов в истории развития города и необходимость их учета при характеристике древнейших поселений. В числе признаков города, обсуждаемых Р. Брейдвудом, большое место отводится таким, как наличие классов и иерархии, официальное управление работами, официальная государственная политика и т.д.

В 1956 г. Г. Чайлд снова возвращается к вопросам исторической оценки города в своей монументальной, широко известной работе "Древнейший Восток в свете новых раскопок"²⁵, а затем и в 1967 г. в своей малоизвестной статье, посвященной вопросам связей цивилизации крупных центров, городов²⁶. Подтверждая в них практически значимость экономических факторов, Г. Чайлд рассматривает проблему города в широком социокультурном аспекте.

Созданная к концу 50-х годов проблемная ситуация исследования города обеспечила необходимость и результативность обсуждения последнего на Международном симпозиуме в 1958 г., нашедшем отражение в специальном издании с весьма показательным названием "City Invincible"²⁷. Непобедимость города (признанная в самом названии) проявилась в том новом круге возникших при его обсуждении вопросов, которые определили не только новый подъем, но и новый характер исследований поселений, связываемых с городом, вновь обострили обсуждение вопроса самого определения города.

Возникли в более глубоком осмыслении вопросы предпосылок города, что нашло отражение в специальном издании "Course toward Urban Life"²⁸. В системе вопросов предпосылок и альтернативного определения поселений с рядом городских признаков на территории Южной Туркмении рассматривает урбанизационные процессы в зоне "вторичной цивилизации" В.М. Массон в ряде своих статей²⁹. Особое место в разработке проблем древнего города в 60-е годы занимают исследования Р.Мк. Адамса, заложившего в своей фундаментальной работе 1966 г. "Land Behind Baghdad..." принципиально новые подходы к его изучению.

Применяя системный подход и метод археологической топографии в их взаимосвязи к изучению большой совокупности поселений Месопотамии, Р. Мк. Адамс иерархизирует последние и прослеживает их соотношение. Он выделяет в частности для исследуемой им области три типа поселений периода IV–II тыс. до н.э., классифицируя их по размерам. Реконструируя характер образующихся консолидаций групп городов в виде "созвездий вокруг звезды"³⁰, Р.Мк. Адамс фиксирует (хотя и не разграничивает их строго хронологически) практически реальную, объективно обусловленную сложную дифференциацию поселений, характеризующих особенности расселения в период становления и начальных этапов урбанизации. В другой своей книге "Естественная история урбанизации"³¹, относящейся к 1968 г., он особо подчеркивает "узловое" значение города, давая ему социально-экономическую характеристику как центра не только хранения, но и распределения всего накопленного, в том числе прибавочного продукта. Одновременно именно концентрация богатства в городе делает, по его мнению, город центром экспансии, "милитаризма".

В этих и последующих своих работах Р.Мк. Адамс, связывая города с глубокими изменениями в развитии общества, с глубокой социальной и политической иерархией, территориальным разделением, с государством, разделением труда, особое значение придает политической функции города как организующей.

В целом 60-е годы в изучении проблемы города занимают особое место. Реализующие новый археологический материал исследования, дискуссии по ставшим уже традиционным и новым, формирующимся в этот период проблемам, обусловили не только расширение знаний о городе, но и принципиально новый уровень его познания, определили новые принципы подхода к анализу явления урбанизации.

В 1969 г. рубежное значение в изучении древнейшего города в нашей стране приобрел Всесоюзный симпозиум "Города и торговля на Древнем Востоке" (III–I тыс. до н.э.), проведенный в Ереване 10–23 мая 1969 г., материалы которого были опубликованы в 1973 г.³² На этом симпозиуме была не только предпринята попытка наиболее глубокого определения города известным востоковедом И.М. Дьяконовым, до сих пор не потерявшая своего значения в разработке проблем города (см. ниже), но и был осуществлен особый подход к городу как к живому организму – к конкретным формам городской торговли (Янковская Н.М.), к городской идеологии (Н. Афанасьева) и т.д.

Важным явлением в изучении древнейшего города стал обобщающий существующее положение в историческом познании этого феномена и одновременно открывающий широкое поле новых дискуссий, проведенный в 1972 г. в Лондоне семинар "Человек, общество; урбанизация"³³. Уже выделенные для обсуждения направления, посвященные доурбанизированным обществам, факторам, влияющим на развитие как урбанизированных, так и неурбанизированных обществ, отражали (что чрезвычайно важно) исторический подход. На этом симпозиуме, в котором приняло участие значительное число крупных специалистов по урбанизации, был выдвинут ряд наиболее актуальных проблем.

Среди наиболее важных в этом плане моментов представляется постановка вопроса о необходимости разработки общей теоретической концепции урбанизации (P. Wheatly), проблем определения (R. Mc. Adams, V. Trigger, M.G. Smith), функций (D. Grove), условий появления города (T.C. Young) и др.

Уже сама конференция проходила при новом интересе к проблемам города и одновременном появлении ряда крупных исследований. В их числе работы Р.Мк. Адамса, М. Хаммонда и др. В последующие годы не только сохраняется, но и происходит подъем интереса к древнейшему городу, в том числе устанавливаются новые направления его исследования. Усиливается внимание к проблемам предпосылок города, содержанию и формам проявления урбанизации. На новом уровне актуализируется обсуждение определения его значения и функции. Не случайно в последующие 70–80-е годы расширяется и усложняется проблематика в сфере исследования древнего города. Последняя обсуждается на специальных конференциях (в том числе, в нашей стране в 1977 г. в Ленинграде, в 1984 г. в Намангане³⁴, а затем в 1993 г. в Москве³⁵ и др.). Разработке ее посвящен ряд серьезных работ. Среди них новые исследования Р.Мк. Адамса, К. Фланнера, Ф. Кола, Г. Джонсона, В.И. Гуляева, В.И. Массона, К. Ламберг-Карловского и др.), в которых не только заново и на новом уровне поднимаются вопросы определения города все больше с уклоном оценки его функционального значения и условий появления, но и системно-структурных связей и отношений его.

Итак, становление и разработка проблемы города, в данном случае его определения, происхождения и древнейших этапов развития, – предстает как сложный и длительный процесс накопления углубляющихся знаний и одновременно усложняющихся и расширяющихся вопросов – и больше вопросов, чем ответов. Коротко представленный перечень работ и обсуждаемых проблем далеко не отражает историю и реальное состояние познания сферы урбанизации, связанной с проблемами древнейших городов, их происхождения и, конечно, более общей проблемы – определения городов. Но важным представлялось показать длительную дистанцию формирования представлений и понятия о городе (так и не определенного на уровне понятия теоретического), сложность и самостоятельность проблемы его происхождения и становления – проблем, выступающих в числе главных в решении кардинальных задач раскрытия закономерностей исторического процесса.

§ 2. Признаки и функции города в его определении

Определение и объяснение города как особого социокультурного феномена, необходимые в разработке практически всех проблем урбанизации и цивилизации, приобретают особую остроту в исследованиях древнейших этапов его истории.

Сложность определения города как отличного от других особого рода социального явления в период его становления (включая предпосылки, реальное начало) обусловлена спецификой генезиса такого рода (социального) явлений. Возникновение города как нового типа поселений происходило постепенно, в рамках наличной системы, и формирование образующих его элементов осуществлялось внутри системных связей и отношений, ему не свойственных, отрицаемых им в тенденции своего развития и становления как реальности. Отличительные особенности его, в том числе внешние признаки, также появлялись постепенно и сначала еще нечетко. Поэтому вычленение и определение города на этом раннем этапе связано с большими трудностями. Но именно в генезисе города, в его "структурировании" как разрешения противоречий в обществе и присвоении особой функции носителя новой по своей природе социальности, содержатся и раскрываются его существенные характеристики.

Формирование научного определения города предполагает, в частности ответы на следующие вопросы: каковы характерные признаки его как особого объекта, в чем проявляются особенности его функций, каковы причины и время, историческая обусловленность появления, тенденции развития? Решение их лежит в основе установления содержательной сущности города, исторического смысла его появления и функционирования. Но только выявление "механизма" самого движения, обусловившего необходимость новой содержательной сущности, обеспечивает глубинное понимание города как социального явления, его субстанциональной сущности.

Определение (общее и дифференцированное) города все исследователи единодушно считают одним из наиболее главных в его изучении. Существуют десятки определений, в том числе в связи с изучением древнейших городов, научный анализ которых может быть темой отдельной монографии. Известны различные подходы – морфологический, функциональный, функционально-генетический и т.д. В данном случае представляется возможным остановиться на вопросе определения города лишь в той мере, в какой это необходимо для обсуждения основных проблем, ставящихся в настоящей работе, а именно – выявление природы древнейшего города и его объяснения как фактора развития (с учетом позиций и представлений, уже высказанных автором в соответствующих публикациях)³⁶.

Как уже отмечалось, одним из важнейших вопросов определения города является проблема взаимосвязи общего и особого в нем. Город античный и город капиталистический, город китайский, русский, город средневековый, среднеазиатский, европейский – это совершенно разные явления. Но есть нечто общее, что образует его специфику как особого социального организма во все эпохи и в разных регионах и что

определяет его как город. Однако к возможности его общего, единого определения разные исследователи подходят по-разному. Один из крупнейших урбанистов Л. Мамфорд, например, подчеркивал, что "никакое одно определение города, никакое описание города не может соответствующим образом отразить все его особенности и изменения, начиная от его зарождения до проявления в зрелых формах"³⁷. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи. Существует мнение, согласно которому, хотя и имеется определенная "общность" городов в целом (в частности, в морфологии, где сохраняются всеобщие черты), глубина различий их для разного времени (древних и средневековых) "не может обеспечивать возможности их классификации"³⁸. Но не в меньшей, а значительно большей степени, чем сомнение, проявляется настойчивая потребность решения проблемы общего определения реально существующего в своем объективно обусловленном воспроизводстве на разных этапах и в разных регионах особого организма – города, кумулирующего и интегрирующего отношения определенной социальности – общества эпохи цивилизации. Последнее проявляется в неумолкаемых спорах и постоянном обращении к этой теме большого числа исследователей. Тенденция поиска такого общезначимого определения города особенно остро проявляется, как уже отмечалось, в системе археологических знаний.

В поисках общего адекватного определения города как особого явления археологи широко применяют морфологический подход. Важную роль в развитии идеи морфологического подхода сыграла, как уже отмечалось, работа Г. Чайлда "Городская революция", в которой для обсуждения были предложены десять, наиболее характерных, по мнению исследователя, признаков города, возможного и реального его наличия. Это действительно внешне фиксируемые показатели – монументальные публичные постройки, прежде всего храмовые, новые направления в развитии художественного выражения, разнообразие стилей (проявляемые в самих памятниках), письменность; это опосредованно восстанавливаемые показатели – значительное число жителей (определяемое по размерам поселений, плотности застройки), определенный состав населения и занятий жителей, связанных с ремесленным производством (воспроизводимые условно по топографии и характеру строений, инвентаря и т.д.), развитие торговли (предполагаемое на основе наличия привозных предметов); это показатели, логически реконструируемые по совокупности и соотношению данных – концентрация прибавочного продукта, классовая структура общества (появление правящего класса), формирование государственности³⁹. Между тем вышеназванные признаки рассматриваются рядоположно, не ранжируются по значению, смыслу и т.д., как в названной работе Г. Чайлда (на что справедливо указывает Р.Мк. Адамс⁴⁰), так и в работах его последователей. Тем не менее, именно с момента появления предложенного Г. Чайлдом списка резко активизировались дискуссии по поводу признаков, функций, условий появления города.

В 1958 г. Л. Мамфорд на совещании в Чикаго, подверг критике некоторые положения концепции Г. Чайлда, настаивая на том, что ранний

город отличался от деревни в основном количеством жителей и размерами. В структурном плане "организующим центром города выступает укрепленная цитадель, в которой находились дворец и храм"⁴¹.

Р. Брейдвуд заявил, что город отличается от деревни прежде всего размерами и числом жителей⁴². М. Хаммонд, определяя город, отмечал плотность населения и застройки, укрепления, наличие центрального святилища и то, что значительная часть населения не занимается сельским хозяйством⁴³. Важное значение количественному составу населения, плотности и характеру застройки придают Дж. Файрсервис⁴⁴, К.К. Ламберг-Карловский⁴⁵. В то же время Д. Гров⁴⁷ и Б. Триггер, считая необходимым выделять признаки города как особого поселения, считают, что такие показатели, как размер и плотность населения, недостаточны. Б. Триггер особое значение придает развитию специализированного труда⁴⁸. Количество предполагаемых для обсуждения города признаков увеличивалось, усложнялась аргументация их введения и значения в его определении. В 1977 г. В.И. Гуляев предложил новый обобщенный список признаков города, доступных прежде всего реальному, в том числе археологическому наблюдению. Среди них: 1) появление дворцовых комплексов – мест пребывания правителя и его двора; 2) появление монументальных храмов и святилищ; 3) выделение тем или иным способом (стена, ров, "акрополь" и т.д.) важнейших дворцово-храмовых сооружений из общей массы жилых построек и размещение их в "престижной зоне" – в центральной части поселения; 4) резкое отличие этих "священных кварталов" – политико-административного и культового ядра любого раннего города – по внешнему виду и общему составу находок (предметы роскоши, монументальная скульптура, живопись и т.д.) от жилых кварталов; 5) наличие пышных царских гробниц и захоронений; 6) монументальное искусство; 7) письменность (эпиграфия); 8) количественные показатели: большая площадь, значительное число жилых и общественных построек, сравнительно густое население⁴⁹.

Список выдвигаемых позиций можно было бы значительно увеличить, тем более расширяя хронологические и пространственные рамки и научные сферы обсуждения проблемы определения города. В данном случае необходимо отметить, что анализ выдвигаемых и обсуждаемых признаков позволяет проследить следующие, важные в оценке поселений-городов моменты: во-первых, практически во всех случаях подчеркиваются кумулятивные показатели его выделения (концентрация людей, средства, увеличение размеров поселений, построек и т.п.); во-вторых, фиксируются показатели, связанные с изменением структурной организации поселений и содержания жизнедеятельности их обитателей (новая планировка, новый, более сложный состав населения, в частности, выделение групп, не занимающихся земледельческим трудом и т.д.); в-третьих, появление нового уровня самосознания (крупные храмовые комплексы, письменность и т.п.) населения, что в целом свидетельствует о новом культурном уровне его. Все эти моменты отражают фактические и значимые изменения в жизнедеятельности общества, которые во многом "отделяют" последнее от первобытного.

И, с одной стороны, существует явная взаимосвязь всех вышеназванных показателей, с другой, – даже наиболее четко визуально фиксируемые из них и не свойственные в принципе традиционным поселениям, вызывают потребность их соответствующей оценки и рассмотрения в контексте реальных исторических процессов.

Так, одним из показателей поселений, отличных от обычных первобытных, является их размер. Рост размеров поселений в процессе формирования городских структур – это действительный факт, хорошо фиксируемый в числе изменений, связываемых с процессами урбанизации. Существуют различные точки зрения относительно размеров, которые могут служить определенным основанием отнесения их к городам. Р.Мк. Адамс, прослеживая изменения в структурной организации поселений и соотношении размеров последних в древнейших областях цивилизации, считает, что городами можно называть поселения размерами от 6 га (при этом поселения от 6 до 25 га определяются им как города, свыше – крупные города, более же 50 га – городские центры)⁵⁰. Иногда нижний порог "городских" размеров, например, для областей Центральной Азии, понижается до 4 га. В то же время становится все более очевидным, что при всех уточнениях, вновь привлекаемые и по-новому осмысленные данные о земледельческих поселениях периода неолита – бронзы, обуславливают необходимость более строгой и дифференцированной оценки такого показателя социальной принадлежности поселений, как их размеры (достаточно вспомнить размеры неолитического поселения Чатал-Хююк, неолитических поселений Южного Туркменистана: 12 га – Геоксюр, 15 га – Кара-Депе⁵¹, или размеры трипольских поселений, достигающих 450 га)⁵². Очевидно, внутрисистемные возможности интеграции общинного общества были большими и обеспечивали довольно широкие пределы роста поселений без сущностно значимых изменений их структурной организации. Тем не менее процесс роста и дифференциации поселений по размерам – один из существеннейших показателей их определения. Обусловленные комплексом объективных обстоятельств социально-экономического плана, они определяли новые условия расселения. Установивались качественно новые связи дифференцированных по размерам, значению и затем структуре поселений. В этом плане характер, особенности связи поселений урбанизированных и урбанизирующихся обществ фиксируют исторически новый структурный уровень организации социального пространства общества, новое содержание и условия жизнедеятельности населения. Поэтому анализ условий, особенностей, степени динамичности и выраженности процесса роста и дифференциации поселений имеет чрезвычайно важное значение в познании процесса возникновения городов и их определении.

Рост городов напрямую связан с увеличением количества населения. И не случайно численный рост населения и концентрация его выдвигается практически всеми исследователями в числе важнейших признаков города. И хотя численность жителей неолитического поселения Иерихона, например, на рубеже IX–VIII тыс. до н.э. достигала по расчетам

ученых 2000 человек⁵³, Чатал-Хююк – от 2000 до 5000⁵⁴, в целом число жителей поселений первобытного общества было значительно меньшим, а заселение менее плотным, чем уже для самых древних городских поселений. На вышеупомянутом Чикагском семинаре было предложено в качестве реального признака города число жителей более 5000 человек⁵⁵. Количество жителей древнейших городов, по мнению ученых, достигало 20 000 человек (по Г. Чайлду)⁵⁶. А для Ура исследователи называют от 24 000⁵⁷ до 34 000⁵⁸. Концентрация населения, определенная плотность его, поэтому концентрация потребностей и средств для конкретных поселений – это безусловный показатель инвариации в раннеземледельческом мире. Однако сам по себе рост населения не определял образование города. Он означал увеличение объема имеющегося жилого пространственного фонда и обеспечивал лишь возможности роста и дифференциации поселений по емкости, размерам. Поэтому не случайно встал вопрос о содержательной характеристике населения крупных поселений с большим количеством жителей. Еще в 1906 г. М. Вебер подчеркивал, что важным моментом в определении города является тот факт, что обитатели города в своем большинстве живут неземледельческим трудом⁵⁹. Чайлд Г., предлагая в качестве одного из признаков города количество жителей, одновременно определяет и особый состав их. "Город, – писал он, – должен не только обладать определенной величиной, но также служить местом сосредоточения по крайней мере значительного количества людей, извлекающих средства к существованию не непосредственно из охоты, рыболовства или сельского хозяйства, а из ремесла, торговли и других занятий"⁶⁰. Специальное внимание занятиям жителей крупных поселений, определяемых как города, уделяет Файрсервис⁶¹, Г. Франкфорт⁶², А. Оппенгейм⁶³, Р.Мк. Адамс⁶⁴, Хаммонд М.⁶⁵ и др.

На названном уже Лондонском симпозиуме 1972 г. при обсуждении проблем дифференцированной характеристики поселений разгорелась дискуссия об особенностях городского населения, состава и соотношения, в частности, земледельческого и неземледельческого населения. М. Хаммонд, выступивший в этой дискуссии, а также и в своей монографии, уверенно подчеркивал, что в древности значительная часть жителей города занимается земледельческим трудом и что это является обязательным показателем в его определении⁶⁶. Б. Триггер на этом же симпозиуме активно выступал против определяющей значимости в характеристике древнейших городов именно неземледельческого населения⁶⁷.

Активную позицию в отношении оценки занятий городского населения занимает Ю.В. Андреев. Рассматривая город как "полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения", непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства, он считает невозможным называть такие древние (практически в основном общепринятые как города Месопотамии IV–III тыс. до н.э.), поселения, как Урук, Лагаш и другие, – городами. Последние, по его словам, "представляли собой специфическую форму территориальной консолидации земледельческого населения"⁶⁸.

Состав населения, характеризующий по месту в производственной деятельности и условиям функционирования в древнем обществе, чему, как отмечалось, придается особое значение во всех основных определениях города – действительно один из важнейших моментов в его содержательной характеристике.

Значительное или преобладающее количество земледельческого населения в древнейших городах действительно действующее и, более того, обязательное явление, в частности, для древнейших городов Месопотамии. Наличие в значительном объеме мелкого земледелия в них – показатель, который четко фиксируется в материалах письменных источников. На интерес к сельскохозяйственной деятельности, имеющийся у большей части жителей города Ура XIX в., например, указывает И.М. Дьяконов. Так, он отмечает, что "почти в каждом архиве есть документы о приобретении финиковых плантаций (архив КуНингаля, UET V, 140; 180; 179, 272. ср. его служебный надел. 883), аренде частных полей (всегда у коллективов: архив Ададбани-Думузигамиля, UET V 211; архив ПузурДаму 205, 206 – с уплатой храму; 209); сдаче и аренде служебных полевых наделов (архив КуНингаля: UET V, 212, 213, 215; архив Имлику: 207); ссуды зерном, также, вероятно, большей частью предполагает земельную собственность или большой земельный надел у кредитора"⁶⁹.

Значение земледелия как важного экономического основания города и высокий процент земледельческого населения в последнем, объективно обусловленные на древнейших этапах его развития, сохраняются, хотя естественно на другом уровне и в другой ситуации, и позже – в древности, средневековье.

В.Д. Блаватский⁷⁰, Г.А. Кошеленко⁷¹ подчеркивают, например, что экономика полиса⁷² базировалась в основном на сельском хозяйстве, которое представляло основную сферу занятий граждан.

Высокий показатель земледельческого населения, четко фиксируемый в древних городах, часто определяет, как уже отмечалось, общую позицию исследователей в оценке города как социального явления и его связей с общеисторическими процессами. И потому вопрос о соотношении земледельческого и неземледельческого населения и значительном преобладании первого в древнейших городах, приобретает принципиальное значение и требует специального рассмотрения.

Необходимо прежде всего отметить, что соотношение земледельческого и неземледельческого населения в содержательной характеристике города должно рассматриваться более глубоко и не только в конкретных количественных показателях, но и в динамике последних, во-первых, в системе всей совокупности производственных отношений общества, в их развитии, во-вторых.

Что касается первого, то исторически достаточно четко прослеживается тенденция изменения характера этого соотношения уже для древних эпох. В этом плане имеются данные для греческих городов I тыс. до н.э. Так, например, для Афин подсчеты показывают значительное изменение (увеличение) числа людей, занятых в ремесле с V в. до н.э. – 330 г. до н.э.⁷³

Это же касается второго момента, то здесь особенно важно понимание исторической сущности процесса урбанизации и сохранения принципа развития в его познании, в частности в осмыслении явления изменения в составе и соотношении городского населения на разных этапах этого процесса.

Необходимо, например, помнить, что ситуация становления древнейшего города и формирование средневековых городов, где в этом процессе значительную роль играло подвергавшееся социальной эрозии и переселяющееся крестьянство (крестьянство как особый класс развитого феодального общества) – было разной. И поэтому неправильно, как это делают некоторые исследователи⁷⁴, переносить характеристики места земледельческого населения в образовании средневековых городов на древнейшие периоды их становления. Характеристика процесса формирования населения древнейших городов должна определяться реальной ситуацией их появления (в том числе при учете отсутствия самого крестьянства в том виде, в котором они сложились в средневековье). В этом плане и этнографические сравнения должны осуществляться с учетом общей исторической перспективы развития.

Вызревание города происходило на исторически определенном уровне развития системы обществ раннеземледельческих культур. И на первоначальных этапах становления города в нем не могли концентрироваться только люди неземледельческого труда. Город возникал не вне существующего общества и особенностей его организации, а внутри этого общества, основанного на земледельческом базисе. Новые производственные группы населения должны были быть сформированы внутри и в рамках экономической организации земледельческих общин, и не в небытии, а постепенно на основе конкретной, все более расширяющейся и становящейся все более стабильно самостоятельной (по отношению к традиционной земледельческой) в своем функционировании неземледельческой деятельности, а также новых отношений к этой деятельности и внутри ее. Формирование таких новых производственных отношений в рамках прежних общинных связей, вычленение и специализация особых функций определенных групп населения, безусловно, обеспечивалось появлением и функционированием соответствующих экономических оснований и представляло длительный процесс их зарождения и развития. Именно координация этих новых отношений, их интеграция и реализация предполагают необходимость новых структур организации населения. И поэтому анализ особенностей формирования состава населения и тенденции его изменений и расселения приобретает важный смысл в оценке поселений и в вычленении среди них города.

Изменения в отношениях взаимодействия населения и в характере его жизнедеятельности проявляется не только в росте населения города, но главное, в их организации, фиксируемой в его топографии. Не случайно изменение облика поселения стало предметом специального обсуждения в исследовании особенностей развития города и его определения. В числе важных показателей пространственной организации города называются – специальные укрепления, городские стены,

дифференциация строений, наличие монументальных комплексов – храмов и дворцов, производственных участков и т.д. Серьезное значение структурным изменениям поселений в становлении и характеристике города придается многими учеными. Автору уже представлялась возможность высказать свои соображения относительно некоторых, выдвигаемых в качестве новых структур, городских объектов⁷⁵. Поэтому здесь заостряется внимание на оценке социально значимых структурных компонентов, фиксирующих "городское начало".

Так, достаточно широко в качестве свойственных городскому типу поселений обсуждаются специальные укрепления. Особое место укреплениям в определении города отводил, например, М. Вебер⁷⁶.

Однако наличие достаточно выраженных укреплений таких неолитических поселений как Иерихон VIII–VII тыс. до н.э. (которые связывают в связи с этим иногда с поселением городского типа⁷⁷), Телль-эс-Савваны VI тыс. до н.э.⁷⁸ и др., не являющихся по общему социальному и экономическому содержанию городами, с одной стороны, и отсутствие их для некоторых реальных городов, с другой, – делает этот признак в определении городов нестабильным (хотя в целом укрепление остается характерным моментом структурной организации города).

В то же время усложнение архитектурной застройки за счет ее разнообразия и формирования особого пространства, включающего в частности растущую планомерность внутренней организации и "иерархию" разных планов ее и т.д. – безусловно важные показатели изменения типа поселений, развития города.

Особое место в структурной организации городского поселения отводится практически всеми исследователями монументальным сооружениям и прежде всего храмам. Самовыделение (именно выделение, а не просто создание) общего идеологического центра, воспринимаемого древними как космогонический центр, как общее, но одновременно надстройка над общинными отношениями "равенства" – "неравенства" всех перед богом и неравенство в отношении к нему разрушало главные принципы общинной социальности. Храмы кумулировали большой по тому времени труд в самом строительстве (по расчетам А. Фалькенштейна, например, строительство только одной террасы храма в Уруке при условии работы 1500 человек по 10 часов в день должно было продолжаться пять лет)⁷⁹. А позже в организации специального и специализированного труда, храмы выступали серьезной силой и катализатором формирования новых отношений. Привлечение и организация большого количества труда обуславливалось не только возможностями (прежде всего, естественно) использования его как прибавочного (сверх необходимого для собственного воспроизводства), но и новой позицией субъекта, "подготовленного" не просто к покровительству предков, сил природы, а и к господствующему над ними персонализированному главному божеству. Но реальная сила храма в развитии общества проявлялась лишь в определенных условиях.

Храмы ближневосточных поселений и городов в условиях интенсивного развития раннеземледельческих обществ реально выступали не

только показателями определенных социально-экономических изменений в конкретных обществах, но и активно действующими факторами сложных изменений, связанных с переходом на исторически новый уровень, с процессами цивилизации. Занимая высокое престижное положение в уже усложнившейся структуре общества, и представляя особую общественную форму определенных связей и отношений его, храмы в условиях развертывания больших совместных ирригационных, а также строительных работ (как это было, например, в Месопотамии) и в ситуации расширенных контактов поселений разных областей (обеспечивающих потребность в какой-то централизации), становились и организаторами конкретной производственной деятельности. Особенности такой организации могут быть более или менее полно прослежены по материалам архивных документов месопотамских храмов IV–II тыс. до н.э. Положение последних в качестве организаторов на определенном уровне и в соответствующей форме было важным фактором (хотя и не главным) в создании особой социально-экономической ситуации развития общества в Месопотамии периода IV–III тыс. до н.э.

Объединительные, идеологические и организационные тенденции в развитии храмов Ближнего Востока способствовали развитию их управленческих функций в целом как социального института и в соответствующих условиях легко надстраивались административно-управленческими функциями, более глубоко социально-экономически детерминированными. Кроме того, храмы образовывали архитектурно организованное ядро поселений, обеспечивая центростремительные тенденции их развития, что, безусловно, имело важное значение в развитии городов. В то же время храмы, кумулирующие труд, организующие многие важные связи населения, легко "специализирующиеся" в соответствующих условиях именно как идеологические центры (например, некоторые "отделенные от города" храмы Египта⁸⁰ не обладали теми интегрирующими возможностями, которые обеспечивали бы им главную, "образующую" роль в формировании города как особого по своему содержанию и функциям организма.

Важную нагрузку в дифференцированной организации городского пространства и формировании отношений в городе несли дворцовые комплексы. Они выделялись не только своими мощными строениями, стенами, но и содержанием внутренней жизни в них, ценностями и потребностями, зафиксированными в их планировке, в характере помещений (библиотеки, ванны и другие сооружения дворца в Мари, например). Здесь во дворцах организовывался так же, как и в храмах, труд соплеменников. Источники свидетельствуют не только о большом объеме, но и разнонаправленной специализации кумулируемого здесь труда. Достаточно вспомнить данные, приводимые в работах А.И. Тюменева, И.М. Дьяконова, И.С. Шифмана и др. (см. ниже). И целевая направленность труда здесь уже другая, не храму как общему для всех "через бога", и не для бога в представлениях поселенцев, а для другого, отличного от них, имеющего право на их труд (см. ниже о субъекте города). Поэтому наличие дворцовых комплексов, сложный характер их

организации – это реально значимый показатель разрушения общинных норм и формирования новых социальных отношений.

Однако дифференциация структурной организации поселений, связываемых с городом, наиболее значимо проявляется в наличии престижных зон, различий "поквартальной" организации, специализированных участков, выделяемых в частности на поселениях III–II тыс. до н.э. в зонах древнейших цивилизаций. Более того, реальные исследования процессов урбанизации в их "пространственном выражении" в зоне, так называемой "вторичной цивилизации" (речь, естественно, здесь может идти о втором по времени порядке развертывания процессов) позволяют отметить рост поселений часто именно за счет насыщения их ремесленной сферой, формированием "кварталов" специализированного труда (как, например, в Гиссаре, где участки производственной деятельности составляли одну треть площади поселения⁸¹). Для указанных областей, где царские и храмовые формы организации хозяйственной деятельности не были столь развитыми как в Месопотамии, структурообразующее значение таких специализированных участков было особенно большим. Такие специализированные производственные центры все более уверенно связываются с глубинными изменениями в социально-экономических основаниях, с формированием элитарных обществ.

Все вышеназванные, археологически фиксируемые или реконструируемые особенности поселений городского типа могут быть объединены в их ролевой значимости. Все они являются не только показателями, но и реальными обстоятельствами преобразований в социально-экономической сфере организации жизнедеятельности земледельческих племен, факторами развития городов – рост населения (обусловленный объективными причинами, но и сам обеспечивающий процесс преобразования поселений), появление монументальных построек (кумулирующих и организующих труд общинников и изменяющих структурную картину поселений), новая планировка. Некоторые из вышеназванных обстоятельств-показателей города выступают не только содержательным моментом, но порой и условием (например, концентрация) его становления. В то же время изменения в характере организации жизнедеятельности обществ и развитии поселенческих структур, прослеживаемые археологами, в том числе такие, как рост населения, территории поселений, дифференциация по объему и особенностям планировки строений, инвентаря и предметов быта жилищ, выделение локальных комплексов, свидетельствующих о специализации труда и т.д., обуславливались глубинными процессами активного преобразования базовых основ социально-экономической организации первобытного общества, и прежде всего материального производства. Будучи важными, а порой необходимыми в зарождении и определении города в целом, его содержательной характеристики, они не раскрывают его сущностные особенности как специфического социального организма.

Поэтому не случайно, все более глубоко прорабатываются на научном уровне функции города, его назначение и значение. И функцио-

нальный подход к определению города становится в последнее время особенно популярным.

Проблемы функционального определения города обсуждаются крупнейшими специалистами на международных совещаниях археологов, историков, социологов-урбанистов, географов. Много внимания проблеме функциональной характеристики города было уделено на упоминаемой уже неоднократно Чикагской конференции 1958 г., где в ее обсуждении приняли участие Р.Мк. Адамс, Л. Мамфорд, А. Вильсон, Р. Брейдвуд и др. Важно отметить своего рода глобальный подход к обсуждению на конференции проблемы функционального определения города в связи с общими проблемами цивилизации и при особом внимании к условиям и предпосылкам его появления. В еще большей степени, осуществляемый на базе обобщения глубоких предшествующих исследований проблемы города (в том числе нашедших отражение в фундаментальных исследованиях Р.Мк. Адамса (1966, 1968, 1972), Д. Хаммонда (1972) и др.), такой подход характерен для работы Лондонской конференции 1972 г., где проблема города и урбанизации рассматривалась в глубокой исторической перспективе и были выдвинуты новые позиции в его характеристике. Последнее связывалось в частности с географическими аспектами оценки города, получившими разработку в рамках так называемой пространственной археологии.

В связи с функциональным определением города возникает комплекс вопросов о взаимосвязи города и деревни, привлекающих внимание исследователей всех этапов развития города. Показательно, что функциональный подход к определению города приобретает все более углубленное содержание в исторической и экономгеографической литературе и при оценке современных городов⁸². Однако функциональное определение города на этапе его становления и древнейшей истории – это одновременно вопрос исторической интерпретации города. В данном случае внимание к такому определению обуславливается конкретными задачами выявления природы и причинно-следственных факторов появления города как результата, формы и содержания культурно-исторического процесса, в которых функциональная направленность города закладывается структурно.

При обсуждении функциональной роли древнего города, как его определяющей, в качестве ведущих обсуждаются разные функции.

В дискуссии на Чикагской конференции Л. Мамфорд призывал не только дифференцированно четко подходить к проблеме определения именно древнего города, но и различать в его определении функцию, назначение и цель. Город, по его мнению, выполняет прежде всего кумулирующие, организующие функции. Это центр естественного богатства общества и его творческого потенциала. И функция религиозного центра приобретает в этом плане особенно большое значение⁸³. Важное значение функции религиозного центра города подчеркивал и известный ориенталист Г. Франкфорт, определяя город прежде всего как местопребывание религиозной и светской власти. Но главная функция древнего города, по его мнению, состояла в удержании и контроле сконцентрированного населения, когда оно превыша-

ло 10–12 тыс. человек. И сама концентрация населения обеспечивала развитие других собственно городских функций, в частности, торговли⁸⁴.

В течение многих лет расширяет и углубляет свои подходы к функциональной характеристике города Р.Мк. Адамс. Связывая появление города с глубокими изменениями в развитии общества, с углублением, социальной и политической иерархии, территориальным разделением, формированием политической власти, разделением и специализацией труда, он рассматривает его как сложный полифункциональный организм. Подчеркивая важное значение в возникновении города социально-экономических факторов. Р.Мк. Адамс, однако, главный акцент переносит на его политические, вернее, политико-организационные (управленческие) функции. Но при этом необходимо заметить, что последние понимаются им достаточно широко и раскрываются как сложное социальное явление. Показателен в этом плане тот факт, что именно ему принадлежит заслуга в выделении как особой "распределительной" функции города. В своей статье "Естественная история урбанизма" (1968) он отмечает: "Что город выступает как узловой центр в присвоении и распределении прибавочного, прежде всего, сельскохозяйственного продукта", подчеркивая особую роль последнего в формировании элиты, военной мощи и т.д.⁸⁵ Организующая роль города во всех аспектах ее проявления раскрывается Р.Мк. Адамсом в последующих его работах⁸⁶.

Объединительные и контрольные функции города выделяет в качестве основных М. Хаммонд⁸⁷. Кумулирующую и организующую роль города, противопоставляя структурно-функционально его деревне, вычленил Д. Гров⁸⁸ и Б. Триггер⁸⁹. Указывая, что город осуществляет особые функции, в том числе по отношению к деревне, Б. Триггер, и это очень важно в контексте решаемых в данной работе задач, отмечает и особый характер централизации и специализации производства в городах по отношению к деревне⁹⁰.

Город в его связи со всей организацией древнего общества, в его сложнообусловленной функциональной нагрузке раскрывается особенно полно и глубоко И.М. Дьяконовым.

В своей работе, посвященной исследованию месопотамского города II тыс. до н.э., он отмечает: "Город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город – центр округи в хозяйственном отношении, потому что через него осуществляется, с одной стороны, взаимодействие между двумя секторами древневосточной экономики – государственным и общинно-частным, а с другой стороны, – натуральный или товарно-денежный обмен между ремеслом и земледелием и между различными районами естественного разделения труда; город – центр округи в политическом отношении как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город – ее центр в идеологическом отношении"⁹¹.

Это всеохватывающее определение города как фактора, интегрирующего все стороны общественной организации, сыграло важную

роль в исследовании древнейших городов отечественными исследователями и до сих пор не потеряло свое значение.

Неоднократно к функциональной характеристике и определению древнейшего города, в том числе в связи с изучением такого типа памятников урбанизации на нашей территории в Южном Туркменистане обращался В.М. Массон⁹².

Все более широко распространяющаяся характеристика города как полифункционального организма не только во все меньшей степени обобщенности "всеохватывающе" обозначает его, но и размывает главное в понимании особенностей города, четкость определенности. Не случайно в последнее время все более активно проявляется тенденция вычленения главного, решающего признака или основной функции его. В поисках интегрирующего момента в характеристике города на уровне функционального подхода О.Г. Большаковым и В.А. Якобсоном было выдвинуто, а затем И.М. Дьяконовым, В.А. Якобсоном⁹³ развито положение о том, что главной такой интегрирующей функцией является распределение прибавочного продукта, в то время как остальные функции (культурные, политические, торгово-ремесленные) являются производными. Именно распределение прибавочного продукта характеризуется названными исследователями как системообразующая функция города.

Предлагаемая позиция в оценке города, когда в качестве главной, интегрирующей все особенности города, является функция распределения прибавочного продукта, представляется достаточно перспективной в общей системе функциональных оценок, и сама по себе новым уровнем в оценке города как особого исторического явления. Распределение прибавочного продукта предполагает его наличие, а значит, определенный уровень развития производства, кумулятивные возможности и способности обществ. Однако, хотя выдвигаемая в качестве главной структурообразующей функции – функция распределения продукта – и представляется чрезвычайно важной, в какой-то степени интегрирующей, она не определяет город как явление историческое и как особый социальный организм в его историческом движении. И не только потому, что распределительные функции, даже связанные с распределением прибавочного продукта, например, не свойственны только городскому пункту. Но и потому, что распределение продукта – только функция, действительно особая, в наибольшей степени интегрирующая кумулятивное (экономическое, политическое и др.) его содержание, функция. Но функция не есть сам объект. И даже определяющая назначение объекта функция еще не соответствует смыслу самого объекта (лошадь и машина имеют практически одинаковые функции в человеческой практике – как средства передвижения, но представляют принципиально разные явления). Функция не раскрывает причину и условие его возникновения, генезис явления, его сущность. И это главное. Но в данном случае важно учитывать и характеристику самого распределения. Распределение противостоит производству в едином и неразделенном общественном производстве, в его обобщенном определении и обуславливается последним.

Распределение и обмен всегда определяются собственно производством на уровне воспроизводства общества в целом. И поэтому само по себе распределение не может отражать всеобщую значимость города в едином естественно-историческом процессе.

Недостатки функционального определения города породили, в частности, такое направление научного поиска путей его объяснения, как создание теоретической модели, представляющей наиболее обобщенную, абстрактную характеристику последнего. Однако определение города как особого исторического явления не может быть выражено на базе максимальной абстракции условных признаков. Оно требует понимания исторического смысла и значения города, то есть той абстракции, которая формируется на основе познания реальных конкретных закономерностей зарождения его и развития.

Раскрытие значения города в общем культурно-историческом процессе, его историческое значение в этом плане, безусловно, требует изучения условия и предпосылок появления последнего.

Не случайно, начиная с 50-х годов, по нарастающей идет увеличение интереса к изучению этих аспектов его истории. Рассмотрение предпосылок и условий появления города в определенной степени решает проблемы историко-генетического подхода к исследованию города как особого социального явления и фактора исторического развития.

§ 3. Условия, предпосылки и возможности появления города

Проблема предпосылок условий и времени появления города в настоящее время все в большей степени привлекает внимание исследователей как объективно обусловленная не только сформированным уровнем знаний о городе и его происхождении, но и новыми методологическими позициями в изучении культурно-исторического процесса в целом. Последнее предполагает рассмотрение города как фактора исторического процесса, его результата и содержания, а поэтому необходимость выявления причин и возможностей его появления.

В числе безусловно важных условий появления города называются в разной последовательности и сочетании: рост и концентрация населения (G. Childe, A. Fairservis), появление и определенный объем прибавочного продукта, его концентрация (G. Childe, R. Mc. Adams, H. Nissen, В.М. Массон и др.), развитая ирригация (J. Braidwood, A. Fairservis), увеличение динамичности общества, в частности за счет изобретения колеса (В.М. Массон и др.), социальная дифференциация (G. Childe, R. Mc. Adams, H. Nissen, R. Mc. Adams, В.М. Массон, M. Tosi), усложнение управленческой системы и необходимость концентрации власти (L. Mamford, R. Mc. Adams, В. Trigger, В.М. Массон), специализация производства, развитие ремесел, разделение труда (G. Childe, R. M. Adams, M. Tosi, И.М. Дьяконов, В.М. Массон), развитие торговли (K. Flannery, С.С. Lamberg-Karlovsky) и т.д.

Эти факторы, разные по своему содержанию, действию, значению, проявляемые на разном уровне и в разном направлении, своего рода

достижения, выступают в числе реальных условий цивилизации и урбанизации.

Некоторые из вышеназванных обстоятельств перечисляются в числе показателей-признаков. Это прежде всего относится к численности населения, восстанавливаемой опосредованно, территориальному росту поселений, дифференциации их, что достаточно убедительно прослеживается археологически. И если реконструируемая численность населения служит одним из признаков городского типа поселений в древности, то сам факт увеличения его и рост плотности заселения действительно является необходимым условием существования определенного общего объема производительной силы (в соответствующей форме ее проявления), объема труда, продукта труда, потребностей и т.д. Происходило то насыщение конкретного социума, которое предполагало возможность более сложного структурирования его, пространственного расселения населения, концентрацию его в оптимальном в каждом случае варианте и выделение более крупных центров. В качестве одного из условий появления города может быть названо и формирование в пределах возможной общинной интеграции сложной структурно-территориальной организации. В комплексе с другими условиями такая "организация" становится компонентом процесса вычленения городских организмов.

При рассмотрении условий становления города важно четко дифференцировать их реальную роль. Выделяются необходимые условия, обязательно предшествующие возникновению города, условия самого процесса образования и условия его функционирования. В этом плане весь комплекс условий: условий-признаков (большая территория поселения, например); функций-условий, условий-причин, условий-предпосылок в соответствующей конкретно-исторической ситуации образуют сложную совокупность результативных и процессуальных состояний, изменений, связанных в своей глубинной обусловленности с системно значимыми преобразованиями, прежде всего экономических оснований общества, обеспечивающих возможность формирования и развития новых социальных структур – городов.

Определение условий, предпосылок, причинно-следственных факторов происхождения города, лежащих конкретно в сфере преобразований экономических, социальных и культурных оснований жизнедеятельности общества, – предполагает интегрированный подход (в отличие от локального, выборочного рассмотрения вне взаимосвязи их, искусственного расщепления, например, условий и предпосылок или направленного сведения их вместе при нивелировании различий), дифференцированный анализ и специальные направления исследования (которые еще не поставлены). В данном случае рассмотрим лишь некоторые экономические факторы (в рамках задач данной главы), обсуждаемые в литературе в качестве определяющих условий становления древнейшего города.

Среди наиболее важных условий, обеспечивающих возможность функционирования новых сфер в организации жизнедеятельности, новых экономических и социальных структур, – появление, реальное

наличие и устойчивое производство прибавочного продукта. Важность прибавочного продукта в создании условий зарождения города подчеркивается практически всеми исследователями, занимающимися проблемой его происхождения, значения и роли. Город, как уже отмечалось, определяется некоторыми учеными как центр распределения прибавочного продукта.

Прибавочный продукт действительно является необходимым условием, обеспечивающим возможности глубоких преобразований в обществе. Именно возможность производить устойчивый "дополнительный" продукт за счет прибавочного труда, "высвобождающегося" из общего общественного регламентированного (направленного на воспроизводство жизни коллектива), обеспечивала материальную базу усложнения структуры деятельности, осуществления новых видов работ, накопления продукта и необходимость новой, более сложной (чем в рамках общины) организации его распределения, что являлось важной функцией города. Однако оценка роли прибавочного продукта в развитии города, так же как и общее историческое определение его – проблема достаточно сложная и одна из наименее разработанных в системе исторических знаний. Упрощенный подход здесь к прибавочному продукту лишь как просто сверхнеобходимому, позволяющему отрывать от земледелия и содержать занятых на других работах индивидов, развивать в связи с этим специализированные виды деятельности и организовывать сложные (общественно необходимые или престижно-значимые) работы, хотя и отражает реальное действие этого фактора в развитии экономики древних обществ, еще не обеспечивает в полной мере адекватную оценку его исторического значения и роли.

Более того, существуют, казалось бы, парадоксальные явления, иногда трудно объяснимые (и поэтому используемые в качестве доказательства малой значимости прибавочного продукта в уровневой оценке общества). Это, в частности, ситуация своего рода "невостребованного" прибавочного продукта, когда реальные возможности получения прибавочного продукта не вызывают в обществе потребности ее реализации.

Так, на основе этнографических данных сформировался так называемый "парадокс Салинза", проблема, связанная с объяснением положения, когда отдельные племена (даже скотников и рыболовов), например, австралийцы Арнемленда "имеют возможность, но не хотят создавать регулярные излишки"⁹⁴.

Прибавочный продукт, являющийся обязательным условием материального обеспечения глубоких социально-производственных преобразований и стимулирующий рост населения, расширение территории, способствуя социальной дифференциации общества, имеет гораздо более сложную природу и социально-экономическую оценку. И автору уже представлялась возможность акцентировать внимание коллег на этом и на некоторых аспектах характеристики его в связи с обсуждением древнейшей урбанизации⁹⁵.

Как правило, рассмотрение прибавочного продукта происходит в рамках собственно экономических оценок его в контексте собственно

исторических явлений. Между тем уже то значение, которое придается появлению и реализации прибавочного продукта в социальных сдвигах, в том числе и в зарождении города, требует более широкого подхода к его оценке. Явление типа "парадокса Салинза" лишь один из моментов, указывающих на важность социальной стороны его объяснения – с учетом исторической подготовленности, активности самого субъекта действия – конкретного общества. Использование "прибавочного" продукта (практически дополнительного продукта) в общинном обществе и использование его даже в раннем классовом обществе в условиях наличия урбанизационных и шире – цивилизационных процессов – это совершенно разные явления. Они связаны с разными социальными нормами, механизмами его распределения, с разным характером отношений к нему самих производителей между собой, а главное, причинными факторами его производства. В этом плане прибавочный продукт представляется результатом исторического движения социальности, его условием и результатом. Естественно, проблема прибавочного продукта в историческом объяснении, его роли в процессе перехода к исторически новой социальности, необходимым компонентом которой является город, – проблема особая, требующая специального исследования.

В контексте конкретно решаемых здесь задач представляется важным лишь отметить несколько моментов общей характеристики прибавочного продукта – именно в связи с проблемой появления города. Прежде всего, проблема прибавочного продукта неотделима в создании условий появления города от проблем прибавочного труда в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Именно во внутренней необходимости их, в возможности соответствующей реализации и в характере взаимообусловленности кроются потенциальные и реальные "способности" их воздействия на формирование предпосылок города, проявляющихся, в частности, в дифференциации и специализации (все более отделяемого как специального) прибавочного труда, а поэтому новых социальных групп и отношений и т.д.

Особенно важным является вопрос характера реализации прибавочного продукта и оценки его как фактора производства. Это значит, что задача распространения продукта составляет лишь одну сторону его оценки. Другую представляют условия формы и способ его производственного освоения и воспроизводства. Что касается реализации прибавочного продукта, то здесь существуют разные ситуации: 1) вообще не реализуется возможность его получения (вышеотмеченный вариант); 2) реализуется в непроизводительной сфере – в накоплении сокровищ, строительстве дворцов и т.п.; 3) реализуется в собственно производственной сфере.

Второй вариант предполагает распределение продукта при наличии дифференцированных отношений, возможности неравного присвоения. Вклад прибавочного продукта в сокровища, предметы роскоши, строительство пышных дворцов и храмов обеспечивало углубление различий в положении различных слоев общества. Сооружение храма первоначально представляется как вклад в общественное богатство, как важное общественное мероприятие, представляющее конкретную объекти-

вированную форму социальных связей. Воспроизводство последних было важнейшей задачей древнейшего общества. Но если в условиях первобытного общества, общинных отношений это проявлялось лишь действительно в воссоздании особых, связанных со сферой духовного производства и воспроизводства социальных связей неразделенного единого коллективного организма, то в период разложения последнего такая форма образования общественного богатства и реализации прибавочного продукта связывалась с вещественным общественным богатством, с образованием вещественного фонда, в данном случае храма, хотя и не имеющего собственно потребительной стоимости. Главным здесь выступает наличие прибавочного продукта как материального условия для формирования нового уровня и характера социальных связей внутри общинных отношений, но несущих выраженные тенденции разрыва последних.

Использование прибавочного продукта для производства ирригационных работ предполагает иной смысл в его оценке. Такое использование прибавочного продукта имело большое производственное значение (хотя он и не использовался в собственно производстве), поскольку затрачивался в сфере специальных работ, обеспечивающих повышение производительной силы такого средства производства, как земля. Не случайно этапы прогресса в освоении и разработке системы орошения четко связываются хронологически с соответствующими достижениями прогрессивного развития общества ранних земледельцев. Смена простейших форм самотечного орошения на дельтовых протоках в Южном Двуречье (VI–V тыс. до н.э. – Эриду, IX–X, Хассуна I–V в., Тель-эс-Саввана) новым управлением организации системы орошения, связанным с началом возведения дамб (Эриду IX–I, Убейд-4, Урук, Джемдет-Нагр) и т.д., соответствует хронологически значительным изменениям, отмеченным в общем уровне жизнедеятельности раннеземледельческих обществ (появлением крупных населенных пунктов, развитием торговли, ремесла, социальной стратификации), основанных на комплексной земледельческо-скотоводческой экономической базе.

Развитие ирригационной системы, обеспеченное определенным накоплением прибавочного продукта, создающего условия длительной кооперации большого числа общинников на основе конкретного непроизводительного труда по продукту, но производительного по результату, выступало как крупное технологическое достижение. Это технологическое достижение не только оправдывало затраченный труд, но и изменяло, как отмечалось, производительную силу труда во много раз в зависимости от степени развитости и условий эксплуатации ирригационной системы, увеличивая в целом прибавочный продукт. Именно поэтому система ирригации определяется порой как главное условие прогресса общества, в том числе главное условие накопления и прибавочного продукта и развития города, поскольку многие древнейшие города возникали в областях древнейшей искусственной ирригации, появившейся на базе крупных рек. Роль и значение ирригации в экономическом прогрессе общества, безусловно, велика. Но сам факт разработки, освоения сложной системы ирригации был обусловлен актив-

ным развитием производственной деятельности, ее дифференциацией, специализацией, определенным общим уровнем экономического и социального развития конкретных обществ, их динамичностью, содержанием реальных социальных отношений, целями и задачами общества и т.д. Поэтому в конечном итоге именно активизация производственной деятельности, социальных сил общества приводили в действие такое мощное средство возможного увеличения производительной силы труда и создания условий накопления прибавочного продукта как ирригационная система.

Определяющей же является реализация прибавочного продукта в собственно производственной сфере. Возможность затраты времени, рабочих сил на развитие новых видов труда, усложнение производственной структуры и укрепление и рост экономической базы обеспечивались в этом случае наличием прибавочного продукта. Но, в свою очередь, его устойчивое получение обуславливалось степенью развитости, в том числе содержанием производственной деятельности, достигнутой уже производительностью труда, структурой потребности и т.д. То есть в качестве оснований выступали – производственная деятельность, ее характер, структура, условия осуществления, а также цели, определяемые обществами соответствующей организации, с соответствующей системой отношений (когда последние сами выступают активно действующей силой), развивающихся в определенных условиях. Такие условия для получения значительного по объему продукта были созданы в IV–III тыс. до н.э. в Месопотамии, когда переселившиеся туда племена, достаточно динамичные и уже со сложными структурами деятельности и потребностей, принесли с собой наиболее действенную технологию земледельческого труда, но именно на плодородных почвах Двуречья, получившую наибольшие возможности реализации и дальнейшего развития. Последнее предполагало принципиальные изменения и нововведения, прежде всего в сфере земледельческой, а также всей производственной деятельности в целом, в организации всех отношений. Здесь, в областях Южной Месопотамии, где за счет технико-производственных достижений происходила интенсификация земледельческой деятельности, при открытости связей и необходимости расширения контактов (обусловленной отсутствием здесь часто самого необходимого сырья), а также высокой динамичности племен, создаваемый прибавочный продукт в земледельческой экономике в значительной своей части реализовался в сфере торговли (ввоз необходимого сырья), производства предметов неzemледельческого труда (в том числе по обработке сельскохозяйственной продукции), в общественно организуемых ирригационных работах, – то есть в сферах собственно производственных и обслуживающих производство, и служил поэтому мощным катализатором дальнейшей дифференциации и специализации производственной деятельности. "Парадокс Салинза" здесь снимался, поскольку получение и реализация прибавочного продукта обуславливались не просто возможностями получения такого продукта, но и возможностями и внутренней потребностью общества в его реализации и прежде всего в

сфере производства. И в целом характер такой реализации определялся составом, структурой деятельности месопотамских племен, степенью уже существующего разделения труда, особенностями производственных отношений (о сложном характере которых свидетельствует реальное состояние общества ближневосточных областей), включая социально-психологические аспекты их, общим состоянием производительных сил и прежде всего человеческого фактора последних.

В конкретно-исторической ситуации появление городов в Южной Месопотамии, действие прибавочного продукта проявлялось в обстановке: а) активного, интенсивного в условиях крупных рек развития земледельческой экономики при использовании оптимальной, разработанной в наиболее прогрессивных земледельческих обществах технологии; б) при нарушении традиционных форм отношений в общинах; в) при необходимости разработки новых схем технологии земледельческих работ в условиях больших рек (поэтому подвижности таких схем), в частности, создания особой системы ирригации; г) при необходимости кумуляции сил, труда, средств в создании крупных общественных сооружений; д) при развернутых связях земледельческих племен, населявших области Южной Месопотамии в V тыс. до н.э. с племенами других областей и между собой; е) при активном включении в сферу производственной жизни таких общественно-выделяемых и находящихся в особом положении и стратификации общества структур как храмы и т.д.

Таким образом, роль прибавочного продукта в возникновении города определяется как материальная база и объективное условие (создаваемое в особой ситуации развития производственной деятельности раннеземледельческих племен), обеспечивающее глубокие преобразования в развитии общества, в характере организации труда, в дальнейшей дифференциации и специализации всех сфер – не только собственно производственной, но и управленческой, духовной деятельности. Но именно производственная деятельность является исходным моментом его появления в должном объеме и его реализации. И конечный результат "действия" прибавочного продукта – в производстве (в самом широком понимании), а не в распределении⁹⁶.

Его роль проявляется в обеспечении возможностей развития производственной деятельности, в том числе ее дифференциации и специализации, в развитии всего общества, всех его образующих, обеспечивающих механизмы его реализации и "заказ" на него. В этой связи становится очевидным, что город возникает не как орган распределения прибавочного продукта. И последний не причина его появления. Прибавочный продукт лишь решающее условие возникновения города, а его распределение – одна из объективно обусловленных важнейших функций последнего, как нового общественного организма, организующего все производственные, социальные, культурные связи определенной социальной системы.

В литературе в числе условий и предпосылок появления города (порой в качестве основных) называется торговля⁹⁷. Так, Г. Чайлд подчеркивает, что плодородные долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и

Желтой реки "поставили себя в полную зависимость от ввоза, отчего первыми наиболее широко развили торговлю". Эта зависимость "от ввоза может быть и явилась главной причиной раннего развития городов именно в этих областях"⁹⁸. Одним из главных стимулов развития городов считает торговлю К.К. Ламберг-Карловский⁹⁹.

Торговля способствует процессу расширения, развития производительной деятельности, ее специализации, движению продукта труда и поэтому обеспечивает, в определенной степени, соответствующую ситуацию распределения прибавочного продукта, она расширяет общение. Происходит не только обмен "деятельностью" (в ее овеществленной форме), но и информацией. Торговля способствует развитию отношений, выходящих за рамки, контролируемых и организуемых общинными нормами.

В принципе обмен известен с древнейших времен. Он активно осуществлялся в раннеземледельческих обществах¹⁰⁰. Простые формы его, обусловленные объективными обстоятельствами функционирования традиционных обществ (в том числе особенностями природных условий) и специализацией племен разных историко-географических областей, хорошо известны по этнографическим данным¹⁰¹. Но определяющим является характер, структура, а, главное, социальная база и обусловленность обмена. Лишь соответствующий характер самого продукта, условия движения его определяют исторически новый уровень и состояние обмена – торговлю. Продукт труда становится тогда товаром, когда труд, затраченный на его производство, выступает как "предметное" свойство продукта, его стоимость¹⁰².

Но само возникновение стоимостных отношений и действия их как регулирующего механизма обмена характеризует наличие совершенно определенных производственных отношений – отношений к средствам производства, при помощи которых производится продукт труда, к самому продукту и отношений между производителями. И наличие их предполагает частную собственность. Товар, стоимостные отношения, частная собственность – все это не свойственно первобытному обществу и все это выступает в своей взаимосвязанности как экономическое выражение определенного исторически нового состояния социальности. То есть торговля – это принципиально новая природа обменных отношений. Как особый вид обмена торговля предполагает соответствующую структуру, определенные обязательные условия ее функционирования – соответствующий запас необходимой продукции, ее полиструктурный характер, определенный принцип распределения, соответствующую "организацию" информации, содержание продукции.

"Организуя" продукцию производства как товар, обеспечивая его движение, торговля способствует разделению труда и поэтому оказывает огромное влияние на развитие производственной деятельности конкретных обществ. Но сама она является следствием не только естественного разделения труда (что свойственно простому обмену), но и наличия дифференцированной специализированной деятельности, определенного уровня развития общества.

Торговля связана с определенными экономическими функциями общества и выполняет определенную функциональную нагрузку. Одним словом, торговля – это совершенно особое, сложно обусловленное и активно проявляющее себя экономическое явление. Она действует разлагающе и одновременно организующе в развитии всех других видов обменных отношений и всего обмена в целом как структурного компонента производства. Она оказывает преобразующее воздействие на экономические отношения обществ, втянутых в ее сферу. И именно в силу всего вышеотмеченного торговля является мощно действующим, преобразующим фактором в развитии цивилизационных, в том числе урбанизационных процессов, в формировании поэтому соответствующих образующих структур последних, в возникновении – как результата их – города. И в этом плане, развитие торговли, само ее наличие как проявления определенного уровня обмена – это одно из необходимых условий и одновременно предпосылок формирования города как организма, кумулирующего и интегрирующего отношения новой, пришедшей на смену первобытному обществу, социальности. Не случайно период формирования древнейших городов в Месопотамии, затем в Иране, Индии и т.д. происходит в условиях активного развития собственно торговой сферы. Об интенсивном и активном развитии ее в период IV–II тыс. до н.э. свидетельствуют как археологические данные, так и письменные источники, в частности, клинописные документы из архивов Ура, Мари, Эбла, Кюль-тепе¹⁰³. Последние фиксируют, например, большие объемы оптовых, осуществляющихся на эквивалентной основе торговых сделок (всеобщим эквивалентом было мерное серебро и существовали, согласно источникам, расчеты серебра и других металлов).

Активное развитие торговли было составной частью происходивших в IV–III тыс. до н.э. на Ближнем Востоке процессов цивилизации и урбанизации. Однако, оказывая разлагающее действие на старый способ производства, она сама (являясь составной частью производства в его полном определении – производство, распределение, обмен) зависела от характера его, от условий и возможностей развития в нем новых производственных структур, от экономических и общих потенциальных возможностей и особенностей функционирования конкретных обществ. Специализация самой торговли как особой сферы производства ("обмен") и как особого вида обмена обуславливалась степенью дифференциации и специализации производственной деятельности общества. И, в свою очередь, именно специализация обеспечивала активное действие торговли на внутреннее развитие конкретных обществ и одновременно усиливала интегративные процессы, происходящие на ее основе (в процессе усиления внешних связей) в рамках больших совокупностей обществ, охватываемых ее влиянием. Ее место и роль в обществе зависели также от структуры и широты, сложно опосредованных потребностей общества, отдельных членов, его составляющих, от характера всей системы социальных отношений. Но одновременно в своем становлении и развитии как особого (основанного на стоимостной основе) вида обмена и как особого (специализированного)

компонента экономических оснований новой социальности торговля активно изменяла социальные структуры, разрушая замкнутые формы отношений индивидов.

В целом торговля – одно из важных условий и одновременно результатов процесса развития общества, вступающего в цивилизацию, и формирования новых отношений, не "вписывающихся" в рамки прежних социальных структур и социально-пространственных организаций. Но она не является причинным фактором возникновения города как организма, интегрирующего отношения и связи сложноструктурируемой новой социальности.

Можно было бы расширить рассмотрение условий и предпосылок становления города, как тех, которые фигурируют среди активно обсуждаемых в специальной литературе, так и новых. Но это потребовало бы не только значительного расширения объема текста, но и иных направленностей и подходов к их специальному обсуждению. В данном случае представляется важным отметить лишь некоторые из существенных и общезначимых моментов, которые необходимо иметь в виду при обсуждении, в частности, вышерассмотренных предпосылок и условий формирования древнейшего города. Формирование предпосылок и условий возникновения города – это длительный и сложный процесс постепенного их вызревания, как результат и показатель определенных возможностей и характера развития общества в соответствующей конкретно-исторической ситуации. Их появление фиксирует определенный уровень и состояние последнего. Возникающие в этом случае основные предпосылки и условия не являют собой простую совокупность. Они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены в своем действии в создании возможностей становления города. Обеспеченные и сложно опосредованные саморазвитием общества, глубокими преобразованиями в его основаниях, они в свою очередь являются мощными факторами, определяющими темп и характер его развития, осуществляя в своем действии реальное содержание перехода к цивилизации, возможность урбанизации. И в этом процессе перехода условия и предпосылки становления уходят в прошлое, уступая место условиям существования и функционирования города.

В этом плане город и предпосылки и условия его возникновения находятся в особой процессуальной связи, раскрытие смысла которой во многом еще предстоит осуществить.

Выявление и обсуждение предпосылок и условий города обеспечивают возможности проследить характер его генезиса, объяснить его в целом, как результат развития общества, но так же как и функциональные и морфологические определения не раскрывают его онтогенетическую сущность как специфического явления исторического процесса, его субстрактные свойства. То есть мы объясняем в определенной степени город, но не раскрываем его природу в его онтогенетическом осмыслении.

Последнее предполагает раскрытие сущности города как субстанции развития, как момента разрешения противоречия, в процессе перехода общества на исторически новую стадию – стадию цивилизации.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ И ЕГО ОСНОВАНИЯ

§ 1. Система обществ раннеземледельческих культур как социально-экономическая база зарождения урбанизации

Сам факт появления города как особого социального организма в исторической науке большинством исследователей, как уже отмечалось, сопоставляется с началом цивилизации как исторически новой стадии, связываемой с формированием классового общества. И несмотря на обострение дискуссии об условиях сложения классового общества, о формационных характеристиках и других критериях стадийной оценки развития общества в целом, о времени и путях становления города¹, несомненно одно. На определенном историческом этапе общественного развития возникают принципиально новые экономические и социальные явления, несовместные с условиями и закономерностями функционирования первобытного общества.

В своей совокупности и при установлении определенной сложно опосредованной взаимосвязи они становятся основанием развития новой социальной системы, объективно необходимым компонентом которой, в свою очередь, является город.

Переход общества на исторически новый уровень развития, полагающий принципиально новое его состояние (связанное с наличием глубокой социальной стратификации, классов, частной собственности, государства, города), неизбежно предполагает своего рода переворот в глубинных базовых основаниях организации общества, делающий возможным зарождение явлений, отрицающих прежние условия его существования. Поэтому объяснение причин, обстоятельств и особенностей становления города обуславливает необходимость выявления ситуации такого перехода и оснований преобразований, его обеспечивающих и характеризующих.

Предпосылки и реальные возможности перехода на исторически новую ступень общественного развития формировались в соответствующей (экологической, экономической, социальной и т.д.) ситуации функ-

ционирования конкретных обществ. Однако они являлись результатом эволюции и достижений всей сложно организованной системы (при многохарактерности, разноуровневости ее субъектов) обществ раннеземледельческих культур². В основе ее организации лежали земледельческо-скотоводческие формы хозяйства и типы социальных связей, определившие исторически новую фазу развития первобытного общества и новые возможности и тенденции, заключающие историческую перспективу развития. Потенциальные возможности экономики обществ рассматриваемой системы проявляются уже на довольно ранних этапах ее формирования, свидетельством чего являются особенности таких ранних поселений, как Иерихон (даже периода докерамического неолита), а также Чатал-Хююк.

Возможности активного прогрессивного развития системы общества раннеземледельческих культур были разными, что определялось комплексом обстоятельств, в том числе конкретными условиями формирования и развития производящего хозяйства, в частности, природными условиями, во многом обуславливающими тип хозяйства, характером конкретно-исторической организации земледельческо-скотоводческой экономики тех или иных племен, культурно-экономическими (в соответствующей форме) связями последних и т.д. Уже для древнейших этапов развития обществ, осваивающих земледельческо-скотоводческое хозяйство, отмечается, как указывалось, неравномерность, разнохарактерность форм их (например, Дех-Луран и Чога-Мами). Такая неравномерность сочеталась с вычленением в VI–V тыс. до н.э. ряда племен, определяющих высшие на соответствующих этапах нормы "выполнения" естественно-исторического развития на базе земледельческо-скотоводческой экономики (Самаррская, Халафская, культура Сиалка). Она увеличилась на более поздних этапах, особенно с развитием искусственного орошаемого, более активно управляемого, технологически по-новому организованного земледелия. Прослеживаемая, в частности археологически, линия развития орошения четко связывается хронологически с соответствующими ступенями прогрессивного развития конкретных обществ ранних земледельцев. Смена простейших форм самотечного орошения на дельтовых протоках в Южном Двуречье (VI–V тыс. до н.э. – Эриду XIX–X, Хассуна I–V, Тель-эс-Савван) новым уровнем организации системы орошения, более активным развитием усложняющейся ирригации, связанным, в частности, с началом возведения дамб (Эриду IX–I, Убейд, Урук Джемдет-Наср)³, соответствует значительным изменениям, отмечаемым в других сферах жизнедеятельности соответствующих обществ, основывающихся в своем функционировании на комплексной земледельческо-скотоводческой экономике, предполагающей уже в определенной степени развитые формы специальных и специализированных работ, прежде всего по обработке продуктов земледельческо-скотоводческой деятельности.

В целом археологические материалы и письменные источники свидетельствуют об активном процессе накопления технико-технологических, общепроизводственных, социокультурных достижений в обществах, населяющих области Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э., –

о накоплении технических средств и значительном прогрессе в их развитии (в частности, в сфере керамического производства, где, например, появились гончарные печи, и металлообрабатывающего производства, в котором осваивалось плавление), о расширении знаний и информационных возможностей (здесь общую роль сыграло введение письменности уже в IV тысячелетии), о специализации различного рода деятельности, приведшей к появлению в IV–III тыс. до н.э. специалистов и росту их квалификации, о росте темпов изменений и т.д. (см. подробнее ниже). Для этого периода отчетливо фиксируется высокая "подвижность" в условиях функционирования разных обществ системы земледельческих культур. В сложном многообразном, разноплановом процессе неравномерного развития таких земледельческих обществ (в последовательные периоды – Халаф, ал-Убейд, Урук, Джемдет-Наср, когда пики прогресса и реализации максимума возможностей для каждого конкретного периода переходили из одной области в другую или совмещались на общем фоне менее интенсивно развивающихся племен сразу для нескольких областей), намечаются следующие четко выраженные его особенности и тенденции.

Первая – это постоянное расширение мира раннеземледельческих культур, особенно интенсивно проявляющееся на этапе VI–V тыс. до н.э. (включение в орбиту раннеземледельческого мира новых областей, например, Средней Азии на востоке, юго-западной части Восточной Европы и др.).

Вторая тенденция – это все более нарастающая, сложная и многоплановая дифференциация уровней и вариантов развития раннеземледельческих обществ. Последнее выражалось, в частности, в разном состоянии их в IV тыс. до н.э., например, племен южных областей Месопотамии, где уже четко проявлялись элементы процесса цивилизации и населения областей Северо-Восточного Ирана, Средней Азии, юго-западной части Восточной Европы, находящегося еще на стадии развития собственно общинных отношений. Достаточно убедительно неравномерность развития разных областей фиксируется, например, в характере и последовательности распространения такого технически прогрессивного специализированного средства производства (связываемого с соответствующим уровнем специализации производственной деятельности), как гончарный круг⁴ (см. ниже).

Третья тенденция – это постоянное проявление интегративных моментов в развитии системы обществ раннеземледельческих культур, когда, в частности, прогрессивные, значимые изменения, нововведения, осуществляемые в тех или иных, выходящих на передние рубежи общества, становятся всеобщими характеристиками прогресса или общепринятыми нормами (в том числе технологических схем, стилей). В то же время отмечается высокая пластичность в освоении, присвоении нового, сочетающаяся с сохранением местных традиций в условиях сложных разноплановых и разносторонних контактов. В какой-то степени, но довольно выражено это иллюстрирует керамический материал. Так, например, особенности керамики ближневосточных обществ V тыс. до н.э. свидетельствуют о взаимовлиянии технологи-

ческих схем ее производства и формировании соответствующих общих технико-технологических систем⁵, принципов (как наиболее высоких общих достижений и норм, "престижных" для определенных совокупностей обществ), о ярко выраженном, довлеющем влиянии некоторых наиболее ярких школ и традиций, на формирование стилей (например, халафской традиции). Одновременно керамический материал характеризует устойчивость традиций и тенденций к внутренней самостоятельности отдельных племен в осуществлении этого вида производства.

Четвертая тенденция проявляется в реальном сохранении генеральной линии исторического движения всей системы общества раннеземледельческих культур, ее направленности. Она определяется как постоянный прогресс, осуществляющийся в рамках возможностей системы обществ раннеземледельческих культур и выражающийся в усложнении производственных и социальных структур организации жизнедеятельности этих обществ.

Прогрессивное развитие системы обществ раннеземледельческих культур обеспечило новую историческую ситуацию культурно-исторического процесса. И именно в рамках этой системы при многоплановом и сложном взаимодействии всех конкретных обществ, в том числе имеющих разные экономические основания ("присваивающую экономику" или "производящую экономику") и разные уровни, формы и типы реализации последних, возникли условия, предпосылки и осуществлялся реальный переход всего общества в целом на исторически новую ступень социального развития – стадию цивилизации. Существование, функционирование, развитие сложной исторической системы обществ раннеземледельческих культур базировалось на прочном экономическом базисе, основой которого выступало земледельческо-скотоводческое хозяйство в неразделенном единстве с домашней промышленностью, на устойчивой форме социально-экономической-общинной их организации. Именно эта форма организации общества обеспечила оформление главных образующих основ исторической системы обществ раннеземледельческих культур, устойчивость ее существования, условия функционирования, возможности прогресса и конкретных форм проявления исторического движения, в том числе специфику процессов становления цивилизации и урбанизации (древнейших этапов их развития, когда специфика социальной организации земледельческих обществ определяла на ранней стадии развития цивилизации многие особенности проявления этого процесса и характер новых возникающих общественных структур).

Проблема общины, ее исторического развития и исторически разных форм, в частности, эволюции от родовой до соседской, вариантов ее социокультурной модификации – одна из наиболее сложных и, безусловно, должна быть предметом специального обсуждения. В то же время некоторые моменты, характеризующие особенности ее "трансформации", "разрушения", действия в период перехода и в условиях становления нового общества и новых социальных норм жизнедеятельности рассматриваются здесь строго в контексте с нововведениями, определяющими новый уровень и состояние общества. В данном случае

важно лишь подчеркнуть следующее. Во-первых, общины выступали реальной основой постоянного воспроизводства всех форм жизнедеятельности обществ раннеземледельческих культур и одновременно соответствующего развития производственной деятельности, ее дифференциации и специализации, социальных институтов, психологических норм поведения и отношений. Устойчивость норм и традиций во всех сферах жизнедеятельности – важнейшее свойство таких общин. Во-вторых, именно внутри общинных форм организации первобытного доцивилизованного, доклассового общества в особых социо-естественных, социально-экономических и т.п. условиях формируются и развиваются элементы новых исторических перспективных отношений, "взрывающих" изнутри общинный принцип организации общества. В силу большей исторической перспективности новые по своему содержанию и сущности отношения становились в соответствующих условиях ведущими, формирующими определенные социальные структуры, противостоящие прежним. Но часто еще долго на ранних этапах своего развития они сохраняли сами общинные формы организации (например, специализированные большесемейные общины древнейших ближневосточных городских обществ). Изменялся характер самих исходных земледельческих общин, основания их организации (от родовых к собственно социально-экономическим). В различных конкретно-исторических ситуациях (особенно в период уже господствующих классовых отношений) возникают условия многолинейности и многоплановости функционирования сельских общин, например, община восточная, азиатская, германская, русская.

Материалы письменных источников – клинописные таблицы древнейшего Шумера⁶, законы "Хаммурапи"⁷, например, "Законы Ману"⁸ и др., а также этнографические данные, посвященные, в частности, изучению общин Индии, дореволюционной России⁹, Африки¹⁰, позволяют восстанавливать не только специфические особенности их функционирования, воспроизводства и внутреннего прогресса, изменения их в условиях перехода общества на исторически новый уровень. Они раскрывают также многие важные "исходные" устойчивости традиционных элементов собственно раннеземледельческих общин как особой исторической реальности.

В данном случае важно отметить, что ранняя земледельческая община, которой противостоит будущий город (в силу кумуляции тех отношений, которые вышли из самой общины, но не вписываются в те условия воспроизводства всех форм ее жизнедеятельности, которые ее образуют) обладает достаточно большими возможностями внутренней модификации, усложнения. Это проявляется особенно явственно в тех случаях, когда возникают усложненные формы социальной организации общинного общества, углубляется внутренняя стратификация его, но еще не происходит смена оснований развития общественных отношений и не обозначается тенденция формирования новой социально-пространственной конструкции, интегрирующей и организующей последние, и прежде всего системы – город и город-деревня.

По этнографическим данным известны достаточно большие и сложно

структурированные общины. Так, например, С.А. Маретина отмечает относительно народов северо-восточной Индии, что «у кхаси в некоторых случаях несколько соседних деревень объединяются и образуют одну общину... во главе с советом общины или выборным главой, которым может оказаться и жрец. У гаро иногда в одну общину входит группа деревень, заселенных членами одного основного рода... Наконец, у некоторых народов Аруначала наблюдаются своеобразные, как пишет Чаудхури, "конфедерации" деревень с общим управлением в лице верховного вождя. Примером могут служить социальные группировки у нокте. У них 36 деревень образуют 11 "конфедераций" – джан, люди каждой носят имя своей джан»¹¹.

О крупных объединениях общин свидетельствуют и древние источники. Л.Б. Алаев отмечает, что "в Артхашастре" областная община видимо обозначена словосочетанием "пять-десять" деревень (pañcagrāmi daśagrāmi)¹².

Представляется, что соответствующие возможности крупных специфических поселенческих образований, формирования поселений усложненной до определенных пределов структуры появились в рамках первобытного общинного общества, более того, они объективно заложены в нем как вероятностная тенденция.

Во всяком случае появление таких крупных поселений как, например, поселения племен трипольской культуры Доброводы, Тайлянки, Майданецкое в периферийных областях раннеземледельческого мира в III тыс. до н.э. в Буго-Днепровском междуречье – достаточно веская заявка на значительные интегративные возможности общинной организации. Исследователи отмечают большие размеры таких поселений до 400 га, а предполагаемое общее число жилищ, например, в Майданецком достигает порой 1000 единиц и более.

В процессе внутреннего исторического развития общинные организации принимали более сложные формы. Накопление прибавочного продукта, рост населения, увеличение производительности труда и другие приобретения, а также углубленная стратификация могут на определенном этапе развития конкретно-исторических обществ и в определенных условиях обеспечить ситуацию, при которой количественное накопление однозначных компонентов создает новую, более сложную структуру их связей (но в рамках природы доклассового общества). Возникающая структура связей, образующих иерархическую систему определенной сложности, основанную на сохранении традиционных форм жизнедеятельности земледельческой общины, может связываться с особым рода крупными поселениями. Представляется, что такие крупные, выделяющиеся в системе других и формирующиеся на основе усложнения существующих общественных связей и отношений, поселения как Бугоднепровские, могли успешно осуществлять значительно расширяющиеся функции распределения, организации труда и выполнять в соответствующей форме роль политико-административных, идеологических центров.

Но функционирование таких поселений, совмещается, как свидетельствует анализ опубликованных данных и полевых материалов, с

сохранением соответствующих условий производственной деятельности и всей жизнедеятельности в целом, свойственных земледельческой общине на определенном уровне ее системной организации.

В процессе поступательного развития первобытного общества, на его развитой стадии – стадии господства наиболее перспективной исторической системы обществ раннеземледельческих культур – происходило объективно обусловленное (экономическими, экологическими, социальными и культурными обстоятельствами) расслоение уровней, условий и характера реализации системных возможностей разными обществами земледельцев.

К IV тыс. до н.э. на Переднем Востоке сложилась ситуация "предцивилизационного состояния", прелюдия урбанизации как всеобщего исторического процесса. Реально возможности перехода на исторически новую ступень общественного развития и построения новых отношений как актуальные формировались лишь в отдельных обществах конкретно-исторических областей, но функционирующих в одной (при всем разнообразии уровней, многообразии составных компонентов) системе обществ раннеземледельческих структур, и поэтому они заключали "возможности" всей системы.

Отдельные общества не только на основе собственных успехов, но и кумулируя в интегрированной форме достижения обществ всей системы в целом, выходят на передний фланг исторического развития. Объективно возникающие в этом случае новые возможности (технические, производственные, социальные, культурные и др.) и новые потребности этих обществ обуславливают новую позицию их в общей системе обществ раннеземледельческих культур. В результате создается ситуация несоответствия тенденций дальнейшего исторического самодвижения, заложенных в системе, и новых объективно сформированных структур потребностей и возможностей конкретных обществ. Возникает *противоречие реальных условий функционирования* таких обществ и их *новых возможностей развития*. Возникающее противоречие разрешается, как мы увидим ниже, выходом этих обществ за рамки внутрисистемных условий существования системы обществ раннеземледельческих культур. Этот вариант саморазвития общинных структур в системе обществ раннеземледельческих культур за ключает тенденцию исторического прогресса, проявляющегося в утверждении новых, исторически более перспективных норм и принципов функционирования общества в целом. Конкретные общества, связанные с такого рода изменениями, выступают носителями цивилизационных процессов на древнейших этапах их осуществления.

И к концу IV - нач. III тыс. до н.э. четко вычленяются группы племен, которые практически *выходят* по условиям и принципам функционирования из "системы обществ раннеземледельческих культур" как несущие существенный смысл их развития и предостоят как "ведущие" в переходе на исторически новую стадию.

Другой уровень функционирования в рамках системы обществ раннеземледельческих культур на этот период представлен племенами (на-

пример, населяющих области юго-западной Туркмении), в жизнедеятельности которых происходили последовательно значительные и сложные изменения, отражающие в большей или меньшей степени начавшиеся процессы цивилизации. Сначала эти изменения проявлялись в активизации развития традиционных форм – усложнении экономики, культурной жизни, структуры поселений, затем (со второй половины III тыс. до н.э.) в появлении новых элементов, не свойственных общинному обществу, но соответствующих по своему характеру изменениям, происходившим в первой вышеназванной своего рода "ведущей" группе обществ. Втягиваясь в зону действия цивилизационных процессов на разном уровне при разной глубине и степени их осуществления (см. подробнее ниже), такие племена по-разному участвовали в них и рефлексировали на них, усложняя общее состояние системы, дифференцируя ее по уровням, разрушая исторически определенное единство в его общих основаниях, усложняя и расширяя возможности, направления, формы общеисторического развития.

Среди субъектов исторического действия, представляющих систему обществ раннеземледельческих культур в период ее позднего развития и "исторического" изживания, особое место занимают земледельческие общества, "специализирующиеся" в своем саморазвитии. Для них отмечаются изменения, порой значительные. Они проявляются в росте размеров и заметном усложнении структуры поселений, в расширении сферы культурной жизни, в увеличении в той или иной степени общего объема специальных работ, но при углублении специализации лишь некоторых конкретных видов их. Такая, порой достаточно глубокая по детализации приемов, по связи индивидов с конкретными видами деятельности, но узкая по своей экономической значимости специализация осуществлялась при отсутствии необходимого ("поддерживающего" ее) разнообразия видов деятельности, ограничении технического потенциала и общего экономического уровня в рамках возможностей и сущностных характеристик "системы обществ раннеземледельческих культур". В данном случае конкретные общества характеризуют реализацию одного из возможных в рамках собственно системы обществ раннеземледельческих культур путей развития. Их "прогресс", связанный, как правило, со строго конкретными сферами жизни и видами деятельности, приводит к своего рода *специализации* достигнутых форм жизнедеятельности в такой степени, когда разрыв сложившихся традиций представляет значительные трудности.

Одним словом, в тех случаях, когда определенные общества получали какие-то большие (по отношению к другим) возможности (обусловленные, например, наличием природных ресурсов, освоением нового материала, появлением новых контактов, формированием общей благоприятной политической ситуации и т.д.) активного развития и "разрабатывали" в связи с этим свои особые оптимальные условия функционирования, стремясь закрепить их, то при отсутствии должного уровня технической базы, соответствующей структурной организацией производства и ее динамичности происходила своего рода специализация-консервация таких обществ.

Проблема такой *специализации* обществ раннеземледельческих культур (именно специализации, а не просто отставания или неподвижности) практически не разработана в системе исторических знаний.

Специализацию-"консервацию" в рамках существующих в этом плане положений о развитии можно рассматривать как особое проявление так называемых "стандартно-регрессивных" форм развития. Особенностью такой специализации в развитии выступает потеря эволюционной пластичности, традиционализм как обязательное условие воспроизводства конкретных явлений, в данном случае норм жизнедеятельности земледельческих общин. Последние только в каком-то определенном направлении вырывались резко "вперед" и стабилизировали в конкретно-исторической объективно сложившейся ситуации "завоеванное", в большей степени, чем другие.

И чем в большей степени происходило воспроизводство указанных общин на традиционных производственных основах и особенностях социально-экономической организации, тем в большей степени проявлялась вероятность их своего рода "специализации"-консервации. Развитие этих обществ осуществлялось за счет повторения, увеличения объема, а при значительных изменениях условий их существования и в случае невозможности воспроизводства на прежних принципах, приводило их к разрушению. А в чем большей степени происходило осуществление системной возможности общества, своего рода "специализация-стабилизация" условий жизнедеятельности раннеземледельческих культур, тем в меньшей мере существовали условия для выбора, варьирования и поиска, для появления принципиально нового (нарушающего прежние законы функционирования) на собственной базе развития таких конкретных раннеземледельческих племен.

Рассмотренный "стандартно-регрессивный" принцип развития отдельных обществ иллюстрирует другой крайний по отношению к вышеупомянутым "ведущим" обществам (выходящим за пределы системы) вариант реализации возможностей системы обществ раннеземледельческих культур.

Итак, мир раннеземледельческих культур, характеризующий (как наиболее полно выражающий возможности прогресса) реальное состояние определенной стадии общеисторического движения общества в рассматриваемое время, предстоит сложным, многоплановым разнородным социокультурным образованием. Системные возможности прогресса целостности "раннеземледельческого общества" (как особой исторической системы обществ раннеземледельческих культур) были исчерпаны. И в то же время именно в этой системе, обеспечивающей объективно оптимальные условия дифференциации путей и форм развития, кумуляции и интеграции сил и достижений этого развития создавались не только наиболее широкие вероятностные возможности, но и предпосылки зарождения принципиально нового, обеспечивающего направленность реального прогресса.

Вызревание нового происходит на общинной основе, в рамках системы общества раннеземледельческих культур, но при этом разрушая принципы ее организации. И в этом плане община "выделяет" из

себя те компоненты структуры, отношения, которые не сами по себе организуют не свойственные ей социальные организмы, а обеспечивают условия их зарождения, как развивающихся на принципиально ином основании, чем основание породившей их возможность системы. В этом случае общинные формы организации (именно формы), поглощаемые и интегрируемые новыми социальными организмами на первоначальных этапах становления новой социальности еще длительное время сохраняли устойчивость своей самоорганизации, теряя, однако, перспективу "содержательного" развития. Территориальные общины составляли важный осто́в административного устройства урбанизированных структур, особенно на первоначальных этапах урбанизации. Но главным в процессе урбанизации являлось формирование и наличие по существу своему новых (даже при сохранении общинных форм организации) отношений, отрицающих принципы и характер функционирования общинных норм и полагающих становление новых социальных структур. Такие отношения могли возникать и возникали на основе не просто изменений, а преобразований базовых оснований развития общества.

§ 2. Формирование условий смены производственных оснований развития общества

Основанием и содержанием культурно-исторического процесса является производство (во всей широте и полноте его определения) – как результат и содержание человеческой деятельности, служащей условием его существования и развития, и в связи с этим как производство и воспроизводство развивающейся социальности во всех сферах, ее образующих. Именно поэтому поиск условий, причин и природы становления урбанизации как явления стадийно значимого, во-первых, и как преобразующего фактора в структуре естественно-исторического процесса, во-вторых, предполагает необходимость рассмотрения соответствующих аспектов собственно исторического развития производства, производственных отношений этого процесса, как обуславливающих его общую содержательную социокультурную характеристику. В этом плане актуализируется проблема содержания и степени изменений в развитии материального производства, обеспечивающих принципиально новые условия функционирования общества.

В общей эволюции общества постоянно осуществляются нововведения, разные по объему, характеру. Эти изменения, происходящие в определенных сферах или имеющие общепроизводственное значение, фиксируют разные уровни его исторического поступательного развития и исторически определенные состояния как результата последнего, "утверждающие" новые его стадии, этапы и т.д.

Исторически разные типы и уровни организации производства, связанные с соответствующими конкретными способами производства, являются основанием выделения основных формаций. Однако с накоплением знаний всё в большей степени, как представляется, вырисовывается необходимость разработки и более дифференцированной,

глубоко эшелонированной и одновременно широкой стадиональной характеристики исторического развития производства, отражающей всю сложность и многообразие этого процесса и основывающейся на новых методологических принципах и теоретических позициях экономических, социологических и собственно исторических знаний. В такой историко-стадиальной характеристике развития производства важно (при сохранении всех его научных определений как на уровне разумной абстракции в познавательном процессе его реального развития, так и на уровне конкретно-исторической характеристики) выделять на соответствующих принципах дифференциации и объяснять разные исторически определенные уровни, состояния, виды и типы его как особого явления социального движения. Выделение таких разных по содержанию исторически определенных состояний производства включает большие возможности более детализированного и более глубокого познания закономерностей его развития и его сложной роли в "организации" и структуре естественно-исторического процесса.

В этом плане, например, такие исторически определенные виды и уровни производства как производства рабовладельческого и капиталистического обществ, принципиально различные по своему характеру (связываемые с разными способами производства) противостоят по своей природе (но уже по иным параметрам измерения и дифференциации) производству первобытного общества в целом и системе обществ раннеземледельческих культур, в частности.

Явление урбанизации связывается, как отмечалось большинством исследователей, с цивилизационными процессами, с возникновением сложных по содержанию экономических и социальных структур, специализацией деятельности и разных групп населения в ней, дифференциацией общества, появлением частной собственности, принципиально новых отношений (возникновением сложной социальной, классовой стратификации), с появлением государства (как особого явления, отличного от других форм объединения организации и управления) и другими изменениями, обуславливающими становление исторического состояния социальности.

Однако в историко-культурном аспекте эти явления не раскрываются в их системных связях как обеспечивающие в своем взаимодействии и противоречиях субстанцию развития новой целостности – исторически новой социальности. Между тем такие изменения предполагают не просто новый по отношению к предшествующему уровень, но и новые условия развития, новую природу общества, новый характер организации производства как его основания. Раскрытие "механизмов" изменения, "перестройки" последнего и сущностное определение исторически нового состояния его в целостной и одновременно дифференцированной представленности конкретно в период становления цивилизации и разрывывания урбанизационных процессов приобретает особый смысл. Проблема эта чрезвычайно сложная. В то же время на основе реализации общепринятых и достаточно глубоко обоснованных и аргументированных теоретических позиций о значении разделения труда в развитии общества и с привлечением огромного

накопленного материала археологических и клинописных источников могут быть охарактеризованы в специфике своего действия на рассматриваемом этапе такие важные общезначимые механизмы и одновременно условия и основания прогресса как *дифференциация, специализация и интеграция производственной деятельности*.

Эти еще мало изученные в своем действии и содержании явления разные по уровню, структуре, объему, направлению (специализация средств производства, мастера: деятельности, например, и т.д.)¹⁴ обеспечивали организацию систем деятельности, определяли закономерности их функционирования, обуславливали разную степень, характер, условия и формы и уровни разделения труда.

Соответствующие уровни дифференциации, специализации и интеграции производственной деятельности обеспечивали так называемые крупные общественные разделения труда, которые фиксировали и определяли дистанцию развития исторически определенного типа производства.

Именно крупное общественное разделение труда (связанное с освоением производящих форм хозяйства), являющееся результатом вероятностных решений и эвристических находок в процессе расширения, усложнения деятельности в сфере присвоения продукта природы и производства средств производства (орудий труда) и предметов потребления (удовлетворяющих еще малый объем и слабо развитую структуру потребностей) стало важным рубежом в развитии общества. Устанавливалось исторически новое его состояние, происходило становление как целостности исторически новой системы, которая в наибольшей для своего времени степени заключала и выражала тенденции прогресса — системы обществ раннеземледельческих культур. Формирование ее как особой целостности происходило постепенно в процессе становления и последовательного развития образующих ее структур и их связей, и прежде всего более глубокого освоения земледелия и скотоводства как главных компонентов производственных оснований этой системы. И не только практика собирательства и охоты, техническая база (заложенная техническим прогрессом верхнего палеолита, характеризующимся появлением новых принципов изготовления и действия орудий труда), общий освоенный производственный потенциал, но и в не меньшей степени социально-психологическая подготовленность самого человека, в частности его собственно психологическая "готовность" к отрыву от привычной ситуации, а также кумуляция и интеграция знаний, накопленных в разных сферах жизнедеятельности (обеспечивающих в поисках путей выживания в условиях экологических изменений эвристические решения), стали основанием перехода общества на новый уровень исторического развития.

Становление земледельческо-скотоводческой экономики, выступающей базой развития нового общества, не было результатом простой эволюции. И не случайно в специальной литературе этот период часто называется неолитической революцией¹⁵. При этом не только потенциальные и реальные производственные возможности земледелия и скотоводства и изменения, происходившие в обществе в результате их

освоения, но и общая историческая соизмеримость всех условий жизнедеятельности общества эпохи присваивающего хозяйства и эпохи господства системы общества раннеземледельческих культур определяют смысл и характер этого перехода как своего рода скачка в естественно-историческом процессе. В числе главных актуализирующихся в этом плане проблем – проблема стадийного определения эпохи господства системы обществ раннеземледельческих культур, ее содержания, структуры и места в общественном развитии на соответствующем его уровне. Эта проблема приобретает особое значение при обсуждении условий становления урбанизации как реально закономерного явления, стадийно значимого в осуществлении естественно-исторического процесса. В последнем случае становится важным установление в сравнительном (по отношению к предшествующему обществу присваивающего хозяйства и по отношению к урбанизации) анализе не только главных, образующих специфику системы обществ раннеземледельческих культур, но и тех "разрушающих" и "отрицающих" эту систему компонентов, которые формируются на собственной ей основе и в ее структурах.

Освоение земледелия и скотоводства, связанных с производством предметов потребления, изменило не только сферу производства предметов потребления, заменив производство-присвоение их собственно производством как задаваемого и организуемого процесса на основе преобразования природных свойств животного и растительного мира. Установился новый уровень и характер взаимодействия двух основных подразделений – производства средств производства и производства предметов потребления. Производство оформляется как целое, становится в полном смысле производством. Определяется соответствующий тип производства, имеющего особый характер, структуру и содержание, возможности развития. Он предполагает наиболее оптимальную форму организации общественного труда на данном этапе культурно-исторического процесса. Для него представляется важным отметить следующее.

Первое – это изначально закладываемый как тенденция интегральный (на соответствующем уровне) характер общественного труда, предполагающий глубокую и сложную взаимосвязь земледельческой, скотоводческой деятельности и дополняющего их домашнего производства. Такой характер труда обеспечивал формирование в нем новых принципов отношений индивидов.

Второе – это изначально заложенные в устанавливаемой организации общественного труда тенденции постоянного расширения возможностей дифференциации и специализации разных сфер производственной деятельности. Эти процессы осуществлялись: а) на основе собственно внутреннего разделения, прежде всего производственной деятельности, когда в рамках конкретных обществ множилось виды специальных работ, в частности по выращиванию новых видов растений, животных, по обработке получаемых продуктов и изготовлению различного рода изделий; б) на базе естественного, объективно обусловленного разделения труда, когда дифференциация и специализация

определялись зональными, например, различиями, корректирующими формирование технолого-производственных систем, хозяйственной деятельности. Такая дифференциация и специализация хозяйственной деятельности прослеживается, в частности, в разном потенциале и соотношении скотоводческого и земледельческого хозяйства конкретных обществ, функционирующих в разных естественно-географических условиях.

Третье (но не по степени важности, а логической связи) – это противоречия, глубоко заложенные в самом характере разных деятельностей – земледелия и скотоводства, развивающихся в объективно обусловленном специфическом единстве, которое по-разному проявляется на разных уровнях развития системы обществ раннеземледельческих культур и самой земледельческо-скотоводческой деятельности как ее основания. Это единство сохранялось и при установлении новых уровней связей в процессе дифференцированного развития земледельческо-скотоводческой с преимуществом земледелия и скотоводческо-земледельческой с преимуществом скотоводства хозяйственной деятельности во все более интегрирующемся мире обществ раннеземледельческих культур.

Четвертое. Это еще более сложное разделенное в своих противоречиях состояние взаимодействия выделившихся скотоводческих (с резким преобладанием скотоводства) и земледельческих племен как компонентов общей экономической базы развивающейся системы обществ раннеземледельческих культур. Возможности углубления (на высоком для своего времени уровне) многоплановой специализации, нарастания разнообразия и одновременно самостоятельности функционирования разных видов деятельности, в едином экономическом пространстве системы свидетельствуют о достаточно больших (хотя и системно ограниченных) возможностях усложнения и роста интегративных связей обществ производящей экономики и разных сфер их производственной деятельности как необходимого условия прогрессивного развития этой системы.

Что касается взаимодействия дифференцированных земледелия и скотоводства, то их "самостоятельность" и "противоречия" как осознанные хорошо фиксируются в мифологии III–II тысячелетия до н.э. (то есть при наличии уже урбанизированных структур). Это прослеживается, в частности в споре о превосходстве этих видов деятельности между богом земледелия Энкимду (или Эки-Имду) и богом пастухов Думузи¹⁶. В особом единстве и "противопоставлении", заложенном в разном характере, "технологии" процесса земледельческих и скотоводческих работ, кроются огромные возможности углубления дифференциации и специализации деятельности (во всей сложности их проявления, включая, в частности, специализацию средств производства, продукта, действий, деятельности) и самих индивидов, осуществляющих разные виды деятельности, в том числе в сфере промышленного труда (представленного домашним производством). Но реализация этих возможностей и сами возможности, расширение их обеспечиваются определенным уровнем развития производящей экономики, но, главное,

всей системы обществ раннеземледельческих культур как особой исторической целостности, степенью кумулятивных и интегративных процессов объективно происходящих в ее рамках, а также объективно увеличивающейся (за счет разных внутренних потенций в адаптации нового) неравномерностью развития обществ рассматриваемой системы.

Различия в организации производственной деятельности, проявляющиеся в разном потенциале и характере скотоводческого и земледельческого хозяйства, а также в культуре разных групп племен в целом (отмеченные, например, даже для племен одной в принципе культуры, например, убейдской в Шумере, Ассирии и Сирии) не нивелировали главных общих структурообразующих моментов того типа организации общественного труда, который является основой формирования и функционирования соответствующих социальных структур системы обществ раннеземледельческих структур. В числе таких обстоятельств, имеющих важное значение в плане рассматриваемых здесь вопросов: а) характер труда, включая его целевые установки; б) дискретные, строго регламентированные временные рамки; в) регламентация особых, конкретных действий; г) особенности кооперации (основанной на внутренней взаимоадресованности) в процессе производственной деятельности, создающей различные нормы связи; д) новая связь работника со средствами производства; е) новая технология их использования; ж) наконец, наличие и особенности продуктов земледельческого труда, предусматривающих необходимость и возможность их дополнительной обработки. Все эти моменты, независимо от степени проявления, закладывали возможности формирования специальных работ по изготовлению различного рода изделий и обеспечивали условия (в рамках общего уровня развития производства раннеземледельческого общества) их дифференциации и специализации, происходящих при этом часто в разной степени для таких разных работ. В этом плане показательны этнографические материалы, которые дают достаточно убедительные примеры того, что в рамках общинных обществ с производящей экономикой специальные виды деятельности по изготовлению изделий могут быть по-разному организованы и в разной степени развитыми.

Накопление технических приемов, специализация деятельности на базе общего увеличения производственного потенциала земледельческо-скотоводческой экономики обеспечивают усиление процесса формирования специальных видов работ, выделение специализированных на определенном уровне деятельностей. Особое значение приобретает, в частности, углубление процессов дифференциации и специализации внутри самой земледельческой, а также скотоводческой деятельности. (Что касается последнего, например, то это определяется в том числе и тем, что скотоводческое хозяйство обеспечивает более мобильные формы накопления прибавочного продукта и активно формирует обменный фонд). В результате появляются новые возможности дифференциации и специализации производственной деятельности по изготовлению различного рода изделий, связанных с разной сырье-

вой базой, обеспечиваемой земледелием и скотоводством. Происходит освоение новых видов работ по переработке разного сырьевого материала. Одновременно усложняются условия функционирования продукта различного труда, расширяется практика обмена и формируются новые "нормы производства". Стимулируется обмен продуктами труда этих двух крупных видов специализирующихся деятельностей, деятельности по производству различного рода изделий и в целом – обмен как составная часть производства в его расширенном понимании – производства и воспроизводства общества, хотя и в ограниченных рамках его доторговой природы.

В системе производственной деятельности по изготовлению различного рода изделий – промышленной сфере – формируются свои внутренние, общие по характеру труда связи, предполагающие особые формы взаимодействия продуктов труда и производителя с продуктами труда. То есть, в единстве, полной нерасчлененности с трудом сельскохозяйственным развивается – как особый вид – труд по производству различного рода изделий, связанный не только с изготовлением средств труда, но и продуктов широкого потребления. Работы по изготовлению различного рода изделий при наиболее благоприятных условиях развития обществ раннеземледельческих культур в определенной совокупности и сочетании начинают функционировать как постоянный (но лишь в плане удовлетворения ставшей уже постоянной потребностью общества в определенном продукте), отличный от других и, в то же время, объединенный каким-то рядом общих признаков труд, который предстает как особая форма промышленного труда. Такой труд может быть условно в обобщенном определении назван домашним производством (включающим все виды специального труда по изготовлению различного рода изделий, в том числе и для общего, а не только домашнего пользования). Этот труд становится более или менее активно действующим, но еще не самостоятельным и поэтому не решающим компонентом в структурной организации производства ранних земледельцев. По условиям организации и содержанию этот труд функционирует в неразрывном единстве с земледельческой и скотоводческой деятельностью.

"Домашнее производство" – это определенный уровень специализации труда. В обобщенном понимании – это доремесленный, но уже общественно выделяемый особый труд по изготовлению изделий различного рода, предполагающий соответствующую развитость технической базы, специфические отношения между изготовителем и продуктом, между производителем и потребителем, определенный объем продукции и т.д. То есть, в составе земледельческо-скотоводческого типа организации общественного труда вычленяется как особое, хотя лишь относительно самостоятельное, производство различного рода изделий, функционирование которого определяется не только общими законами развития производства, но на соответствующем уровне развития и какими-то общими собственными (характерными для домашнего производства) нормами и имеет определенные общие задачи – задачи удовлетворения общей внутриколлективной потребности.

Существуют определенные возможности углубления специализации, расширения, соответствующие перспективы развития этого типа организации труда. Углубление специализации домашнего труда в процессе исторического развития его в разных конкретно-исторических условиях порождало многочисленные варианты организации специальной промышленной деятельности, но в нормах исторически определенного типа организации труда, функционирующего в рамках неразделенного производства. Выделение умельцев-специалистов и специализация групп населения, семей, родов на производстве определенных видов изделий выступают как особые, но порой достаточно развитые варианты такой организации, имеющей часто хорошо выраженные региональные особенности.

Степень развитости отдельных видов специальной деятельности хорошо фиксируется по материалам, например, керамического производства древних поселений уже VI–V тыс. до н.э. Хассуны, Ярым-тепе, Савваны. О мастерстве изготовителей свидетельствуют изделия Телль Хаффаджа, Телль-Арпачия, Чагар-Базар, Ярым-тепе II и Самарры. Значительный экономический потенциал самаррского производства керамики обеспечивал ее широкое распространение. Об этом говорит, в частности, тот факт, что самаррский керамический импорт, судя по археологическим данным, достигает северохассунских памятников, например, самой Хассуны и Ярым-тепе¹⁷.

Вывоз изделий за пределы областей изготовления их определяется еще не столько собственно производственными нормами движения продукта специализированного труда, сколько обусловливается естественным разделением труда в условиях технически слабо оснащенного и находящегося на низком общем уровне развития промышленного производства.

Археологические материалы, в том числе саморрская керамика, фиксируют при этом не только высокие качества технологии изготовления изделий, но и, что очень важно, довольно устойчивые приемы изготовления и относительно стабильные условия производства, что в значительной степени определяет уровень специализации конкретных производств. Реальным показателем проявления такой тенденции в рамках общинного производства является совокупность и устойчивость конструкции печей, связываемых с обжигом керамики на Ярым-тепе. Более того, намечается выделение "производственной единицы", что прослеживается в Арпачие, где зафиксирован дом гончара¹⁸ (о чем свидетельствуют находки запасов охры и палетки для растирания красок) и в Хаджиларе – слой XI (здесь в одном из обычных жилищ отмечены терки для красок и готовые сосуды)¹⁹.

Уровень развития "домашнего производства" – разный на разных стадиях и в разных конкретно-исторических ситуациях его развития. Не случайно существует достаточно большая путаница в определении доременных форм организации труда в связи с вариациями его представленности, включающими разные уровни, условия функционирования, степень специальной значимости. К некоторым из них иногда применяются "единицы измерения", связанные с более поздними про-

мышленными структурами, например, "изготовление на заказ". Однако последнее предстоит как явление развития промышленного труда, возникшего на другой социально-исторической почве. И, безусловно, необходим дифференцированный подход к характеристике исторически разных уровней и форм самого домашнего производства, например собственно домашнего (изготовление изделий в доме и для дома), или производства определенных изделий особым умельцем общины для всего "своего общества".

Важно учитывать и все условия и особенности функционирования домашнего производства. В их числе: структура организации всей деятельности конкретно-исторических обществ, характер и степень использования главной производительной силы – человека, структура потребностей, емкость прибавочного продукта и т.д. Сложность развития организации домашнего производства как в историческом, так и в региональном плане достаточно хорошо прослеживается на этнографических материалах, в частности, в закреплении разных уровней его в разных структурах организации традиционных обществ.

В рамках домашнего производства складывается совершенно определенная система отношений и только разрушение их обеспечивает появление исторически новых уровней и форм производственных связей. В принципе вещи здесь изготавливаются для собственного потребления. И домашнее производство является частью такого общественного производства, в котором речь идет об изготовлении продукта как такового (а не о товарах), когда продукты не противостоят "друг другу как товары и затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие связи с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи"²⁰.

Происходило определенное накопление видов специальных работ. В соответствующих условиях ускорялось их развитие, расширялось поле действия и увеличивалась роль, в том числе за счет того, что продукты их могли включаться в большей или меньшей степени в обмен. Но главное заключалось в их особой внутренней связи и функционировании как достаточно устойчивого (для определенного периода), но ограниченного ("нормами", принципами и особенностями развития доремесленного промышленного труда) разнообразия, во-первых; во-вторых, в их прочной связи со всем комплексом основных видов деятельности общинного общества.

Особый характер производства здесь проявляется не только в самой структурной организации во взаимосвязи его сторон и сфер²¹, когда промышленный по своей форме труд по производству предметов потребления функционирует в неразделенном единстве с земледелием (как обобщенно земледельческо-скотоводческой хозяйственной сферой), но и в той социальной форме организации общественного труда, которую характеризует коллективный субъект труда. Последний предстоит как особый социальный феномен, для которого и существуют порой относительно широкие (на соответствующем уровне его

развитости) возможности функционирования индивидов, в том числе в связях относительно сложной стратификации общества, однако последнее осуществляется в рамках жесткого "контроля" над ними *ц е л о г о*, представленного в частности единством целей деятельности и специфическим характером отношений взаимодействующих индивидов как конкретных представителей единого коллективного субъекта "общинного общества". Здесь еще не сформированы новые структуры собственно социальных отношений, опосредованных производством, ставшим над производителями.

Над производителями не довлеют силы овещенного труда, и отношения их осуществляются по принципу живого общения. Вся совокупность такого типа отношений, единых по своей природе, предполагает наличие соответствующих структур их интеграции, в том числе социально-пространственной организации жизнедеятельности населения. В качестве особого общественного организма, стабильно кумулирующего и интегрирующего все виды и формы производственных и собственно социальных отношений (развивающихся в рамках общинного общества и свойственных ему форм организации общественного труда), здесь выступают разные варианты единого по своим существенным свойствам "однохарактерного" типа поселения. Разные во времени и для разных областей, различающиеся по объему и сложности организации, такие поселения представляют особую "однокомпонентную" форму расселения и соответствуют исторически определенному уровню и природе социальности в рамках первобытного общества.

Переход к исторически новой стадии, связываемой со становлением новой природы социальности (собственно социальности) и новых в связи с этим отношений, естественно полагает, как необходимый момент, процесс становления новых, интегрирующих эти отношения структур. В качестве таковых выступают города, обеспечиваемые процессами урбанизации.

§ 3. Некоторые особенности п е р е х о д а от первобытного общества к цивилизации как процессуального явления и фазы эволюции

Переход к новому, стадийно значимому исторически определенному новому состоянию, отрицающему первобытность, предполагает принципиальные преобразования в основаниях функционирования общества, обеспечивающие новую природу последнего. И по характеру преобразований – этот переход предстает как скачок, имеющий революционное значение. Но в то же время реально переход в социальном развитии – это сложный процесс, имеющий определенную достаточно длительную дистанцию своего осуществления и сложную структуру и содержание. Уже само состояние перехода включает повышенную динамичность эволюционного процесса, обеспечивающую возможность отрыва от старого и заключающую достаточный запас "энергии" для формирования нового.

С одной стороны, начало перехода предполагает устойчивую сформированность системы, его порождающей, достаточно высокий уровень ее, стабильность, определенный характер организации, обеспечивающей тенденцию и возможности внутреннего прогресса. Как уже отмечалось, возможности таких преобразований содержались в самих особенностях системы обществ раннеземледельческих культур, когда она достигала определенного уровневое состояние. Такое ее состояние предполагало, в частности: достаточно высокий уровень и развитость демографических структур (рост населения раннеземледельческих обществ), соответствующее накопление ресурсов, определенный общий экономический потенциал и развитые производственные структуры (развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства, дополненное дифференцированным домашним производством), развитые социально-культурные структуры, временную устойчивость сохранения высокого в рамках системных норм уровня. То есть существовала соответствующая "зрелость" системы, обеспечивающая стартовые возможности развития по направлению прогресса. В то же время необходимым условием перехода было появление в устойчивой системе нестабильности, сферы расшатывающейся и расшатывающей систему. Важную роль в этом плане играл фактор роста разнообразия, увеличивающего устойчивость системы, но одновременно обеспечивающего интенсификацию процессов дифференциации и специализации во всех формах и в разных сферах их проявления (в деятельности производственной, в развитии социальных структур, поселенческой организации и т.д.). Рост разнообразия, углубление дифференциации и специализации расширяли вероятностные решения возникающих жизненных проблем и оптимизировали совместный способ деятельности общества как основной производительной силы. И в этом заключались большие возможности развития и действия его как преобразующего фактора.

Именно увеличение разнообразия, рост вероятностных решений обеспечивали возможность прерывистости эволюции и формирование новых закономерностей социального движения и новых связей новых структур последнего. При этом очень важно отметить, что реально такое вызревание новых структур происходило в рамках определенных наиболее продвинутых в каждом конкретном случае обществ. Однако актуальность и само формирование принципиально нового выступало как достижение всей системы обществ раннеземледельческих культур в целом, в чем и выражалось саморазвитие этой исторической системы. Показательна в этом плане своего рода "эстафета" технических прогрессов, когда достижения конкретных обществ, функционирующих в определенных областях, реализовались наиболее активно в производственной деятельности обществ других территорий (например, достижения земледельческой культуры северомесопотамских обществ – халафской, самаррской в развитии убейдских племен южной Месопотамии). Работало как бы все географическое пространство и социокультурный уровень функционирования системы обществ раннеземледельческих культур. Объем совокупности и протяженность пространства обществ раннеземледельческих культур, как представляется в связи со

всем вышесказанным, играли особую роль не только в росте разнообразия форм, уровней, обеспечении устойчивости системы и росте накопления возможностей, но и в "выборе" разрыва за счет перепадов уровней.

Накопление нового, своего рода "упорядоченность" его и формирование соответствующих структур, их связей и закономерностей функционирования предполагало в качестве обязательного момента необходимость завоевания ими своего особого социального пространства развития. Именно поэтому отдельные наиболее мобильные новые структуры (например, торговые отношения) очень часто выбрасываются во вне, в пространство внешнее по отношению, например, к центру кумуляции цивилизационных процессов (происходящих в комплексе), куда они возвращаются уже обогащенные результатом своего действия. Переход "обеспечивает" в этом плане пластичность взаимодействия новых структур разного уровня и характера.

В процессе перехода происходит не просто накопление нового, его структурирование и замещение им старого по принципу вытеснения более "сильным" и большим по емкости. В процессе дифференциации, специализации и интеграции деятельности (в ее комплексной представленности) обществ ранних земледельцев на переходе формировались структуры, объекты, элементы, условия функционирования соответствующих закономерностей их взаимодействия, заключающие тенденцию прогресса, большие потенции движения, маневрирования, роста и усложнения. Они вступали в противоречие с существующими господствующими структурами. Одним из важнейших противоречий процесса перехода от первобытного общества к разделенному (классовому) было противоречие между специализирующимся, дифференцирующимся и индивидуализирующимся трудом, приобретаемой им новой сущностью, между особенностями функционирования реально существующей коммуникативной системы, связанной с ним, с одной стороны и принципами организации труда общины как неделимой целостности и родовыми отношениями как особым исторически определенным типом социальной (со всеми ее образующими и экономическими, социальными, культурными характеристиками), – с другой.

Именно объективно обусловленный (обеспеченный соответствующими производственными структурами, техническими основаниями, характером организации деятельности и социальных связей и т.д.) разрыв родовых отношений, связей старой социальной обеспечивал пространство развертывания новых отношений. Кумулирующим и интегрирующим эти отношения мог выступать только особый, отличный от прежних по своей структуре и принципам организации жизнедеятельности организм, в качестве такого и зарождался город.

В свою очередь только в дифференцированных и интегрированных в определенных формах новые по содержанию отношения, новые нарождающиеся элементы и явления могли приобретать действительную силу "разрыва". И появление такой интеграции уже закладывало в своем устойчивом проявлении и развитии структурные компоненты отношений города.

Проблема перехода в развитии – в данном случае перехода к цивилизации – одна из наименее изученных и практически не структурирована как особая познавательная ситуация. Но ее исследование заключает возможности решения многих важных задач в познании особенностей исторического процесса и прежде всего процесса урбанизации, обозначившего его новую стадию.

В настоящей работе затрагиваются лишь определенные аспекты проблемы перехода в развитии, в данном случае перехода к цивилизации, рассматриваются пространственно-временная ситуация осуществления и, в определенной степени, содержание процесса становления экономических и социальных структур оснований урбанизации и формирования нового субъекта исторического действия – субъекта процесса урбанизации.

В качестве решающих факторов в содержании названного процесса выделяются – технико-производственная база, экономические сферы, заключающие принципиально новую природу отношений – ремесло и торговля и новые характеристики субъектов последних, – образующие в комплексе новое собственное социальное пространство развития урбанизирующего общества, общества цивилизации, характеризующих исторически новую социальность.

Глава III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ГОРОДА

§ 1. Технический прогресс в развитии производственной деятельности и новых социальных связей

На всем протяжении развития исторически определенной системы (в недрах которой зарождались условия, обеспечивающие возможности появления города) – системы общества раннеземледельческих культур, ее экономической базой оставался, как отмечалось, особый исторически определенный тип организации материального производства. Именно особый тип организации материального производства, представляющий неразделенное единство двух, функционирующих на разных, прежде всего технико-производственных началах основных его сфер (земледелия и домашнего производства), выступает здесь главным моментом в характеристике развития системы. Возможности его внутреннего саморазвития без перехода на исторически новый уровень организации были широкими, но в рамках системных ограничений. В то же время именно в рамках этого производства формировались элементы и структуры, разрушающие его изнутри и обеспечивающие в соответствующих условиях становление исторически нового типа производства, предполагающего иной характер социальных отношений, с ним связанных, соответствующих иному типу социальности, которой свойственны свои особые организмы и структуры, интегрирующие ее связи и отношения. И если важнейшими механизмами развития общественного труда, усложнения производственных и социальных структур, обеспечивающих формирование исторически новой социальной системы, исторически нового состояния, являлись дифференциация и специализация деятельности¹ (собственно производственной, духовной), то одним из мощнейших средств, интегрирующих технико-производственное и социально-экономическое содержание труда (как необходимое условие его прогресса) выступал технический прогресс. Реальные формы проявления последнего хорошо прослеживаются археологически. Технический прогресс выступал активно действующим преобразующим фактором, обеспечивающим не только усложнение, расширение и совер-

шенствование технической базы, но главное (что, как правило, упускается) – формирование новых связей и отношений производителей с продуктом труда, со средствами производства, с конкретными видами деятельности, а также производителей друг с другом.

При этом сам технический прогресс нельзя рассматривать (как это принято в большинстве исследований, ему посвященных) лишь как последовательность технических нововведений, даже при специальной оценке их, в том числе объеме, характере, степени обеспечиваемого ими преобразования. Технический прогресс – это прежде всего процесс, имеющий свои специфические характеристики, закономерности, возможности и тенденции. И только при рассмотрении или понимании технического прогресса как особого процесса и одновременно как особого функционально значимого структурного компонента естественно-исторического развития можно выявить условия и особенности его реального действия.

Специальное рассмотрение технического прогресса как особого историко-производственного явления не входит в задачу настоящего исследования.

В данном случае необходимо остановиться лишь на некоторых моментах его характеристики: во-первых, в связи с рассмотрением реальных технико-производственных оснований изменения организации труда раннеземледельческих обществ и формирования условий функционирования нового типа производства; во-вторых, в плане обсуждения некоторых общих особенностей взаимодействия и опосредования технико-производственной и социально-экономической сфер содержания труда, обуславливающих движение, прогресс последнего и установление новых типов и форм его организации.

В процессе технического прогресса особое значение имеют такие главные компоненты его содержания, как совершенствование технических средств, расширение действия их, развитие технологии, изменение технико-технологических систем².

Что касается роли технических средств в процессе формирования новых условий труда, то здесь представляется важным рассмотреть лишь некоторых из них, возникающих в рамках раннеземледельческих обществ, но изначально заключающих (уже в силу заложенного в их схеме технического потенциала) возможности изменения условий труда, свойственных последним. Среди технических средств, появляющихся в сфере хозяйственной деятельности раннеземледельческих племен и значимо меняющих условия труда, особое место необходимо отвести приспособлениям, обеспечивающим тепловую обработку материала в сфере специальной производственной деятельности, связываемой с освоением в производстве тепловой энергии. Автор неоднократно обращался к проблеме становления теплотехники, особенностям развития древнейших технических печей и их роли в специализации производственной деятельности³. Поэтому в данном случае затрагиваются лишь значительно менее изученные, но важные в контексте решаемых здесь задач, некоторые общие моменты характеристики их как технических средств в связи с развитием общественного труда.

Производственное освоение огня, т.е. практически зарождение теплотехники, означало: а) освоение новых знаний о свойствах природы; б) превращение веществ; в) введение искусственно создаваемого материала; г) получение довольно высоких, в большей или меньшей степени регламентированных температур, а значит, разработку технологических схем обжига; д) создание технических условий теплообработки, а значит, наличие специальных устройств, реализующих технологические схемы. Введение таких устройств, в свою очередь, обуславливало комплекс собственно технических проблем, связанных с обеспечением их качественной работы и совершенствованием. Освоение таких специальных технических средств предполагало, в частности, развитие компонентов особой новой сферы производственной деятельности – конструирование искусственной природы материала (керамики, металла) и формирование технических условий его получения, во-первых; создание новых принципов (в частности, бесконтактного) действия новых по своему характеру технических средств, во-вторых. Печи были первым значимым и сложным специализированным, опосредственно действующим и обрабатывающим одновременно много объектов оборудованием, которое осваивалось в сфере производства изделий. Введение гончарных печей обеспечивало новую позицию производственной деятельности по изготовлению изделий в целом.

Впервые как особое специализированное оборудование, отличное от других по своей емкости, условиям рабочего функционирования, условиям использования и изменяющее в принципе техническую базу конкретного вида производства, технические печи (которым предшествовали порой довольно мощные по своему устройству хлебные печи) были введены в керамическом производстве⁴. Здесь же они сохраняли наиболее сложные среди существующих средств производства технические характеристики, закладываемые в их организацию (большие емкости, многофакторная обуславливаемость "проектирования" схемы, обеспечивающей работу и управляемость ими, и т.д.). При этом важно отметить, что гончарные печи представляли собой не простые орудия труда – орудия-инструменты, а технические средства более сложного порядка – специализированное оборудование. Это оборудование предполагало, в частности, опосредованно управляемое воздействие на материал и задаваемые ("запрограммированные", но не всегда регулируемые) в процессе работы оборудования (и оторванные от непосредственного производителя) действия. Именно поэтому на основе керамических печей могут быть рассмотрены особенности "действия" специфических технических средств, изменяющих условия производства изделий (в данном случае керамики).

Как особо действующие технические средства (введенные в этом плане уже в VI тыс. до н.э. – печи Ярым-тепе I и II) гончарные печи заключают для рассматриваемого времени в наибольшей степени выраженные перспективы реализации возможностей тепловой энергии в собственно производстве. Кумулирующие значительный объем знаний и по-новому организующие (в отличие от обычного инструментария) сам производственный процесс, гончарные печи обеспечивали в пер-

спективе не только повышение температуры и увеличение возможностей регулирования огня, увеличение объема обжигаемой продукции, но и стабильность, ритмичность самого производства конкретного продукта – керамики. Эти печи значительно повышали производительную силу труда в конкретном производстве и обуславливали тем самым нормы производительности в других видах труда. Степень преобразующего воздействия введения гончарных печей на производственную деятельность не позволяет исключить их из числа наиболее активно действующих факторов технического прогресса. В этом плане важно подчеркнуть их глубокое не только технико-производственное, но и общее социально-экономически значимое воздействие на развитие специализированного труда. Такое воздействие обуславливалось, в частности, следующими, имеющими важное значение в развитии всей специализирующейся деятельности по изготовлению изделий, обстоятельствами освоения гончарных печей.

1) Происходит освоение средств производства нового уровня и характера действий, не связываемых с их конкретным контактным воздействием на предмет, но используемых при изготовлении последнего (и обеспечивающих различие одновременно выполняемых его экземпляров). Изменилось в какой-то степени "техничко-организационное положение" производителя по отношению к средствам производства.

2) Теплотехнические средства – гончарные печи "навязывают" специфические собственно производственные условия – обязательное время занятости, обязательные ("задаваемые не только назначением и материалом изготавливаемого предмета, но и "самостоятельной" работой печи) действия в рамках особой объективно формируемой на их основе технологии и новой совокупности специальных работ (отличных по характеру организации не только от других специальных видов их, но и от производства керамики в прежней технико-технологической системе). Все это моменты, усиливающие связь производителя с конкретным видом труда через средства труда.

3) Как особые специальные средства труда гончарные печи обеспечивают все более растущие в их историческом развитии возможности производства изделий – увеличение объема продукции, ее качество, рост производительной силы специального труда, что изменяет ориентацию производителей на производство конкретного вида изделий, формирует соответствующую мотивационно-потребностную сферу, направленность его деятельности и одновременно определяет отношение коллектива к его деятельности.

Характер теплотехнического оборудования (гончарных печей) требует отрыва производителей от других, и прежде всего земледельческих, работ и на достаточно длительный промежуток времени (печь уже предполагает определенный ритм действий в ее использовании), то есть выделение определенного "общественного" времени. Далее, существует необходимость соответствующих особых знаний и навыков в "разработке" технологических схем, выходящих за рамки используемых в обычной деятельности земледельца (в том числе при обработке продуктов). Последовательное прогрессивное развитие и совершенство-

вание этого оборудования (что достаточно хорошо фиксируется при исследовании особенностей изменения печей в период VI–V тыс. до н.э., а затем позже в IV–II тыс. до н.э., когда начался особенно активный процесс расширения их использования и дифференциации по типам, назначению и т.д.)⁵, рост объема изготавливаемой при их применении продукции свидетельствуют о перспективе использования печей, о все расширяющейся потребности в них, о все большей, выполняемой ими нагрузке в организации, распределении всего труда в обществе. Все это вместе с вышеотмеченными моментами позволяет говорить о действии особого "механизма опосредования" технико-производственных и социальных сфер организации труда, о внутренне стимулируемой направленности специализации деятельности (по производству керамики, ее обжигу), в частности, за счет усиления связи человек–предмет труда (рост объема керамики), человек–средства труда (производитель – гончарная печь), обуславливающей новое положение отдельных индивидов и групп в обществе. Структура и содержание такой специализации, "закладываемой" еще в рамках домашнего производства раннеземледельческого общества, обеспечивали в перспективе и в соответствующей ситуации возможности "выведения" специализирующихся производств за пределы указанных рамок (домашнего производства) и занятия ими новой социальной и экономической позиции.

Реальное действие технического прогресса в специализации производств и в изменении их социально-экономического содержания проявляется, как видно уже из вышеприведенного, не в самом саморазвитии технических средств, а в условиях и особом характере их использования и глубине, степени опосредования их действия в системе конкретных производств задачами и целями последних. То есть прогресс технических средств, обеспечивающих глубокое преобразующее действие в конкретной производственной деятельности и углубляющих ее специализацию, как правило, опосредуется более общими широкими производственными задачами общества.

В своих работах мы неоднократно обращались к обоснованию позиции, заключающейся в том, что не столько собственно технический выигрыш, сколько причины общего экономического порядка лежали в основе самого появления печей как специализированного оборудования. Их освоение определялось прежде всего потребностью общества в постоянстве осуществления производства определенного продукта, в данном случае керамики.

И освоение гончарных печей как особых специализированных технических средств, определяемое производственной необходимостью более широкого (чем конкретно керамического производства) плана обеспечивало новое "техничко-технологическое поле" развития и специализации разных видов труда. Становление теплотехнических средств и освоение тепловой энергии являлось крупным всеобщим достижением раннеземледельческого общества, сыгравшим огромную роль в развитии всей производственной деятельности, в специализации труда в целом. Последнее проявлялось в параллельном прогрессе двух отраслей, ставших уже в раннеземледельческом обществе (во всяком случае

в V тыс. до н.э.) ведущими в промышленной деятельности (еще в форме, не отделенной от земледелия) и сыгравших важную роль в структурировании экономического основания нового общества, – прогрессе керамического и металлообрабатывающего производств. Оба эти производства активно развивались на базе освоения и совершенствования теплотехники.

Особые условия и характер развития теплотехнических устройств в металлообрабатывающем производстве определялись комплексом обстоятельств, и прежде всего техническими требованиями к огню. С одной стороны, эти требования были общими для керамического и металлообрабатывающего производств, с другой – глубоко специфичными для каждого из них. Керамическое производство самым своим возникновением обязано огню, в то время как первые образцы из металла изготавливались по принципу механической обработки твердого материала. Далее, основные требования к работе огня в керамическом и металлообрабатывающем производстве были разными. Так, для обжига керамических изделий необходимо было емкое, свободно работающее пламя. В металлообрабатывающем производстве наиболее часто главная цель – получить ориентированный локальный огонь высокой температуры. Режимы работы огня – разные, в частности, медленный подъем температуры в керамическом, высокая исходная температура огня в металлообрабатывающем. В то же время владение огнем, дифференцирование пламени, поиск путей управления огнем, его температурой, скоростью и ровностью горения при всех различных специальных требованиях – выступают как общие задачи керамического и металлообрабатывающего производства.

Не случайно один из крупнейших специалистов в области древней металлургии Р. Форбс, привлекая (в том числе в связи с недостатком археологического материала) этнографические данные для реконструкции теплообрабатывающих устройств, справедливо не отрывает развитие металлообрабатывающего производства от керамического. Он особо останавливается на температурных условиях формирования технологии этих производств, подчеркивая безусловное влияние гончарных печей на раннюю металлургию. Р. Форбс, в частности, отмечает, что температуры, фиксируемые для ранней керамики в пределах возможного до 900–1000° (в данном случае речь идет о возможном максимуме. – Э.С.), безусловное завоевание, имеющее значение для развития металлообработки, хотя такие температуры, как 1400 °С, еще не могли быть получены⁶.

Безусловным выступает факт общности главной цели и задачи формирования специализированных средств производства, связанных с использованием работы пламени для превращения вещества и получения материала новой природы и качества – керамики и металла. В то же время, как уже отмечалось нами выше, условия превращения разного материала, характер технических требований к обработке металла и керамики с самого начала предполагали дифференциацию режимов работы пламени. Керамическое производство родило управляемое пламя, сделало его рабочим, подняло температуру, обеспечи-

вающую превращение веществ. В принципе зачатки металлообрабатывающего производства могли быть связаны уже с обычной рабочей, известной уже для печей VI тыс. до н.э. температурой – 750–800°. Так, Г.Х. Коглен отмечал, что уже при такой температуре, температуре 750–800°⁷, при восстановительной среде могло произойти получение меди из малахита. Увеличение тяги в вышерассматриваемых конструкциях происходило поэтапно. Ее организация осуществлялась за счет продухов (система продухов была известна уже для ярымтепных печей VI тыс. до н.э., способствовала увеличению высоты температуры (что и приводило, однако, одновременно к "истечению" огня). Для обжига посуды (когда не ставилась задача получения спекающихся масс и поверхностей) такая температура при сохранении необходимой выдержки в принципе достаточна. Но важно было "выполнить" этой температурой всю камеру обжига и держать ее ровной. Обработка металла, как отмечалось, предполагала значительное увеличение силы действия огня, не только поднятие температуры пламени, но и его насыщение, концентрацию, что на первоначальных этапах могло быть достигнуто лишь в малых емкостях. Освоение технологии дутья обеспечивало сохранение этих условий. Изображение таких приспособлений для дутья – мехов, раздувающих огонь в небольших емкостях, известно для Египта 2500 г. до н.э. на гробнице Ти.

Что касается возможных температур, то в целом производственный температурный оптимум достигает уже в VI тыс. 1000° (при рабочих чаще более низких), а в III–II тыс. в принципе, судя по данным реконструируемых автором технологических схем, такой общий возможный оптимум (для силикатных масс) отмечается в пределах 1000–1200° (при обжиге, например, высококремнеземистого материала)⁸. Проследивая характер наращивания температурного потенциала на древних этапах развития производства, такой интервал для III–II тыс. до н.э. фиксирует и В.В. Иванов⁹. Освоение высоких рабочих температур – это реальное основание формирования соответствующих технико-технологических схем, но главным становится дифференцированная разработка последних, управляемость температурой, режимом тепловой обработки, что требовало специальной подготовки работника.

Не беря на себя определение реального производственного импульса и условий возникновения тепловой обработки металла, возможно лишь заключить, что в V тыс. до н.э. во всяком случае, определилась самостоятельная линия специального освоения теплотехники в системе металлообрабатывающего производства.

Отметим, что независимо от степени связи и обусловленности развития теплотехники победами керамического производства, температурные завоевания и идеи закрытого огня, безусловно, определяли становление самостоятельной схемы теплообработки металла. Сложности поднятия температуры при концентрации пламени и устойчивости соответствующей выдержки его горения предполагали не только использование специальных приспособлений, например, мехов, но и длительное сохранение относительно небольших емкостей теплообработывающих (для металла) устройств. Показательно, что именно в

этом плане не отмечается резких различий в объеме горнов, изображенных на гробнице Ти (2800–2500 гг. до н.э.) и Рехмире (Réchmire) – 1400 г. до н.э., а также Ипуимре (Ipu-im-re) – 1400 г. до н.э.¹⁰ Многочисленные варианты простейших металлообрабатывающих конструкций, известных по этнографическим данным, также имеют небольшие рабочие емкости. Так, в Японии выплавление металла производилось в небольшом резервуаре, в самом огне¹¹. Очень небольшие горны для выплавки меди использовались по этнографическим данным в Бьяпате (Vjjarath) в Индии. В то же время, например, в шумерском сказании о Саргоне упоминаются главные литейщики (возможно, зависимые от дворца) и "мощные плавильные печи" – "плавильные печи его (т.е. града), что пылают мощно"¹². Возможно, уже довольно рано использовались как специальные и крупные плавильные горны.

В целом здесь совершенно четко проявляется тенденция направленного технического прогресса собственно металлургических печей (хотя медленно и скачками), связанного с общими изменениями всего содержания металлообрабатывающего производства. Для нас в данном случае главным является углубляющееся разделение технико-технологических систем металлообрабатывающего и керамического производства, ставящих в более сложные (чем в рамках повседневной земледельческой деятельности общины) позиции производителей, с ними связанными, не только по отношению к членам земледельческой общины, но и друг к другу, как представителям разных сфер деятельности.

В период V–II тыс. до н.э. происходят значительные изменения в содержании и структуре самой металлообрабатывающей деятельности, которые выражались в освоении и разработке новых технологических схем по производству средств производства и предметов потребления. С.А. Семенов блестяще доказал, что уже медные (наиболее "мягкие" металлические изделия) орудия труда обладают значительно большей эффективностью, чем каменные. Так, медная пила превосходит каменную в 15–20 раз, медный топор – в 3 раза, нож – в 6–7 раз¹³. Введение олова значительно повысило прочность, твердость изделий. К III раннединастическому периоду в Шумере использовался довольно широкий набор инструментов – режущих, колющих, пилющих, держащих (щипцы и т.д.), изготовленных из меди и бронзы. О значении критерия твердости металла опосредованно свидетельствуют письменные источники III–II тыс. до н.э., определяющие высокую ценность железа, как металлического материала, используемого в названный период еще очень ограниченно и чаще в ритуальных предметах. Не случайно оно ценилось в 40 раз дороже серебра¹⁴. Введение в производство и активное использование (хотя и наряду с каменными) металлических орудий труда, обладающих соответствующими технологическими качествами, расширяло сферу действий мастера при обработке ими материала, возмозности маневрирования и улучшало изделия за счет обеспечения более сложных профилей, форм их. В целом к III тыс. дифференциация средств производства значительно увеличивается за счет введения металлических вариантов их. В данном случае значение

приобретает не только чрезвычайно важный факт расширения технических возможностей действия орудий труда, развития технологической сферы, но и в свете задач настоящего раздела увеличение "плотности" целенаправленных работ по изготовлению различного рода изделий, усложнение связей мастера с такими работами и продуктами его труда. Последнее проявлялось, в частности, в новой связи мастера по линии: изделие–исходный материал–сырье, когда производитель имеет дело не только с собственным сырьем (сырье–труд–изделие), а и с искусственным материалом, выступающим продуктом прошлого труда, например, сплавом (в отличие от керамического материала само превращение вещества здесь не совпадало с процессом изготовления изделия – соответствующей стадии его). Производственные и социальные связи производителей усложнялись. Процесс производства конкретного продукта мог здесь ограничиваться получением самого материала (металлических слитков), превращаемого в предмет обмена (внутреннего и внешнего). Так, например, в практике мастеров IV–II тыс. до н.э., (в частности, южнотуркменистанских) было известно использование привозных слитков готового сплава. В материалах архивов месопотамских памятников III–II тыс. до н.э. достаточно часто упоминаются слитки металла в качестве вывозимого товара и платежного средства¹⁵ – меди, серебра. Включение в обмен искусственного материала – металла как товара при наличии собственно производственной потребности в нем приобретало важное значение в экономике металла, в структурировании сферы металлообрабатывающего производства (в обобщенном его определении, включая обработку руд, приготовление сплавов, изготовление изделий), в построении социально-экономических связей и отношений производителей, которые во все большей степени выделяются из состава других представителей общества и все более активно вступают в свои особые внутренние связи как связи людей специального труда (выступающих особой группой), нарушая отношения специфического единства, свойственного общинным отношениям.

Среди фактов технического прогресса преобразующего действия, сыгравших активную роль в углублении специализации производственной деятельности и изменении ее организации, в совершенствовании технической сферы и в расширении межобщинных связей, необходимым представляется рассмотрение комплекса средств, связанных с техническим использованием вращательного движения, определившего новые характеристики работы средств производства.

Потенциальные возможности вращательного движения, освоенного на соответствующем уровне в первобытном обществе, реализовались в крупных технических достижениях, определяющих рубеж глубокого технического прогресса в технико-производственной организации труда в IV тыс. Творчески рожденная идея вращения, воплощенная первоначально в простейшем инструменте – сверле, нашла здесь выражение в изобретении рабочего колеса – круга (в широком его определении), ставшего основой разработки важнейших технических средств – собственно производственного назначения (принципиально изменивших усло-

вия конкретного труда) и средства передвижения, введшего новую сферу организации жизнедеятельности – транспортную связь.

Изобретение колеса, в данном случае собственно колеса, закладывало в системе формирующихся средств передвижения (осваивались суда, "использующие" внешние природные силы и физические возможности человека) специфически транспортные начала, предполагающие использование особых технических схем действия соответствующих, искусственно создаваемых конструкций. Круг совершал работу за счет изменения своего положения и выступал как линейно движущийся вращательный элемент, превращая вращательное движение в линейное передвижение всей конструкции, т.е. осуществляя практически функции "механизма" движения.

Изображение колеса известно в знаках древнейшей шумерийской письменности конца IV – нач. III тыс. до н.э. К концу IV тыс. до н.э. относится сосуд из раскопок в Фара, в виде животного, поставленного на четыре сплошных колеса¹⁶. В Индии известные повозки на колесах, относятся к 2500 г. до н.э., "На Крите они появились немного меньше, чем за 2000 лет до н.э., в Египте – не раньше 1600 г. до н.э."¹⁷ Эффективность заложенного в изображение колеса технического принципа определила его сравнительно активное освоение в областях Ближнего Востока на протяжении III–II тыс. до н.э. Основными направлениями прогресса транспортного колеса были – скорость, ровность движения и, наконец, удобства. Так, тяжелые повозки, известные на Ближнем Востоке за 3000 лет до н.э., имели массивные колеса, вращающиеся вместе с осью. Двигались такие повозки относительно медленно. Изобретение колеса со спицами после 2000 г. до н.э. значительно ускорило передвижение транспорта.

Введение колеса "в передвижении" предстает важным фактом, но не фактором технического прогресса, заключающего преобразующее воздействие в собственно производительной сфере. Однако оно обеспечивало новые возможности и условия жизнедеятельности людей, увеличивая скорость передвижения, интенсивность и широту связей, сокращая расстояния и т.д. В общей организации социального пространства определенных обществ формировались элементы нового пласта связей: увеличивалась доступность контактов социальных объектов, повысилась мобильность обществ, владеющих колесом. Освоение транспорта – важный показатель сформированности психологической готовности и потребности "выхода" за пределы ограниченных территорий функционирования конкретных обществ – не передвижения племени, рода, часто объективно обусловленное, а собственно движение по потребности. В целом для своего времени колесо в организации движения – огромное событие технически и социально значимое.

Огромная же роль колеса как фактора глубокого технического прогресса проявилась в способности его передавать при вращении энергию движения другому телу, осуществлять реальную работу. Именно эти качества реализовались в древнейших протостанках, осуществляющих превращение вращательного движения в рабочий момент, совершающих рабочее движение. Это прежде всего гончарный круг – одно

из наиболее великих по своей общей значимости (выходящей далеко за пределы конкретного керамического производства, в рамках которого он был введен) изобретений, сыгравших особую роль в изменении общетехнического уровня и развитии производственной деятельности общества в IV тыс. до н.э. Автор неоднократно обращался в своих работах к проблеме гончарного круга (в том числе в специальной монографии, посвященной этому техническому явлению¹⁸), в которых нашли отражение вопросы условий его появления, принципы работы, тенденции развития, производственное значение и социальные аспекты его функционирования. Поэтому в данном случае представляется возможным коротко отметить лишь некоторые, существенные в контексте рассматриваемых здесь вопросов, моменты, связанные, в частности, с обсуждением проблемы формирования технико-производственных оснований и развития новых социальных структур. В их числе следующие.

В течение многих лет автором защищается позиция, согласно которой введение гончарного круга необходимо рассматривать не как явление постепенной эволюции (как это в основном принято в существующих объяснениях его происхождения, в том числе при оценке самого факта его появления как революционно значимого) от медленно вращающихся подкладных дисков к быстро вращающимся, а как своего рода глубокий технический скачок, обусловленный этой эволюцией, но отрицающий в принципе прежние схемы и нормы формовки керамических изделий и нарушающий направленность такой эволюции. Различные варианты формовки по прежней схеме стабильно удерживали главный принцип ее осуществления – неподвижность глиняной пластичной моделируемой массы¹⁹.

Гончарный круг как средство формовки (а не приспособление) начинается с круга, обладающего инерционным движением и быстрой скоростью, способной передать вращение глиняной массе, устанавливаемой на круге. Вращение не заготовки, а центрируемой глиняной массы, когда движение массы происходило по законам вращения пластичных масс, выступало главным, новым техническим принципом работы на гончарном круге (и это главный момент при всех вариациях освоения, трансформациях приемов формовки и т.д.). В этом случае происходило совмещение движения круга и пластинчатой глины, т.е. обеспечивалось участие в изготовлении сосуда самого круга, выполнение им, в какой-то степени, исполнительной функции (факт, в развитом варианте характеризующий машину, механизм в отличие от обычного инструмента)²⁰. Введение гончарного круга в этом плане – это действительно отрыв от привычной ситуации и принципиально новое явление. Это реальный технический прогресс, проявляющийся в эвристическом решении схемы работы по производству конкретных – керамических – изделий, требующей сложного целеполагания и абстрагирования от предметной ситуации лепной формовки, творческого умения, оценки совершенно новых имеющихся возможностей – совмещения пластичности глины, вращательного движения, передачи действия при его использовании и т.д. Основанный на использовании прин-

ципа вращательного движения и передачи действия гончарный круг становится реальным носителем технических идей, имеющих общепроизводственное значение. Технологические схемы его работы оказывали, безусловно, влияние на развитие других средств производства. В рамках действия гончарного круга – в моделировании вращающейся глины и, в еще большей степени, в приемах вторичной обработки подсушенного сосуда²¹ – реализовалась идея использования вращательного движения закрепленного предмета для его фиксированной обработки, т.е. практически закладывались принципы работы токарного станка. И несмотря на то, что вопрос о времени появления токарного станка дискутируется, высокая скорость вращения детали и действие свободно управляемым резцом, достаточно рано, по мнению специалистов, использовались при обработке дерева (металлообрабатывающие станки появились много позднее – в VI в. до н.э.)²². В данном случае для нас важными представляются: широкий диапазон технических возможностей, заложенных в введенном гончарном круге принципе действия, комплексное решение технических задач и активно формирующаяся взаимосвязь разных технических сфер в их развитии в рассматриваемый период.

Введение гончарного круга имело общепроизводственное значение в силу того, что он ставил новые нормы намного (порой почти в 10 раз) увеличивая производительность труда²³.

В самом развитии гончарного круга проявляются чрезвычайно важные моменты, заложенные в технико-технологическую характеристику его действия – динамичность, маневренность схем, прогрессивное расширение приемов работы. Формируются главные тенденции изменения производства конкретного вида изделий, связанные с введением круга: в сфере изготовления изделий – расширение ассортимента, усложнение форм; в совершенствовании работы гончарного круга – разнообразие и управляемость движением, маневренность вращения, маневренность в моделировании, обеспечивающая каждый раз возможности выхода за пределы установленных образцов. Оптимальные возможности рождения нового образца продукта в процессе моделирования пластичной, послушно вращающейся глины – важный характеристический момент гончарного круга и перспективности его освоения. Обладая соответствующими техническими возможностями, заключая в своем действии большой объем кумулированных технических знаний и глубокий эвристический смысл, гончарный круг являлся не только крупным техническим достижением, но и достаточно мощным катализатором в общем процессе технического прогресса и развития производственной деятельности.

Емкость технико-производственных возможностей гончарного круга и его всеобщепроизводственная значимость обусловили его особую роль в формировании новых структур специализированной деятельности. Техничко-производственный сдвиг, который был осуществлен его введением, не совместим с устойчивостью тенденции эволюции домашнего гончарства (длительно сохраняющего свои стабильно фиксированные технические принципы и сохраняющегося как особая форма орга-

низации конкретного производства до сегодняшнего дня). Такой, обеспеченный гончарным кругом скачок был реально обусловлен общими глубокими изменениями (и сам обуславливал последние) в собственно производственной и социальной сферах организации общественного труда, когда в определенных условиях развития общества создавались потребность и возможность эвристических решений новых объективно стоящих производственных задач.

Не случайно гончарный круг, являясь крупным фактом и мощным фактором технического прогресса, появился в IV тыс. до н.э., в экономически наиболее развитых для своего времени обществах и в системе других, отмеченных здесь значительных изменений и нововведений собственно производственного и социокультурного плана (появление письменности, крупных храмовых комплексов, активное формирование теплотехнических средств и нововведений в керамическом и металлообрабатывающем производстве, развитие ирригации и т.д.). Более того, освоение круга происходило последовательно в разных областях при достижении ими соответствующего общеэкономического потенциала. Древнейшие области распространения гончарного круга – Месопотамия, Центральный Иран, Белуджистан. Круг для середины IV тыс. до н.э. отмечен для Суэ, Сиалка, Урука, Амука, Кили, Мундигака²⁴. В III тыс. до н.э. радиус его распространения значительно расширился. Он появляется в новых областях Ирана (Шах-тепе), в областях Малой Азии (Куль-тепе). В конце III тыс. до н.э. круг известен в Средней Азии (в областях Южного Туркменистана) и т.д.

Итак, появление гончарного круга – это глубокий технико-технологический скачок в развитии собственно керамического производства. С введением круга изменяется вся его технико-технологическая система. Круговая форма, обжиг в специализированных печах, соответствующая направленность эволюции форм и новые приемы обработки сырья и самих изделий, все компоненты технического процесса (несмотря на сохранение многих образующих сам процесс производства керамики и отдельных приемов по обработке поверхности) – это особые технические схемы, противостоящие производственной основе домашнего производства. Интегрируя все его достижения, керамическое производство приобретает новый характер организации, связанный с новыми условиями функционирования, общепроизводственной ситуацией, с новой технической базой и технико-технологическими системами и выступает не как продолжение и собственно развитие домашнего производства, его новый уровень, а как принципиально новое социально-производственное явление. Последнее имеет свою особую "экономическую позицию", свои тенденции прогресса и развивается в системе и в связи с другими новыми технико-производственными структурами, возникающими в этот период в обществе.

Здесь наиболее важным представляется отметить реально вычленившиеся различия в составе керамического производства не просто двух разных уровней, а принципиально разных видов его организации, основанных на разных технико-производственных системах, имеющих разную социально-экономическую характеристику, представляющих

разные формы промышленного труда. Показательно, что этнографические данные, например, материалы об обновременно функционирующих домашнем и кустарном ремесленном производстве керамики Средней Азии, представленные в исследованиях Е.М. Пещеревой²⁵, прекрасно иллюстрируют как техническую объективно обусловленную связь, так и полную непересекаемость главных технико-производственных принципов и социальных форм этих исторически разных (и не просто разных) уровней и форм организации конкретного труда. Историческое развитие технико-производственных оснований формирования новой организации керамического производства дает наиболее яркий пример принципиально значимых перемен перехода и смены форм труда и типов организации производственной деятельности.

К периоду IV – нач. III тыс. до н.э. сформировались в целом технико-производственные основания – металлообрабатывающего производства, определившие принципы и тенденции его развития, и вычленились как особые "сферы" – металлургическое и металлоперерабатывающее производства. И главным направлением прогресса относительно быстрого, четко ориентированного, не свойственного по своему характеру и структуре изменениям в сфере производства общества ранних земледельцев, – была соответствующая разработка собственно технологии производства.

Металлургия и металлообрабатывающее производство прочно связаны с тепловой обработкой материала, с изменением последнего и поэтому предполагали организацию условий такой обработки и разработки особой "ветви" теплотехники (о чем уже говорилось выше).

В данном случае представляется возможным отметить факт активного саморазвития металлообрабатывающего производства, по темпу, характеру, содержанию отличного от эволюции специальных видов работ собственно домашнего производства. Здесь происходит постоянное освоение новых схем дифференциация и специализация технических приемов, выделение особой, устойчивой, значительной совокупности специальных действий, усиление внутренних связей их и углубление взаимодействия технологий (не только внутри металлообрабатывающего производства, например, населения разных областей, но и межпроизводственных, в частности керамического и металлообрабатывающего) и т.д.

В период IV–III тыс. до н.э. в металлообрабатывающем производстве происходят значительные изменения в организации собственно технологического процесса (например, в анатолийских областях, в Месопотамии, особенно в урукской и джемдетнарсский периоды, в Средней Азии – анауская культура Южного Туркменистана). Осваивается, в частности, литая заготовка, проковка в горячую или в холодную с промежуточным отжигом, проковка в холодную всего изделия. Разрабатываются сплавы, в том числе включающие как практически освоенные металлы с искусственной примесью, так и изготовленные на базе освоения сырьевого материала с естественной примесью. Например, изделия, найденные в Тепе-Яхья²⁶ на юго-востоке Ирана, по составу представляют, скорее всего, природного происхождения

варианты мышьяковистых бронз. Мышьяковистые бронзы были характерны для Кавказа²⁷, областей Восточной Европы²⁸.

О сложном пути прогрессивного расширения технологии металла свидетельствуют письменные и археологические источники конца III–II тыс. до н.э. Последние включают как сами металлические изделия (в том числе известные по публикациям) и производственный инвентарь, брак, заготовки, так и специализированные участки, мастерские. В Уре, например, была обнаружена меднолитейная мастерская, которая имела три круглых (около 1 м в диаметре) плавильные печи с кирпичным постаментом²⁹. Показательны в этом плане и несколько более поздние металлообрабатывающие мастерские Каниша, которые, по словам Эзгюча (согласающегося в этом плане с Мюллем), являются примером, отображающим их организации не только в Центральной Анатолии, но и всей Западной Азии³⁰. В этих мастерских, продукция которых, судя по производственным остаткам, составляла значительный объем, изготавливались изделия различного рода. Здесь сохранились портативные формочки для производства металлических изделий; большие стационарные формы, врытые в землю, значительное количество тиглей, сопла, воздуходувные трубки, различного рода нестандартные формы и инструменты, действие которых предполагало наличие соответствующих технологических схем. Чрезвычайно интересную картину рисуют письменные источники, свидетельствующие о сложных условиях функционирования металла, о качественной дифференциации всех видов его, предполагающих тонкое понимание не только основных свойств разных металлов, но и технологических нюансов их обработки. Существуют сведения о проверке качества очистки их³¹.

Очистка составляла специальную часть работы в металлообрабатывающих мастерских. Такая очистка металла производилась, например, в меднолитейной мастерской Эанацира, и считалась она хорошей; во всяком случае это следует из письма некоего Илииддинама – адресованного Эанациру. "Вот что говорит Илииддинам. Медь, которую получил НигаНанна, – моя". Очисти медь, сколько за тобой причитается, и отдай НигаНанне. Работа, которую ты сделал, – хорошая"³². Называют разные виды обработки металлического материала. "В канишских кредитных операциях медь, так же как и серебро, появляется в разных степенях обработки: промытая (руда – *masi'um*), измельченная (? – *ši kku*) и под местными терминами (*liti, tire*), обозначающими состояние металла или его качества"³³. Особый смысл приобретают расчетные металлические средства, серебро, медь, золото в большом количестве и строго регламентированные по чистоте, стоимости и т.д. Платежные средства определяли отношения к металлу уже на совсем другом уровне, чем потребность в конкретном продукте, а новое отношение определяло и новые технологические требования.

Но главное заключается в том, что в рассматриваемое время – IV–II тыс. до н.э., сформировалась значительная совокупность дифференцированных работ в сложноструктурируемой деятельности по производству металлических изделий (сочетающей, в частности, приготовление искусственным образом сначала особого материала, а затем ве-

щей), которая уже выделилась как специальная. В качестве таковой она функционировала в системе других видов специализированных деятельностей, включаясь одновременно в более широкие экономические, и прежде всего торговые, отношения через свою продукцию (изделия и специально обработанный материал-полуфабрикат, сырье).

Уже начиная с IV, а особенно в III–II тыс. до н.э. именно металл становится предметом оптовой торговли и началом "длинных" связей, пронизывающих разные области Востока и соединяющих их в особой торгово-производственной сфере. Огромные объемы металла перечисляются в клинописных документах, связанных с деятельностью староассирийских купцов.

В сложном и достаточно мощном потоке единого, объективно совершающегося процесса структурирования нового технико-технологического уровня и технико-производственных принципов организации производственной деятельности четко прослеживаются эвристические решения, открытия, достижения и в других сферах, связанных с изготовлением различного рода изделий. При этом следует отметить взаимодействие и взаимовлияние, а также наличие многих общезначимых технических принципов и систем, выработанных в различных видах специализированных производств. Примером может служить технология глазурей и высококремнеземистых масс, в которых прослеживаются общие технико-технологические достижения, известные, в частности, в керамическом и металлообрабатывающем производствах.

Искусственные силикатные материалы, неизвестные в природе – высококремнеземистые массы и глазури, фиксируются уже с V тыс. до н.э. В качестве основы высококремнеземистых масс или так называемых "фаянсов"³⁴ являлся, по данным, приводимым, например, известным исследователем А. Лукасом, дробленый кварц в большом количестве до 84–97%³⁵. Глазурь на древнейших высококремнеземистых образцах – щелочная³⁶, окрашенная медью. Последний момент необходимо подчеркнуть особо в связи с тем, что медь выступает и в этой связи как подвергающееся расплавлению вещество.

История развития искусственных силикатов, высококремнеземистых масс и щелочных медных глазурей представляет собой довольно сложный и неоднородный процесс. Само возникновение их связывалось в широком плане с керамическим производством, с достижением здесь высоких температур. Однако первые высококремнеземистые массы использовались для украшений – бусы, вставки, подвески и представляли предметы ювелирного производства. Нанесение глазури, например, на обычную глиняную посуду, приходит много позже. Но использование глазури и высококремнеземистых масс известно в архитектуре уже 2-й половины II тыс. до н.э. Глазурированным кирпичом была выполнена облицовка стен дворца ассирийского царя Тукульти-Нинутры I (около 1250–1200 гг. до н.э.). Что касается глазури на посуде, то отдельные образцы глазурованных изделий этого типа известны уже во II тыс. до н.э. Так, А. Лейн приводит, например, рисунок сосуда с голубой глазурью и черной подглазурированной росписью, относя его ко времени XVII династии, около 1450 г. до н.э.³⁷ Со II тысячелетия

высококремнеземистые массы дифференцируются: наряду с мелкоструктурными, плотными, компактными появляются крупнозернистые, грубые, используемые в строительном деле. Появляются свинцовые глазури³⁸. То есть на протяжении V–II тыс. до н.э. намечается активная динамика в технологической сфере силикатного производства, приведшая, в частности, к освоению в полной мере глазури как особых стекловидных масс и стекла. Древнейшие рецепты стекла месопотамских мастеров, найденные близ Тель-Амарны и относящиеся к XVII в. до н.э., свидетельствуют о довольно сложной уже технологии стеклоделия³⁹.

Высококремнеземистые массы, глазури, стекло, представляющие принципиально новый искусственный материал, знаменовали важный шаг в развитии технологии (в широком понимании) и являли собой элементы революционирующей составной технического прогресса.

Изготовление высококремнеземистых и стекловижних масс – глазурей (в том числе окрашенных окислами меди) необходимо рассматривать в одном особом (связанном с конкретными технологическими системами и схемами преобразующего действия) ряду одновременно совершающегося технического прогресса, охватывающего несколько специализированных производств и прежде всего керамическое и металлообрабатывающее (а также ювелирное, строительное дело и т.д.). Это особая форма технико-производственной интеграции, обеспечиваемой новыми условиями функционирования и связями специализированного труда и его новым местом в экономической организации общества. Техничко-производственный смысл прогресса в этом плане заключался, во-первых, в освоении принципиально новых искусственных материалов, что предполагало, в частности, новый уровень и характер организации позиции человек–природа (создание в полном смысле слова искусственной природы – керамики, стекла, глазури, металла) и новый уровень развития общественного интеллекта, "владеющего секретом" создания неприродного материала (в частности, расширение возможностей абстракции и интеграции опыта). Во-вторых, смысл такого прогресса содержался в освоении одного из величайших для соответствующего периода, имеющего общепроизводственное значение, технического приема – плавления. Плавление металла, плавление силикатных масс выражают разные формы реализации этого крупного производственного явления и хорошо демонстрируют наличие особого взаимодействия (перешагнувших, в большей или меньшей степени, рамки связи локально замкнутого домашнего производства) разных видов специализированных и специализирующихся видов деятельности.

Общая технико-технологическая и технико-производственная ситуация развития специализированного труда определялась и количественным накоплением качественно новых видов производственной деятельности, базирующихся на соответствующих технических основаниях и предполагающих уже достаточно устойчивые свои особые технологические приемы. Развивались кожевенное, ткацкое, ювелирное производство, строительное дело, судостроение и т.д.

Что касается, например, ткацкого производства, то, в принципе известное еще с эпохи неолита, оно стало в период IV–II тыс. до н.э. не только широко распространенным, но и глубоко дифференцированным видом особой деятельности. Ткацкий сначала горизонтальный, а затем (в Египте после гиксосского вторжения) вертикальные станки относятся к числу древнейших. В источниках III–II тыс. до н.э. называются различные виды тканей, в большом объеме находящихся в активном обращении. Это не только тонкие и обычные, но и цветные, предполагающие технологию красителей. Например, в письме некоего ШалимАхума, адресованном Лакипу и Пушукену, называются черные ткани в рулонах⁴⁰. Указывая на разный характер развития ткацкого производства в Месопотамии (где преобладали шерстяные ткани) и Египта (где господствовали ткани льняные), А.Л. Оппенгейм отмечал, что во II тыс. до н.э. в областях "от Евфрата до границ Египта разрабатывали текстильную технологию, превосходившую технологии и Египта и Месопотамии"⁴¹.

К концу III тыс. до н.э. была разработана технология красителей. Об ее достоинствах можно судить по данным источников, упоминающих разные, в том числе окрашенные ткани, сведениям Геродота (для первого тысячелетия до н.э.), по археологическим находкам тканей и материалам их исследования (например, желтых египетских тканей, анализируемых Гюбнером и т.д.)

Сложные приемы, которые связывались не только с большими усилиями и простыми, хотя и хитроумными решениями, но и с использованием особых, требующих наличия определенного общего уровня технико-производственных знаний, – применялись в строительном деле и судостроении. Использование обожженного кирпича во всяком случае в конце III–II тыс. до н.э. в Месопотамии⁴². Мохенджо-Даро в Индии⁴², сложные растворы (глиняный, гипсовый), характер обработки камня, сами принципы планирования не только священных храмов (предполагающих устойчивость определенных норм), но и более свободно формируемых пространств дворцовых комплексов (включающих даже библиотеки, как, например, во дворце Мари), – все это в комплексе и во взаимозависимости всех компонентов строительной деятельности свидетельствует не только о высоком уровне организации последней, но и соответствующем характере ее функционирования как специальной.

Важно не забывать об изменении технико-технологической и производственной характеристики сельскохозяйственной деятельности, поставившей сырье для промышленной сферы. Такие изменения связывались с общим техническим прогрессом и прежде всего в сфере производства средств производства. Происходило не только увеличение общего объема необходимых для специализированных производств сырья – кож, волокон и т.д. Изменилась техническая вооруженность сельскохозяйственной деятельности за счет ирригации (как особого рода технологической системы) и за счет использования орудий труда на основе нового принципа их действия, в частности, плуга.

Можно было бы продолжить и углубить перечисление и оценку

данных об увеличении объема и многообразия достижений, приведших к созданию особой технико-технологической и общепроизводственной ситуации, к формированию реальных оснований развития принципиально новых производственных связей и отношений. Такая общая технико-технологическая и производственная ситуация, естественно, формировалась постепенно и поэтапно. В этом плане представляется возможным выделить два основных этапа.

Важнейшими особенностями процесса технологического прогресса в период VI – нач. IV тыс. до н.э. (первый этап) были, во-первых, определенная непрерывность его, во-вторых, своего рода "общность" – он осуществлялся как общезначимый для всей системы обществ раннеземледельческого мира и проявлялся одновременно в различных областях его на разном уровне (см. процесс распространения печей, достижения в области металлообработки и т.д.), порой в различных вариантах (технические возможности и конструктивные особенности печей V тыс. анауских земледельцев отличались по своему характеру и более низким техническим показателям, например, от более ранних ярымтепинских). Третьей особенностью осуществления технического прогресса в рассматриваемое время был эстафетный характер его, когда технические достижения, оптимально выражающие тенденции и возможности технического прогресса, реализовывалась каждый раз в областях, наиболее подготовленных по общему потенциалу и структуре производственной деятельности в целом (так, потенциал, освоенный в горнорудном производстве в V тыс. до н.э. на Балканах, в наибольшей степени был реализован в областях Переднего Востока – в Месопотамии, Иране, затем в Анатолии). Далее, в-четвертых, технический прогресс проявляется в наибольшей степени в энергетической сфере (была освоена в собственно промышленном производстве и на новом уровне тепловая энергия) и технологической, где были освоены и реализованы принципиально новые технологические приемы искусственного преобразования материала – плавление, обеспечивающее свойства и качества металла, и др.

Этот этап технического прогресса, осуществляющегося еще в рамках собственно системы обществ раннеземледельческих культур, может быть характеризован по отношению к процессу цивилизации и урбанизации как "мутационный", обеспечивающий формирование более динамичных и емких (чем это свойственно технико-технологическим системам раннеземледельческого устойчиво традиционного общества) технико-технологических структур, несущих тенденции возможных технико-производственных преобразований в организации производственной деятельности.

На втором этапе – вторая пол. IV–II тыс. до н.э. – происходила реализация тенденций и возможностей технологических достижений в вышеотмеченных сферах и осуществлялся технический прогресс в собственно технической сфере – изобретение простейших протостанков, сложных инструментов – средств, обеспечивающих производительность труда в собственно производственном процессе (гончарный круг, ткацкий станок и т.д.), технических приемов и т.д. Это был период

революционной фазы технического прогресса. И совершался он условно одновременно (т.е. в рамках исторически определенного по социокультурной характеристике состояния общества) и практически повсеместно во всех областях, включенных в новый ритм развития и переход к исторически новой системе. Это был комплексно сложный процесс, реализующий и одновременно обеспечивающий изменения норм отношений и связей в собственно производственной и шире – во всей деятельности общества в целом.

На обоих этапах технико-технологической перестройки преобразования обуславливались особенностями развития конкретных обществ и всем ходом прогресса системы обществ раннеземледельческих культур. Но если первый этап – этап зарождения принципиально новых элементов в технике и технологии – обеспечивал технико-технологические условия повышения "динамичности" производственных структур в рамках системы обществ раннеземледельческих культур, то на втором этапе происходила реализация последних и формирование новых технических средств, технико-технологических структур как элементов, разрушающих в их особой системной связи технико-производственные основания функционирования общества ранних земледельцев и закладывающих новые. Это уже технический прогресс процесса становления цивилизации.

Итак, при достижении определенного уровня развития системы обществ раннеземледельческих культур и усложнении деятельности конкретных обществ возникают условия и формируются возможности возникновения особых технико-технологических и технико-производственных элементов, которые не могут быть здесь еще в полной мере адаптированы и реализованы в силу недостаточности соответствующей развитости структуры производственной и общей организации и характера "социальности", представленной рассматриваемой системой. Технический прогресс был "вызван" сложным взаимодействием комплекса обстоятельств развития всей системы обществ раннеземледельческих культур. Но именно он был одним из важнейших факторов перехода к исторически новой социальности, активно разрушающих свойственные ей технические нормы и производственные принципы и обеспечивающих своим действием углубление дифференциации и специализации разных видов деятельности. И само его осуществление меняет не только техническую базу, но и позицию производителя по отношению к средствам производства, к труду. Поэтому устанавливаются новые условия развития выделяющихся и специализирующихся видов деятельности, формируются новые связи внутри них, новые формы их организации (как это происходило в керамическом производстве, где изменение технико-технологической базы совмещалось с перестройкой всей его организации и, очевидно, переходом последнего в руки мужчин и с изменением социально-производственного статуса), а также одновременно возникают и углубляются связи между ними и формируются закономерности функционирования их как особого целого, обладающего определенным технико-экономическим содержанием. Объективно возникает особое пространство функционирования и разви-

тия такого целого как необходимого компонента социально-экономических оснований исторически нового общества, отношения которого выходят за пределы общественных структур первобытного общества, в том числе поселенческий организации последнего.

§ 2. Ремесло и торговля в формировании социально-экономических оснований новой социальности и условий развития города

Ремесло является практически общепризнанным критерием в стадийной исторической характеристике общества. Оно связывается с появлением классового (сложного, элитарного) общества – общества цивилизации. В настоящее время при сохранении актуальности проблемы практически отсутствуют четкие критерии выделения (кроме формационных) и соответствующие общепринятые понятия об исторически определенных состояниях социальности ("определенной" социальности), характеризующих разные по содержанию, типу и форме развития уровни и стадии естественноисторического процесса. В качестве совершенно особой (требующей разработки методологических оснований ее специального обобщенного исследования и объяснения) безусловно должна быть вычленена сложноразвивающаяся, имеющая свои самостоятельные уровни и формы (включая формационные), исторически определенная социальность – социальность разделенного производства, разделенного – классового общества*.

Переход к такой исторически новой по своей природе социальности (которая имеет огромное временное пространство и сложное многоуровнево и многохарактерно осуществляющееся историческое развитие) предполагает не только пусть даже глубокие изменения, но существенные преобразования в основаниях функционирования общества и прежде всего материального производства. Накопление и одновременно соответствующее структурирование, как особой внеобщинной по своему содержанию и принципам функционирования, совокупности специальных деятельностей (в частности, на базе изменения технико-производственных оснований всей производственной деятельности), отношений и связей их является необходимым условием формирования экономических оснований развития исторически нового состояния. Однако лишь соответствующий уровень, степень устойчивости и системный характер организации такой совокупности обеспечивает действенность ее в обеспечении условий перехода к исторически новой социальности и новым формам и принципам развития общества.

Такие важные многопланово проявляющиеся перестройки, обеспечивающие новое состояние производственных структур, самого производства, связываются, как правило, конкретно со вторым крупным общественным разделением труда. Крупное общественное разделение труда весьма часто (практически в основном) упрощенно определяется как голое отделение ремесла от земледелия лишь в собственно-производ-

* Это историческое состояние в своем определении как классовое общество соответствует историческому этапу, определяемому иногда как вторичная формация.

ственном плане. Между тем сам факт отделения ремесла как деятельности особой "отчужденной" в качестве специфической (по производству изделий) от всей остальной общинной и отличной по организации процесса, характеру отношений к средствам производства и продукту труда и т.д. – свидетельствует об изменении структуры и содержания всего труда, всей жизнедеятельности общества, об изменении условий воспроизводства всех его отношений. Выделение ремесла как деятельности, функционирующей по особым законам, разрушало социум, воспроизводимый на единой, неразделенной земледельческой основе, социум особых отношений, норм труда, мировоззренческих систем и т.д., поскольку разделение труда осуществлялось здесь на уровне разделения самого производства "на две крупные основные отрасли"⁴³, в обобщенном его определении.

Ремесло как особое историко-производственное явление мало изучено и плохо дифференцировано. Как правило, оно определяется односторонне – по линии целевой направленности реализации его продукта (изготовление изделий на продажу) и мало рассматривается с позиций собственно производственных основ его организации и социально-экономической сущности, социокультурной представленности.

Автором неоднократно поднимались вопросы определения ремесла как особого типа труда и специфического социально-экономического явления (в том числе в связи с разделением труда и изменением структуры организации производства), рассматривались его основные характеристики, механизмы развития⁴⁴. Именно поэтому представляется возможным отметить лишь некоторые, как представляется, наиболее важные моменты, связанные с характеристикой структурирования экономических оснований урбанизации, а также аспекты, которые еще не нашли отражение в научном обсуждении ремесла, но которые непосредственно связаны с принципиальным изменением производства не только на уровне содержания производственной деятельности (в частности, главных отраслей его), но и системообразующих оснований его развития. Главным в этом плане становится определение ремесла как особого явления, во-первых; определение реального действия его в преобразовании оснований развития общества, во-вторых.

Особый тип организации общественного труда – ремесленный тип труда "как основной принцип общественного производства"⁴⁵, – имеет в качестве такового историческую определенность своего функционирования. Ремесло – порождение системы обществ раннеземледельческих культур, но не свойственно по своей природе первобытному обществу. Оно вырастает на экономической базе этой системы, как реализация возможностей прогрессивного развития последней, но на уровне выхода за пределы такой возможности и как результат формирования принципиально новых закономерностей функционирования специализированного труда. Оно выступает компонентом вновь формируемой исторически новой системы. И с самого начала своего становления оно должно заключать и заключает отрицание предшествующих принципов организации труда. И так же как мануфактура (но еще в большей степени по своему социально-экономическому и историческому

значению. – Э.С.) является историческим прогрессом и "необходимым моментом в экономическом развитии общества"⁴⁶, ремесло с самого начала становится ведущим типом организации труда, воплощающим тенденцию прогресса. И прогресс этот определяется не только новой технической базой, новой целевой направленностью производства, новым уровнем специализации (но не обобщенно понимаемой без четкого определения смысла и содержания ее, а во всем объеме ее дифференцированной представленности) и т.д., но и новой общей социальной характеристикой ремесла.

Генетически ремесло восходит к формам промышленной организации первобытного общества, обобщенно понимаемой здесь как домашнее производство, которое составляет с земледелием неразделенное единство. Однако, и это главное, ремесло не просто развитие домашнего производства, а особая и новая форма организации промышленности и новый тип организации труда (по изготовлению различного рода изделий), возникший благодаря деструктивному или нивелированию как актуальных прежних и становлению новых принципов функционирования и форм организации общественного труда. В этом плане ремесло представляет собой своего рода сдвиг в сторону и вверх по отношению к домашнему производству. Оно перехватывает тенденцию развития и прогресса как новый общественно значимый и заключающий перспективу тип организации труда. Ремесло "снимает" домашнее производство как актуальное в экономике, но сохраняет его существование внутренне замкнутым в своем воспроизводстве, ограниченным в рамках традиционных схем, на уровне специализации – консервации. (Даже при возможных определенных технических, в частности, достижениях внутри таких схем.)

Такой сдвиг-изменение предполагает наличие соответствующих условий и действие определенных и достаточно активных сил. Необходимым основанием, деструктирующим прежние условия работы, выступал технический прогресс. Выше в специальном разделе были рассмотрены некоторые условия освоения новой технической базы. На протяжении VI–IV тыс. до н.э. происходили серьезные изменения в технике и технологии различного рода производств. Последние в обобщенном определении сводились: 1) к увеличению общей емкости средств производства; 2) к расширению дифференциации их; 3) к появлению средств производства, принципиально и значимо увеличивающих производительность труда (гончарный круг, ткацкий станок); 4) к введению средств производства, обуславливающих в своем действии затраты значительного объема непрерывного времени и требующих определенных (по уровню) знаний; 5) к освоению идеи превращения веществ и получения нового искусственного материала и т.д.

Важным моментом в деструктивании условий функционирования и особенностей организации труда, свойственных первобытному обществу и в формировании новых принципов его, являлось расширение и углубление дифференциации и специализации деятельности по изготовлению различного рода изделий и соответственное структурирование их взаимосвязей. Этот главный механизм процесса производ-

ственной деятельности также был рассмотрен автором в ряде работ⁴⁷ и не подвергается в связи с этим широкому обсуждению в данном разделе.

Нарастание специальных деятельностей особенно интенсивно происходит в период IV–III тыс. до н.э., что нашло отражение в характере археологического материала и в письменных источниках.

Материалы архивных документов месопотамских и малоазиатских памятников, подвергающиеся в настоящее время активному исследованию как в нашей стране, так и за рубежом, позволяют проследить некоторые стороны начальных этапов (отягощенных еще общинными путями) роста специализированного промышленного труда и становления новых форм производственных связей, отношений, а также новых форм собственности. Однако при анализе этих источников необходимо учитывать во всяком случае два момента. Первое – это характер документов, отражающих односторонне этот процесс в связи с их конкретной принадлежностью – дворцам, храмам, торговым объединениям (что имеет и глубоко положительный смысл и силу четкой организации архивов, но не полностью отражает общую ситуацию). Второе (что практически мало учитывается исследователями) – это значительное запаздывание социально-психологического осмысления и институализации специализированной деятельности от самого реального свершения факта ее функционирования. В то же время именно учет последнего при сопоставлении исторических фактов в их динамике позволяет ретроспективно восстанавливать характер процесса зарождения новых форм организации труда и связанных с ним производственных отношений, значительно глубже представлять историческую дистанцию этого процесса.

Важные данные о древнейших этапах становления ремесла содержат письменные источники, архивные материалы древнего Шумера. Они фиксируют, например, активный процесс усиления социально-экономической роли храмов и дворцов, несущих центростремительные тенденции, заключающих идеи централизации на протяжении IV–II тыс. до н.э., особенно остро в период III династии Ура (конец III тыс. до н.э.). Это сопровождается в определенной степени кумуляцией в том числе специального труда. Уже в самых ранних документах, в частности храмового хозяйства Урука, отмечается выделение (хотя еще достаточно редкое) в социальном сознании специальных видов работ, и при этом не как само собой разумеющихся (внутри земледельческих структур), а как особо учитывающихся.

Такие работы уже активно функционирующие, судя по археологическим данным, в производственной практике земледельческих обществ областей Месопотамии (достаточно вспомнить керамическое производство халафцев) во всяком случае в указанный период, еще не были "освоены" в достаточной мере как особый тип организации труда и как активно действующий фактор в хозяйственной деятельности храма. Здесь речь идет, например, о плотнике как особом специалисте, о судях как предмете неземледельческого труда. В документах слоя Урук III – фиксируется кузнец.

В древнейшую эпоху Ура (архаический Ур – XXVIII–XXVII вв. до н.э., несмотря еще на редкость специальных названий, связываемых с неземледельческим трудом, четко улавливается новая позиция храмов по отношению к этому труду. И, хотя "храмовое хозяйство далеко не сложилось еще в ту обширную строго централизованную систему, какую оно представляло впоследствии"⁴⁸, факт особого, специального внимания к вопросам специализированного труда, организуемого в сфере непосредственного влияния храма, – очевиден. В этот период в источниках появляется, в частности, дифференцирующее определение (большой кузнец). Показательно, что количество фиксируемых в источниках профессий постоянно и последовательно возрастает. Так, число работников, специализирующихся по производству различного рода изделий, значительно увеличивается, судя по документам из Шуруппака (Фара), в XXVII–XXVI вв. до н.э. Это кузнецы, кожевники, плотники, изготовители тканей, одежды, булочники и др. Некоторые из них получают земельные наделы, скот и, возможно, представляют специалистов, практикующих не в сфере собственно храмовых работ, а вне их, находящихся в более сложной зависимости от храмов⁴⁹. Дальнейший рост количества специализированных производств, связанных с храмом и дворцом, и соответствующей продукции намечается для I периода династии Ура. Для времени XXV–XXIV вв. до н.э. показательно скопление во дворцах и храмах товаров массового производства не только для удовлетворения внутренних нужд, но имеющих явно и товарное значение.

О большом количестве уже выделяемых общественно специальностей и формировании особых специализированных производственных единиц свидетельствуют архивы Эблы. Безусловно, дошедшие до нас архивы дворцового комплекса представляют лишь определенный объект и связаны, прежде всего, с централизованным хозяйством⁵⁰. Тем не менее, объем собственно производственной жизни, формы и характер снабжения, наличие соответствующих специализированных единиц, упоминание купцов и т.д. – все говорит о том, что общий потенциал и структура специализируемого труда выходят далеко за рамки собственно обеспечения двора, а продукты его активно втянуты в систему широких общественных связей, в торговлю.

Ко второму тысячелетию список общественно фиксируемых специальностей значительно возрастает. При этом, судя по угаритским текстам, например, направленность специализации сужается, происходит более глубокая дифференциация работ. Так, в числе специальностей, называемых в угаритских документах – гончары, каменотесы, литейщики, литейщики бронзы, изготовители луков, строители домов, изготовители мелочей, "высекающие", изготовители колесниц, литейщики серебра, кораблестроители, пекари, изготовители полок, валяльщики, изготовители музыкальных инструментов, дровосеки, изготовители наконечников, стрел, изготовители пахотных орудий, ткани, кожевники, скульпторы, ткач⁵¹. Само по себе количество специальностей – важное свидетельство специализации мастеров – еще не говорит об их новом социальном статусе (ремесленников), хотя и

входит в состав обязательных условий формирования последнего. Но состав специальностей, а в еще большей степени данные о том, что они связывались не только с обслуживанием дворцовых комплексов (а об этом свидетельствуют соответствующие документы о поставках ремесленников), – серьезный показатель относительно высокой степени дифференциации и специализации конкретных видов труда, во-первых, сложности социальных условий их функционирования, во-вторых.

Итак, растущая и усложняющаяся дифференциация разных видов труда и их специализация, приобретение последними свойственных им особенностей (определенного социального статуса, целевой направленности характера работ, технических оснований) глубоко изменяли содержание производственной деятельности, формировали новую структуру ее, и прежде всего за счет выделения новой большой совокупности специальных работ, структурно и содержательно уже невмещающейся в ограниченные рамки системы общинного типа хозяйствования. Произошло деструктурирование последнего.

Особое значение в выделении нового типа труда имел все увеличивающийся общий объем и ассортимент продукции специализированного труда. Количество археологических находок и данных о характере материалов, свидетельствующих о высоких технологических достижениях мастеров нарастает. И это не только дворцовые и храмовые сокровищницы и царские погребения, подобные урским первой династии (XXV–XXIV вв. до н.э.), где в большом количестве были обнаружены дорогие предметы из золота, кости, камня высочайшего мастерства, заключающие "мертвый" капитал, но и бытовые вещи, находящиеся в обычных жилых домах.

О емкости и широком ассортименте изготавливаемых изделий свидетельствуют архивные документы, характеризующие торговые операции. Называются, например, значительные объемы тканей и изделий из них. В документах компаньона крупного купца ИмдЭла Амуриштара называются тонны проходящих через его руки тканей, шерсти, например, "80 талантов (1800 кг) и 80 талантов белой ткани (2400 кг) плюс 20 и 12 талантов красной шерсти (600 кг)"⁵².

О различии характера ремесленных работ и их размахе свидетельствует и документ из архива УрНанне (U7802 UET, 75), в котором называется в качестве возможного заказа оправка статуи золотом, в связи с чем называются серебряных дел мастера. "УрНанне, скажи, так говорит Кудурмабуг: я хочу оправить в золото статую энтум Нанны. Я посылаю Сингамилу с серебряных дел мастерами, сейчас же, как ты прочтешь это мое письмо под печатью, берись за дело"⁵³.

Важно отметить, что само развитие специализированных производств осуществлялось неравномерно, с разной степенью интенсивности и выраженности. Ткацкое, плотницкое, керамическое, металлообрабатывающее и другие производства играли разную роль на разных этапах становления и развития специализированной производственной деятельности. Так, например, ведущая роль керамического производства на первоначальных этапах промышленной специализации труда, определя-

лась характером, емкостью и прогрессивностью средств производства (печи, гончарный круг). Сам процесс зарождения новых технических и технологических условий производства изделий как важный фактор становления нового типа организации общественного труда осуществлялся на базе конкретных, отдельных видов специализированных производств, в то время как другие могли сохранять прежние технические устои, но втягивались в систему новых отношений и норм производства. Главным являлся процесс зарождения особых внутренних связей разных видов производств при всей неравномерности их развития.

Эти внутренние связи обеспечивались, в частности, развитием обменных отношений, когда все в большей степени устанавливалась взаимозависимость разных производств.

В этом плане мощным катализатором, "организатором" ремесленной (как специализированной) деятельности являлась торговля, становление и развитие которой само определялось ростом объема, дифференциацией и специализацией работ по изготовлению различного рода изделий, общим потенциалом и усложнением структуры всей экономической базы (включая прежде всего сельскохозяйственную сферу), условиями функционирования конкретных обществ.

Не ставя своей целью подробную характеристику содержания и условий развития торговли как самостоятельного явления (это должно быть темой особого исследования), отметим лишь некоторые особенности ее функционирования и организации, которые в значительной степени определяли прежде всего условия развития ремесел. В этом плане необходимо выделить два уровня исследования. Первый – это характер расширения и развития межрегиональной торговли, в большей или меньшей степени фиксируемый археологическим материалом и письменными источниками (начиная с конца III тыс. до н.э.) и достаточно активно исследуемый, особенно в зарубежной археологии (Р.Мк. Адамс, Р. Алден, Ф. Кол. К.К. Ламберг-Карловский и др.). Второй – уровень особенностей внутренней торговли, исследуемый значительно меньше и требующий более кропотливого анализа письменных и археологических источников.

В построении наиболее древних обменных связей большую роль играли, как уже отмечалось, сырьевые материалы – дерево, асфальт и другие, а также полудрагоценные камни, в том числе и такие как ляпис-лазурь, лал. В частности, на уровне обсуждения и оценки "ляпис-лазуритового" пути развернулось, например, обсуждение проблемы зарождения торговли как особого явления во всяком случае в IV тыс. до н.э. Интенсивный рост общего экономического потенциала на базе земледельческо-скотоводческого хозяйства и усложнение структуры производственной деятельности общества Южной Месопотамии, где уже в середине четвертого тысячелетия формировались компоненты урбанизационной среды, обуславливали активное развязывание обменных отношений на Ближнем Востоке и, прежде всего, за счет ввоза сырья, которого здесь не доставало. Условия и характер формирования этих связей были разными, но уже к концу IV–III тысячелетия они приняли устойчиво выраженный межрегиональный характер.

И не случайно Ф. Кол и К.К. Ламберг-Карловский⁵⁴ говорят о реальной сложившейся уже в конце III тыс. до н.э. широкой международной торговле, имеющей уже достаточно большую плотность, и где важную объединительную и интегрирующую роль выполняет Месопотамия.

Рассматривая конкретно особенности исторического развития торговли Месопотамии и Ирана, исследователи подчеркивают важное место в ней политического фактора, в том числе прямой шумерской экспансии в Сузиану. Однако, если в 3350–3150 гг. до н.э. эта торговля осуществлялась практически при господстве Урукской "политической" организации, под влиянием и под давлением ее, то уже (что прекрасно иллюстрируется картами, приведенными в работе Дж.Р. Алдена⁵⁵) в 3000–2900 гг. до н.э. положение меняется. Эламский регион становится, в свою очередь, организующим ядром формирования и функционирования торговых связей, что обуславливает более активное и систематическое "продвижение" их на Восток. То есть образуются новые форпосты торговой сферы, устойчивость которой обеспечивалась объективной потребностью в ее функционировании. На протяжении IV–III тыс. до н.э. расширялись и стабилизировались отношения и западного направления, связывающие Южную Месопотамию с более северными областями и районами Среднеземноморья. Дж. Мелларт, анализируя торговые пути Сирии и Анатолии, отмечает, что уже для периода Раннебронзового века (4000–3250 гг. до н.э.) можно "констатировать сам факт существования торговых отношений, наличие которых позволяло снабжать, к примеру, Египет уже с начала герзейско-негадского периода II такими экзотическими товарами, как лазурит из Бадахшана, обсидиан и серебро, вероятно, из Анатолии, а также сосудами со сливом, которые имеют аналогии и в позднеурукской керамике"⁵⁶.

К III тысячелетию выделяется несколько устойчивых направлений дорог. Так, южная дорога, проходившая вдоль Персидского залива, вела к месторождениям меди и источникам ценной древесины; северная – шла по Тигру и верховьям Хабура и выше. Она шла к меднорудным и серебряным месторождениям Тавра, и затем к более отдаленным областям Малой Азии. Восточная дорога проходила по притокам Тигра – Диялы, далее через перевалы между Большим и Малым Забом "к месторождениям руд на Иракском нагорье и источникам древесины вплоть до месторождений олова и лазуритовых копей Афганистана и до Средней Азии"⁵⁷. Западная дорога вела прямо вверх по Евфрату к сиро-финикийским гаваням в Эгейское море.

Ф.Л. Кол, специально останавливаясь на выявлении общего баланса и структуры торговли Юго-Западной Азии в III тысячелетии до н.э., так же, как и в отношениях к Месопотамии и Ираку, подчеркивает важную роль в ее организации социально-политического и экономического факторов⁵⁸. К III тыс. объем торговли был значительным, а структура ее сложной. Количество одновременно перевозимого материала было разным, порой достаточно большим. Н.Б. Янковская отмечает, что в караване могли перевозить большое количество товаров, в

частности, металла, например, больше 50 кг олова, реже до 120–150 кг этого металла. "В одном случае, сразу отправляли в Малую Азию 410 талантов олова (около 120 кг) – для перевозки такого количества металла понадобилось бы не меньше двухсот дамасских ослов (учитывая необходимую подмену их)"⁵⁹. Металл в торговле представляли – медь, олово, золото, серебро и изделия из них. Предметом торговли были полудрагоценные камни (ляпис-лазурь) и изделия из них. Значительный объем товаров составляли ткани, продававшиеся в кусках – шерстяные, тонкие, отбеленные, окрашенные и грубые простые, которые перевозились караванами, и одежда из них. В караванах малоазиатских купцов, судя по документам об организации оптовой торговли, находились, как уже отмечалось, сотни рулонов тканей.

Одновременно передвигаемый товар часто был очень разнообразным. В одном из документов Угарита описывается груз корабля, который, в частности, содержал 15 киккар бронзы, два сундука, пять колесниц, одиннадцать пурпурных тканей и т.д.⁶⁰

Очень важно заметить, что в торговый оборот включались и такие "прозаические" предметы быта, как керамика (о чем свидетельствуют, например, находки кипрских ваз в Угарите⁶¹).

Данные об изменении направленности и дифференциации путей на протяжении 4000–1800 гг. до н.э., а также о характере сырья и других товарах, приводимые в работах Ф.Л. Кола, Дж.Р. Алдена, Дж. Мелларта и др.⁶², а также свидетельства архивных документов и археологических источников Мари, Элбы, Ура позволяют сделать вывод об активном состоянии торговли, ставшей всеобщезначимым явлением в экономике всей совокупности стран Ближневосточного региона. Она уже на системнозначимом уровне характеризует новое состояние общества. Об интенсивности развития торговой сферы как проявлении новых, не свойственных предшествующему обществу отношений, свидетельствуют, в частности, следующие моменты. Первое – это значительный объем и характер товаров. Второй – это тенденция развития торговли в плане увеличения ее общего потенциала и усложнения структуры. И, наконец, третье – особый социальный статус ее агентов, в частности, положение купцов, как субъектов торговли и др. Каждый из указанных факторов, определяющих особенности развития ближневосточной торговли в период IV–II тыс. до н.э., может быть исследован и охарактеризован специально в большей или меньшей степени. Но в данном случае важно подчеркнуть лишь значимость реального проявления указанных факторов в формировании общей экономической ситуации, обеспечивающей основания развития урбанизационных процессов в целом и характеризующих условия становления ремесла как особой производственной сферы, в частности. И в этой связи особое значение приобретает факт интегрирующего воздействия торговли, в частности всех вышеназванных ее сторон, на формирование новых многоплановых внутренних экономических связей процесса производства – прежде всего вовлечением его продукта в оборот, в движение, когда продукт вырывается из замкнутых рамок его внутримежобщинного функционирования.

Особое значение в характеристике экономического состояния общества занимает внутренний рынок, фиксирующий глубокие внутренние перестройки в основаниях организации жизнедеятельности.

Анализируя общие бытовые условия горожан Ура (II тыс. до н.э.), И.М. Дьяконов, выделяет целый комплекс предметов быта, которые свидетельствуют о том, что "как не скуден этот быт, он указывает на известную зависимость каждого хозяйства городского квартала от товарного рынка"⁶³. А. Оппенгейм считает, что покупка хлеба горожанами, о которой упоминают источники, чрезвычайно важный признак древней урбанизации⁶⁴. В этой связи важным представляется учитывать специализацию работ по обработке сельскохозяйственной продукции (упоминаются, в частности пекари), как показатель опосредованного приобщения сельского хозяйства к системе новых отношений.

Нужно отметить, что сама собственно сельскохозяйственная продукция включалась активно в межобластную торговлю уже в староаккадский период, о чем свидетельствуют староаккадские акты Гасура⁶⁵ XXIII–XXII в. до н.э. "Из Аккада в Гасур шел ячмень", который дальше направлялся в горы к луллубеям (Н. Х.,99), "а с гор гнали скот" (Н. Х.,176). "Гасур покупал рабов за ячмень (Н. Х.,210) и серебро (Н. Х.,211)"⁶⁵.

Торговля образовывала сложные и характерные структуры, охватывающие и пронизывающие многие важные сферы жизнедеятельности обществ ближневосточных областей. Торговля – по существу городское явление – организовывалась, в частности не только в городах, но и в поселениях. По торговым текстам известно одиннадцать торговых поселений: в Северной Месопотамии, в Северной Сирии, в Малой Азии – в долине Эльбистан и на равнине Кайсери.

В системе обменных, достаточно плотных отношений продвигались товары, "обеспечивающие" усиление взаимодействия населения поселенческих структур разных уровней, прерывисто непрерывные (по Алдену) линии связей разных областей. Опорными точками были города, в том числе и прежде всего выделяющиеся и известные как ("специализированные") торговые центры, такие как Ашур, ареал торговли которого охватывал большую территорию за Тигром и часть Южного Двуречья, Каниш, торговавший более, чем со 120 пунктами⁶⁶, Сиппар и др.

Одним словом, определялось особое пространство функционирования и развития системы новых отношений, которые обеспечивались активным движением продукта и многоплановым взаимодействием производителей и потребителей. Формировались "всеобщезначимые" связи, специфические условия "взаимодействия" продуктов производства и потребность в их сопоставлении, а поэтому во всеобщем эквиваленте, фиксирующем начало становления соответствующих, отрываемых от конкретного природного тела конкретных предметов "стоимостных" отношений. В качестве такого эквивалента успешно выступал, как уже

* После взятия города хурригами – это Нузу (Нузи, Нуза).

отмечалось, металл в виде определенных металлических слитков и полос, а также металлического лома, то есть, в сущности, денег⁶⁷. О реальной денежной торговле "свидетельствуют письменные источники о расчетных операциях ближневосточных, в частности, малоазиатских купцов. Всеобщим эквивалентом выступало серебро", а сам термин *кадрит* – "серебро" в эту эпоху (XIX в. до н.э. – Э.С.) означал "деньги". Известны четыре весовые единицы для денег: талант (30 кг), мина (0,5 кг), сикль (8 г) и "attātu" – зернышки (1/180 сикля)"⁶⁸.

О многочисленных мелких расчетах внутри городов, в частности, торговцев с ремесленниками, торговцев между собой свидетельствует наличие разменных монет типа attātu (мельчайшей денежной единицы) в оптовой торговле, наличие внутренних монет типа аннакум (аппакум) – средства обращения в областях за Тигром⁶⁹ (независимо от того, что кроется под этим названием – свинец или олово. Все имеющиеся данные, характеризующие реальность денежного рынка, сложившегося задолго до появления настоящей монеты, свидетельство не только наличия, но и устойчивости принципиально нового, исторически прогрессивного состояния экономики "международно" выступающей системы обществ "раннеземледельческих культур", переходящих на исторически новую ступень. Одновременно эти данные – важные показатели не только достаточно высокой (для своего времени) степени товарности производства, но и все более увеличивающейся стабилизации системнозначимых экономических связей принципиально новых социально-экономических структур.

Развитие стоимостных отношений усиливало взаимосвязь и взаимозависимость различных видов специализированной деятельности и превращало их в общественнозначимые. Это явилось мощно действующим фактором специализации уже не просто совокупности специализированных производств, по специализации всего промышленного труда в целом в соответствующей исторически определенной форме его организации.

Развитие специализированных видов деятельности, их интеграция и особенности взаимодействия предполагали соответствующее структурное оформление условий их функционирования, с одной стороны, как особых самостоятельных, с другой – как компонентов определенного целого особого ремесленного типа труда.

Социально-экономическое и технико-производственное выделение и структурирование ремесленного труда происходило сложно, в разных формах, хотя и при господстве главных оснований его выделения – дифференциации и специализации общинного труда. В данном случае представляется возможным рассмотреть лишь некоторых из особенностей его общественного становления. На первоначальных этапах развития промышленного труда важную, но не ведущую, роль в расбалансировании экономического единства общинного общества, отторжения и, одновременно, объединения и организации специализированного труда играли храмово-дворцовые институты. Специфика их места определялась комплексом объективных, включающих как природные, так и собственно экономические, а также социокультурные характерис-

тики обстоятельств, при которых происходило развитие обществ областей Южной Месопотамии и всей системы обществ раннеземледельческих культур в целом на протяжении VI–IV тыс. до н.э.

В условиях разделения труда, естественно обусловленного географическими особенностями огромного региона Ближнего Востока, и мобильности, открытости рано сформированных межплеменных связей (как экономических, так и культурных) создавались возможности развития кумулятивных и интегративных процессов в отношениях племен, его населяющих. В объективно сложившейся диспозиции раннеземледельческих племен на Ближнем Востоке, при которой области Южного Двуречья имели оптимальные возможности увеличения земледельческого продукта, но при условии определенного технологического обеспечения (в том числе ирригационного в условиях больших рек) и при одновременном отсутствии многих основных и важных в производстве ресурсов здесь создавались потребности не только в расширении, но и организации связей и кумуляции общественных форм организации труда.

Такая кумуляция и консолидация осуществлялась в рамках организационно-управленческих функций храмово-дворцового института. Последнее отличало храмы Южной Месопотамии IV–II тыс. до н.э. от более ранних общинных, например, типа Чатал-Хююкских, выступающих как необходимая часть общинного социума в плане его идеологического единства и выражения общего. Такого типа храмы могли выполнять определенную организующую роль (например, в строительных работах), но они не были структурно значимыми в экономике общества хозяйственно-управленческими единицами. Храмовые, а затем храмово-дворцовые же комплексы южномесопотамских областей древнейшей цивилизации становились все в большей степени крупными хозяйственными единицами. При них существовали достаточно большие мастерские, объединяющие труд многих специалистов и их помощников. Такого типа мастерские упоминаются в архивных документах храмов и дворцов. Их изображения известны на рельефах древних египетских гробниц (например, Ти – 2700 г. до н.э. в Бени-Гасане)⁷⁰. В крупных мастерских, объединяющих несколько ремесленников и десятки работников, труд был четко дифференцирован и регламентирован. Это были особые коллективы кооперированного (и поэтому имеющего соответствующие особенности и возможности) труда, но отличные по своим принципам от естественно развивающихся форм кооперации, что имело особый смысл и важное как положительное, так и отрицательное значение.

Данные об отношениях дворцов и храмов с непосредственными производителями позволяют предположить, что мы имеем дело со специальным кооперированным производством, по крайней мере, двух видов: 1) организуемом непосредственно в храмах, дворцах и 2) осуществляемом специалистами, находящимися в каких-то опосредованных торговых и иными сделками с храмами и дворцами отношениях. К числу последних относились специалисты, получающие сырье непосредственно от храма – централизованно через служащих дворца, или

опосредованно (тенденция будущего) через различного рода торговых представителей.

Организованный в сфере храмово-дворцового хозяйства труд в силу особого положения его, большего контроля, экономических возможностей, кумуляции сил и средств ставил технико-производственные нормы труда, стимулируя в значительной степени активизацию развития промышленного труда в целом, но не нес тенденцию будущего прогресса в развитии производственной деятельности общества. Это объясняется потребительской направленностью дворцово-храмовых хозяйств, замкнутостью и лишь относительной открытостью их производственных связей, внутренней тенденцией все большего роста регламентации труда и отсутствием "свободы" действия, деятельности конкретных производителей. Однако объективно обусловленная организаторская деятельность дворцово-храмовых хозяйств имела важное значение в создании конкретной ситуации развития городской среды в Месопотамии, когда они выступали не только в качестве кумуляторов средств, труда, прибавочного продукта (скрывающих последний в своих сокровищницах), но и в роли субъектов, формирующих особую (вырванную в определенной степени из общинного режима) кооперацию специализированного и функционирующего на определенном технико-производственном уровне труда. Такая кооперация создавала практику согласованного труда в определенной промышленной сфере и закрепляла в соответствующей степени условия промышленного труда отличного от сельскохозяйственного (по технико-производственным принципам организации, прежде всего). Но, главное, создавалась особая профессионально подготовленная (опять-таки на определенном уровне технико-производственной специализации), вычлняющаяся социально в рамках еще общинно-значимых отношений группа, в той или иной мере "отделенная" от обычного режима жизни общины, формировался пласт неземледельческого населения.

Надо учесть и другое. Это прежде всего тот факт, что сама храмово-дворцовая организация специализированного труда возникла на базе уже достаточно развитой деятельности по производству различного рода изделий, в частности, на определенной уже существующей (литье, печи гончарные и т.д.) и активно складывающейся в рассматриваемый период технико-технологической основе специализирующегося производства. В процессе такой специализации определяющими были достижения общинного труда (но уже нового по своему характеру, специализирующегося и поэтому вычлняющегося в том числе в рамках большесемейных специализированных общин из первобытнообщинной кооперации), труда, который питал все производственные структуры на протяжении всего рассматриваемого времени.

Имеются, в частности, интересные в этом плане сведения письменных источников. Так, в списке из Нузийского дворца (НХIV 593) "числятся трое купцов, трое кузнецов, трое плотников, 24 ткача ... и прочие служащие – все за работу на дворец получают содержание лично для себя без учета их семей, следовательно, имеют хозяйство вне дворца"⁷¹. То есть речь идет о привлечении специалистов в храмовое

хозяйство из дворцово-храмовой по ее социальной характеристике сферы.

Храмово-дворцовая форма развития специализированного труда, хотя и не была ведущей, определяющей, возникала и развивалась в общем едином сложном процессе социально-экономической перестройки, связанной с переходом к цивилизации. Только в условиях реального существования определенного уровня всей производственной деятельности и когда был накоплен определенный общий экономический потенциал, а также установлен соответствующий уровень ее специализации, но главное – произошла в достаточной степени дифференциация труда сельскохозяйственного и промышленного (при этом при соответствующих технических основаниях их функционирования), были обеспечены возможности и соответствующие формы той храмово-дворцовой организации и централизации, которая фиксируется по материалам письменных источников и достигает своего максимума в период III династии Ура. Дворцово-храмовые хозяйства в такой ситуации не столько сами служили прогрессивным явлением, сколько, в силу вышеуказанных обстоятельств, выступали в большей или меньшей степени определенными катализаторами процесса прогрессивного развития специализированного труда. Но это осуществлялось прежде всего за счет привлечения специалистов и "вовлечения" продукта общинных (но уже не родовых) форм специализированного труда. В условиях своего рода конкуренции и даже подавления (проявившихся в наиболее ярком и развитом варианте в областях Южной Месопотамии в период III династии Ура) общинных форм организации специализированного труда дворцово-храмовыми хозяйствами общинные формы такого специализированного труда не только не ликвидировались и не приостанавливались, но продолжали свое прогрессивное развитие (особенно в последующий период) в противопоставлении формам дворцово-храмовым. Более того, именно здесь, в общинной среде возникали соответствующие принципы и социально-экономические основания формирования нового типа организации общественного труда.

Важнейшим моментом вычленения специализированного труда и освоения определенного уровня и условий его функционирования, являлись новые отношения – отношения производителей к средствам производства, к продукту труда и в связи с этим индивидуализация труда по отношению к общему общинному. На древнейших этапах становления нового типа труда – ремесла, предполагающего по своей природе индивидуализацию труда, именно социальная сторона последней осуществлялась с большим трудом. Социально-экономическое единство земледельческих общин служило достаточно большим тормозом формирования принципиально нового социального "гражданского" (в той условной и истягощенной общинными путями форме, какое было свойственно исторически первой ступени его) функционирования индивидов. Законы общинной организации тормозили развитие частной собственности, индивидуальной независимости (в данном случае от общей родовой, общинной, т.е. первобытной формы зависимости). Но именно вне храмоводворцовой сферы на основе внутреннего преобразования тради-

ционной общины формировались, как отмечалось, новые условия производственной деятельности, возникали соответствующие социально-экономические отношения, которые не могли быть интегрированы в рамках общинных типов организации жизнедеятельности общества.

Однако первоначально варианты становления таких отношений носили специфический характер. Так, совершенно особую форму специализации производственной деятельности, ориентированной в своем функционировании на выход за пределы экономических и социальных отношений общины, представляли большесемейные специализированные общины⁷².

Общая характеристика и историческая оценка такого рода общин в построении нового типа социально-экономических отношений даются в работе автора, посвященной проблемам специализации труда и формирования ремесла⁷³. Поэтому здесь представляется возможным отметить лишь некоторые наиболее важные их особенности в плане становления принципиально новых производственных структур и их отношений. Специфика таких общин хорошо прослеживается по материалам клинописных таблиц II тыс. до н.э. из Каниша и Аррапхи, где функционировали такие типичные торговые и производственные общины, но которые представляли уже устойчивые развитые формы определенной организации, предполагающие длительный процесс их становления в системе уже новых социально-экономических отношений.

"В списке домашних общин Аррапхи упоминаются димту ткачей, гончаров и торговцев; текст о рейде эламского царя ШилхакИншушинака через Аррапху (XIII в. до н.э.) обнаружил существование двух других большесемейных ремесленных поселений (биту) – кузнецов и плотников"⁷⁴.

Среди специфических характеристик рассматриваемых производственных общин необходимо отметить следующее. Первое – это сложное многоотраслевое хозяйство их. Так, например, большесемейная община, специализирующаяся на гончарном производстве, вела свое собственное зерновое хозяйство и изготовляла одежды не только для членов общины, но и для слуг царевича ШилвиТешубу, у которого они получали ссуду зерном и лошадьми⁷⁵. Во-вторых, это безусловная связь с рынком, притом активная. Так, согласно переписке ашшурских торговцев, такие большие семьи г. Ашура занимались ткачеством, приобретая шерсть, зерно и т.д. через рынок.

Возможно с большесемейными специализированными общинами связывались некоторые археологически четко выделяемые производственные центры и комплексы, локальные специализированные участки, на поселениях III–II тыс. до н.э. К концу III тыс. до н.э. относится, например, достаточно мощный, уже неоднократно упоминаемый автором, участок гончарного производства в Алтын-Депе (поселение периферийной зоны цивилизации), связываемый с "холмом ремесленников". Характеризуя последний, В.М. Массон отмечает: "Это был участок поселения, где концентрировались представители разных ремесленных специальностей, скученно застроенный домами, состоящими из небольших клетушек... Средняя площадь помещений, определенных как

жилые на раскопе 10 составляет 8,5 м²⁷⁶. Территориальное выделение производственных участков, связанных с организацией специализированного труда – это достаточно веское доказательство не только глубины его специализации, но и общественного осмысления его социально-экономической специфики. При этом, судя по характеру материала (различного по составу теста керамики, некоторых особенностей формовки, некоторых различий организованных по единому в основном принципу печей и т.д., прослеживаемых автором данной работы), это было, скорее всего, собственно производственно-территориальное объединение (возможно, нескольких семей, выделенных четко по профессиональному принципу).

Характерная совокупность гончарных печей в числе десяти, выполненных в едином стиле (где семь были связаны с одним строением, а три – с разными другими) была обнаружена в более позднем поселении в Тель-аль-Факхаре⁷⁷.

Специализированные локализованные производственные участки III–II тыс. до н.э. известны для поселений Ирана – в Гиссаре⁷⁸, где отмечен такой участок, связанный с металлообрабатывающей деятельностью и Шаададе⁷⁹ (юго-восточный Иран).

Уже для 2700 тыс. до н.э. отмечается М. Този ремесленный квартал в Шахри-Сохте. Рядом с ним зафиксировано специализированное поселение керамистов – Тепе Деш⁸⁰ (что представляет особый интерес как производственный центр вне рамок городского поселения). Вынос специализированных участков или поселков, сущностно экономически связанных с городом, очевидно, был достаточно распространенным явлением. Так, И.М. Дьяконов, опираясь на сведения клинописных документов, отмечает для Южного Двуречья, что гончарная мастерская была, например, не в Уре. А "гончары и камнерезы жили в поселке, скрывавшемся под городищем Дикдикка"⁸¹. Здесь, очевидно, была "гончарная община".

Локализованные участки, связанные с производством керамики, отмечаются в Китае. В г. Эрлигане (1650–1400 г. до н.э. эрлиганская стадия) была обнаружена бронзолитейная мастерская, а рядом со стеной – участок с четырнадцатью двухъярусными горнами весьма совершенной конструкции⁸², представляющий собой, безусловно, определенный производственный комплекс.

Интересные данные получены исследователями при целенаправленном анализе распределения следов специализированного производства в Мохенджо-Даро. Топографические схемы распределения разных видов производств фиксируют высокую плотность их, развитость и сложную структурную организацию экономики города⁸³.

Вопрос о топографии специализированных производств в связи с формированием и развитием последних, а также развитием структурной организации города – особый и требует специального обсуждения. Главной оставалась во всех случаях несущая производственная единица – мастерская, входящая во все более многоплановые экономические связи и структурные схемы развивающегося города, и формирующая во многом "экономическую" топографию его.

Степень самостоятельности ремесленного производства, представленного в разных формах организации и, прежде всего, во внедворцовых формах, была разной и потенциальные производственные возможности мастерских порой были значительными. Об этом могут в какой-то степени свидетельствовать размеры и характер (в частности, инвентаря) мастерской, раскопанной в Уре и более поздних мастерских Каниша. Мастерские Каниша, описываемые Т. Эзгючом⁸⁴, содержат богатый инвентарь, свидетельствующий о значительном объеме и разном характере работ по обработке металла. Эти мастерские в отличие от комплекса керамического центра Алтын-Депе, например, хаотично разбросаны и каждая из них функционирует как бы самостоятельно. Т. Эзгюч отмечает достаточно высокий уровень жизни и положение ремесленников. Дома ремесленников имеют "каменные фундаменты, добротные стены из сырцовых блоков и не производят впечатление убогих". Некоторые мастерские были весьма крупных размеров⁸⁵. Описывая одну из мастерских, Т. Эзгюч указывает на мощный пол, наличие у каждой стены каналов с водой. Все мастерские выходили на улицу, возможно там были специальные места для совершения торговых операций. Инвентарь, полуфабрикаты, количество и характер производимых изделий и организация самих мастерских свидетельствуют о большей или меньшей втянутости самих производителей в обменные отношения. Хотя в основном, движение товаров организовывалось, судя по архивным документам, торговцами⁸⁶.

Связи ремесленников с торговцами были крепкими и устойчивыми. В значительной степени это обуславливалось и тем, что именно ремесленники обеспечивали купцов, торговцев соответствующим эквивалентом – денежными средствами в виде металлических слитков очищенного металла⁸⁷, качество которого в этом плане строго контролировалось. Но, главное, в условиях первоначального зарождения новой системы отношений (противопоставленных по своей сущности общинной организации и одновременно нарождающейся при ее разложении храмово-дворцовой сфере), связанных с формированием частной собственности, разложением общинных норм и появлением новой специальности, тесная смычка, "взаимопомощь" ремесленников и торговцев выступали необходимыми социально-экономическими основаниями их развития. Отношения, складывающиеся между ними, обеспечивали функционирование продукции труда: а) выполняемой на основе средств производства, находящихся в частной собственности, в том числе коллектива собственников; б) выступающей в качестве объекта индивидуального обмена, не поддающегося контролю земледельческой общины. И индивидуальный обмен в этом случае выступал как явление не только несвойственное первобытнообщинным отношениям, но, напротив, как активно разрушающее последние. Включение предметов специализированной деятельности в обмен в этом случае происходило не просто на индивидуальном уровне, но на основе объективно выделяющегося "всеобщего" (не в рамках контактирующих общин, а общего для всех) эквивалента – по-существу, по реальному содержанию "денежного" эквивалента. Практически во II тыс.

до н.э. в Малой Азии, например, еще при отсутствии монет уже существовали, как отмечалось, денежные по своей природе отношения. Но тенденция их развития складывалась намного раньше. Ткани, слитки металла, выступающие в роли эквивалента в III тыс. до н.э. образовывали основания формирования денежных по существу отношений, прорывающих границы племен, областей, при одновременном установлении новой системы особых надобщинных, надплеменных экономических связей. В этом плане происходило не только четкое вычленение особых условий труда все более вычлняющейся группы специалистов-производителей, но и интеграция возникающих новых связей и отношений последних на определенных всеобщезначимых основаниях.

Итак, на протяжении IV–II тыс. до н.э. в экономической сфере конкретных обществ, функционирующих в рамках исторически определенной целостности – системы обществ раннеземледельческих культур, произошли глубинные изменения в характере организации общественного труда, его структуры, технико-производственном и социально-экономическом содержании. Такие изменения обуславливались многоплановой дифференциацией и специализацией труда в условиях: во-первых, общего подъема экономики раннеземледельческих культур; во-вторых, в условиях технического прогресса; в-третьих, в условиях развития и объективно осуществляющейся интеграции связей разных видов специальной деятельности и т.д.

Происходило формирование и вычленение конкретно направленных специализированных видов деятельности на основе обеспечения соответствующей технической базы, выработки определенных технологических систем и углубления связей основного производителя по отношению к средствам производства, к продукту труда, к самой особой деятельности. Такое углубление внутривидовых отношений происходило прежде всего в системе обмена, в которую втягивались через продукт труда производители. Это обеспечивало углубление и усиление экономических отношений разных видов специализированной деятельности.

Формировалась особая значительная совокупность разных видов деятельности за счет образования устойчивых особых внутренне объективно необходимых связей между ними, все более активно вычлняющихся по условиям и принципам организации труда от работ земледельческих, и когда устанавливались общие закономерности их функционирования как особой историко-производственной целостности. Структурирование такой целостности, характеризующейся определенными общими особенностями технико-производственного и социально-экономического содержания труда ее образующего, обеспечивает выделение ремесленного производства. Новый принцип организации общественного труда – ремесленное производство (последующая после первой формы промышленности, не отдаленной от земледелия, и первая форма ее, отдаленной от земледелия) является, прежде всего, товарным производством (простейшее товарное производство). То есть, в реальной исторической динамике ремесло отличается от земледелия и

домашнего производства (в его обобщенном понимании) не только показателями организации производства, но и второй стороной его определения (как производственного фактора) – распределения. В исторической тенденции развития ремесла утверждалась специфика этих двух образующих его сторон, специфика, обуславливающая условия его функционирования.

Осуществлялось становление и оформление принципиально новой (по отношению к первобытным нормам труда) производственной структуры, особого типа организаций общественного труда – ремесла, появление которого привело к крупному общественному разделению труда. Это разделение труда предвлялось и сопровождалось активным обогащением спектра специализированных деятельностей – как выражения прогресса природного и культурного предметного богатства человека в его общесторическом движении и одновременно выступало условием образования исторически новых производственных структур. Оно основывалось на глубинных преобразованиях в развитии производительных сил, в том числе человека, и на изменениях в системе производственных отношений. Второе крупное общественное разделение труда привело к изменению всей структуры и разделению производства. Изменилась вся система организации и развития производственной деятельности в целом, потому что и земледелие теперь функционирует на исторически новом уровне, по-новому, в составе исторически нового производства. Само наличие ремесла как особого типа организации труда разделенного производства определяет новые принципы взаимодействия всех сфер деятельности, в том числе ремесла и земледелия, не только поставляющего сырье для нового вида промышленности, но и более сложно связанного с ней через продукт труда. При этом земледелие хотя и выступало в древности долгое время главным не только по объему, но и значению в общей производственной сфере, в тенденции оно вовсе большей степени теряло роль ведущей отрасли, интегрирующей все содержание труда. И несмотря на то что ремесло еще долго развивалось в тесном единстве с земледелием и производительная сила труда последнего долго преобладала, тенденция прогресса уже заключалась в новом типе организации общественного труда – в промышленности (где ремесло представляло ее первую форму), что и проявилось на большой исторической дистанции.

Разделенное производство, полагающее уже в своей субстанциональной сущности противоречие не только образующих ее собственно производственных сфер, но и всех социально-экономических связей и отношений исторически новой социальности (как разделенного общества, основанного на стоимостных отношениях, частной собственности, неравенстве и т.д.), порождаемой им, становится базовым основанием развития общества и всех структур, организующих последнее в эпоху цивилизации.

Процесс формирования ремесла в качестве особого типа организации общественного труда предстает как общезначимое явление. И именно ремесленно-торговая сфера становится мощно действующим фактором, разлагающим принципы и сущностные нормы отношений первобытного

общества и несущим не только энергию развития, но противоречия отношений новой социальности.

По своему содержанию, принципам функционирования и характеру эти отношения, вышедшие за рамки интегрирующих возможностей единого типа поселений, обеспечивающих организацию жизнедеятельности первобытного общества, объективно "формируют" новые организмы их кумулирующие, интегрирующие, организующие. Появляется город, возникающий в отрицании единого типа поселений и разрушающий принципы традиционного расселения общества. Он становится главной конструктой в формировании исторически нового пространства организации жизнедеятельности человека, углубляя дифференциацию поселенческих структур. В этой дифференциации, отражающей сложные процессы формирования и развития исторически новой социальности, все более активно в противопоставлении городу вычленяется его антипод – деревня (значительно позже и сначала как тенденция). Образуется новое социальное пространство функционирования нового общества – общества цивилизации, важнейшим образующим моментом которой выступает урбанизация.

Глава IV

УРБАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ IV–II ТЫС. ДО Н.Э.

*§ 1. Урбанизационная среда – компонент процесса цивилизации
и необходимое условие появления и "содержания" древнего города*

Урбанизация и цивилизация

Задача рассмотрения города как феномена исторического развития, когда он выступает как результат, содержание и действенный фактор этого процесса, предполагает, во-первых, не только его морфологические характеристики, установление условий и предпосылок появления, но и выявление сущностного социокультурного смысла исторического определения города.

Во-вторых, возникает необходимость выявления механизма его становления и характера самого генезиса, в котором заключены уже все основные тенденции движения города. Именно в генезисе исторически нового явления разрешается субстанциальное противоречие развития на стадияльно значимых переходах и в глобальных изменениях социального движения, где городу отводится важное место. Как уже отмечалось, появление города большинство исследователей связывает с важным рубежом исторического развития, с формированием сложного, элитарного, классового общества.

Здесь актуализируется уже во введении поставленный вопрос. Является ли город, как особый социальный организм, обладающий определенными кумулятивными свойствами, результатом установления и определенного уровня развития нового исторического состояния. Или в самом своем возникновении он уже заключает сущностный смысл перехода к исторически новому обществу и является не только постоянным результативным моментом, но и постоянно действующим фактором этого процесса, выступая носителем определенных, постепенно развивающихся отношений и содержательных свойств новой социальности. Тогда уже в своем структурировании в качестве особого

социального организма город реализует возможность и объективную необходимость кумуляции и интеграции таких отношений не только как актуальную тенденцию, но и реально организуемую действительность. Город образуется в самом становлении новой социальности как компонент этого процесса. Но тогда город не может развиваться в первобытном обществе, как это утверждают некоторые исследователи. И тогда он возникает (как историческое явление) не на достаточно поздних этапах цивилизации, как это утверждают другие. Такое осмысление города имеет принципиальное значение в его историческом определении и в дифференцированной оценке его становления и этапов развития, в осмыслении процесса урбанизации в целом. Исходной позицией данного исследования является рассмотрение города как социокультурного феномена исторически определенной социальности в ее структурировании и развитии в противопоставлении первобытнообщинному обществу.

Реально появление комплекса значительных, имеющих преобразовательный характер изменений (которые внутренне были связаны между собой и одновременно несовместимы с нормами жизнедеятельности первобытного общества), фиксируются по письменным и археологическим источникам на Ближнем Востоке и прежде всего в Месопотамии в период IV–III тыс. до н.э. В комплексе изменений и нововведений выделяются такие принципиально новые явления, как частная собственность, стоимостные отношения, торговля, сложная структура специализированных деятельностей, новые технико-технологические системы, новые формы расселения и его топографическое "оформление" и т.д. Все эти изменения по своему характеру и содержанию не соответствуют условиям функционирования первобытного общества и включают новые тенденции развития общества. Устанавливается новая по своей природе социальность.

Эта новая природа социальности определяет новую стадию исторического развития общества, которая связывается с цивилизацией. Но смысл новой социальности, объективно обусловленной в своем становлении всеми вышеназванными обстоятельствами, заключается в появлении и утверждении новых частнособственнических отношений и социально-экономических структур, отношений, которые предполагали наличие специфического социального организма их интеграции – город. Именно поэтому процесс урбанизации не может рассматриваться вне связи с явлением цивилизации.

Поскольку проблема особенностей перехода от доклассового общества к классовому (необходимым моментом которого полагается урбанизация) является в характеристике естественно-исторического процесса одной из наиболее главных и актуальных, понятие цивилизации приобретает важный смысл. В то же время, понимание и определение "цивилизации" активно дискутируется в системе философских, социологических, исторических знаний. О сложности ситуации свидетельствует многообразие существующих в настоящее время подходов и позиций, в том числе в исторической оценке понятия "цивилизация", в объеме и в характере вкладываемого в него содержания. Показательны

уже используемые в литературе определения цивилизации. Это: этнические и межэтнические (региональные) и стадийные (неолитическая, докапиталистическая и т.д.) цивилизации, формационные (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая) и локально-пространственные (европейская, азиатская, ближневосточная, полинезийская), а также дифференцируемые по исторически определенному месту их (шумерская, критская, античная, китайская, исламская и т.д.). Называются также цивилизации реликтовые, первичные, адаптивные, динамические и т.д. Понятие "цивилизация" часто используют для определения всей истории человечества, а иногда оно обозначает исторический период, начинающийся с неолитической революции и появления цивилизации связывается со становлением раннеземледельческих культур. Характерно, что выделение "цивилизаций" и их определение не имеет единых оснований. Оценка "цивилизаций" производится по разным показателям: формам религии, этническим или технико-производственным признакам, естественно-географическим условиям возникновения. Не вступая в дискуссию по поводу использования определения и понятия "цивилизация", тем более, что позиции автора по этому поводу изложены в ряде специальных работ¹, отметим лишь важность и глубокий смысл введения его Л. Морганом и Ф. Энгельсом в стадийную характеристику естественно-исторического процесса для разграничения двух "великих" стадий последнего – стадий первобытного и классового общества.

И это методологически оправданное разделение и выделение цивилизации в качестве исторически новой стадии общественного развития, для которой отмечается изменение принципов организации общества – наличие частной собственности, государства, эксплуатации, городов и т.д. – фиксирует по-существу разные, реально существующие уровни и типы развития социальности, разную ее природу. Именно это широко принятое определение цивилизации выступает здесь исходным в изучении процессов урбанизации. Четко фиксируемый источниками скачок-переход к новой социальности, имеющей новую природу, в основе определения которой лежат разделенное производство², разделенное общество, противостоящее неразделенному первобытно-общинному, уже содержит в себе как процессуальный момент формирования структур, организмов, связей и отношений новой социальности, структурирующих поток урбанизации. Последний предстает образующим и преобразующим процессом организации жизнедеятельности общества.

Возникнув в определенной исторической ситуации как мощный "прорыв", становление новой социальности выступает результатом развития всей системы обществ раннеземледельческих культур и является всеобщим фактором прогресса. Она интегрирует и выражает прогрессивную направленность социального движения в его общем исторически новом состоянии и во всем многообразии содержания, форм и уровней его осуществления. Осуществление скачка-прогресса, связанного с переходом общества на исторически новый уровень развития (когда движение вперед происходило в результате объективно возникшего разрыва целостности, устойчивости социальной системы перво-

бытного, доцивилизационного общества и формирования новых системных связей исторически новой целостности), – заключало главный смысл происходящего процесса. Реально же он происходил по-разному, при разной степени и характере проявления перестроек, нововведений, трансформации новых структур. В одних обществах выполнялась полная "программа" перестроек во всех сферах жизнедеятельности и они "формировали" своего рода ведущий эшелон в глобальных преобразованиях на переходе к цивилизации. В других – осваивались сначала лишь определенные, но значимые структуры и новые компоненты (при сохранении в большей или меньшей степени возможностей расширения круга достижений), и характер присвоения их в соответствующих связях определял специфику ниш, занимаемых этими обществами в новом социальном пространстве и их потенции, определяющие время, особенности, уровень "выхода" последних в общий поток цивилизационных процессов. В третьем случае, отдельные общества при наличии общей "поддержки" цивилизирующегося мира и соответствующей своей динамичности осваивали лишь определенные элементы нового, реализуясь максимально в них и специализируясь в своем развитии под прессингом "окружающих" более значительно продвинутых в цивилизационных процессах обществ. И, наконец, особую группу составляли общества, сохраняющие свои традиционные формы жизнедеятельности в контактах с цивилизующимися обществами и т.д. Но все они определяли своим реальным функционированием общую ситуацию, в которой происходил переход к цивилизации.

Наблюдаемые факты отсутствия ритмичности, последовательности, неравномерности (при разорванности во времени введения новых явлений), отягощенность старыми формами в освоении новых цивилизационных структур и т.д. часто служат в качестве аргументации в дискуссии о сущности, содержании, времени перехода к цивилизации и появлении городов. Высказываются, например, соображения относительно отсутствия всеобщности и целостности этих процессов. Многообразие рассматривается не как многолинейность единого процесса развития, а на уровне беспорядочной независимости или условно связанных явлений. Однако факты неравномерности, многоплановости развития обществ, "выходящих" за рамки системы обществ раннеземледельческих культур, напротив, служат веским доказательством системной связанности нововведений, образующих новую природу социальности (частная собственность, стоимостные отношения, наличие ремесла, города, соответствующий уровень технической базы и специфика организации производственных структур и т.д.), которые именно в своем многообразии и опосредованности утверждают всеобщность и закономерность перехода к исторически новому состоянию. Лишь при определенном уровне их развитости и характере взаимодействия обеспечивается реальный отрыв от "первобытности" и переход в новый мир – мир цивилизации. И процесс урбанизации является важным системообразующим фактором этого процесса, а город формой осуществления его и условием объективной представленности.

Существует (и мы уже отмечали это) различное понимание явления урбанизации, ее содержания, оценки, связи с городом. В собственно исторической литературе преобладает взгляд на урбанизацию как процесс собственно становления городов с древнейших этапов их появления и до современности и изменения в связи с этим общей ситуации развития конкретных обществ. В социологических, философских работах, в том числе в трудах урбанологов, при подчеркивании значимости урбанизации в историческом процессе интеграции "все более разнообразных форм труда, всей практической жизнедеятельности"³, особое внимание обращается на действительность его на развитие общества за счет распространения форм и условий городской жизни. Последнее особенно активно обсуждается в эконом-географической сфере⁴.

Можно было бы перечислить десятки определений урбанизации и рассмотреть соотношение далеко еще не устоявшихся понятий – урбанизация и город, урбогенез и урбанизационный процесс, урбанизированные – среда, структуры, зоны и т.д., которые активно дискутируются в современной литературе. Однако в данном случае представляется целесообразным в конкретизированном смысле выполняемых в работе задач отметить лишь некоторые главные моменты обсуждаемых здесь позиций в определении урбанизации и исторических условий появления и сущностной характеристики древнейших городов.

Урбанизация с этих позиций предстает сложно организованным постоянным процессом кумуляции, интеграции и организации связей, отношений, закономерностей формирования экономических, социальных и культурных структур и явлений, возникающих и развивающихся в развертывании цивилизации, и выступает ее константой. Она имеет исторически разные уровни и формы осуществления, проявляющиеся прежде всего в структурной и содержательной характеристике города, выступающего ее носителем. В этом плане урбогенез, например, как первая стадия урбанизации, связанный с возникновением древнейших городов и урбогенез как формирование городов в ситуации наличия уже урбанизированной среды в ее общеисторическом значении имеют разные характеристики. Принципиально изменяется в процессе урбанизации на разных исторических этапах ее и социальное пространство во всей сложной его иерархической и содержательной представленности (от структуры и объема всей урбанизированной зоны в отличие от традиционных обществ периферии, до организации самого социального городского пространства). Город в качестве носителя⁵ и формы⁶ осуществления процесса урбанизации изначально уже содержится в том уровне развития новообразований (несвойственных природе первобытности), когда образуются закономерности их функционирования в системнозначимой взаимосвязи и когда потенциальное (или актуальное) начало цивилизации превращается в начало реальное. Последнее обеспечивалось появлением новообразований, обеспечивающих социально-экономические основания и новую природу социальной – социальности цивилизации где реализовались новые отношения новых субъектов – субъектов разделенного производства, разделенного общества – главных действующих лиц в построении городского социума.

Становление социальных структур и субъектов города

Переход к исторически новой социальности связывался с глубокими преобразованиями в характере организации, принципах функционирования, условиях и тенденциях развития общества. И важнейшим фактором таких преобразований были разделение и интеграция, обеспечивающие разложение оснований производственной деятельности и всей системы собственно производственных, социальных и культурных связей и отношений первобытно-общинной кооперации и формирование отношений новых. На смену объединенного, "единого, неразделимого" кооперированного субъекта (первобытная община) действия приходит "субъект разделенный". Это уже субъекты связанные между собой на принципиально иной основе, формирующиеся в многообразной (и разделенной), все усложняющейся в своем содержании деятельности, системе уже стоимостных отношений, отношений частной собственности и т.д.

В основе всего этого лежало разделение прежде всего производства (в его всеобщем понимании как производства и воспроизводства общества – главного содержания культурно-исторического процесса) и прежде всего материального производства (этой особой системы – подсистемы общества, реально обеспечивающей возможности воспроизводства последнего).

Выше рассматривались условия и значение становления и утверждения ремесла в преобразовании всей производственной деятельности, обеспечении новых принципов производственных отношений и поэтому имеющего всеобщее историческое значение.

Именно новые технико-технологическое и социально-историческое содержания выделяемого специализированного труда, новый принцип его организации определили преобразующую роль ремесла и развития производства. Выделение ремесленного труда в качестве самостоятельно функционирующего по своим закономерностям явления привело к разделению общественного труда на уровне разделения производства во всей сложности его содержания. Но последние не сводились только к простому выделению ремесла, а даже к формированию новой структурной организации и взаимодействию разных отраслей, сфер, компонентов и сторон производства, хотя именно это лежало в основе происшедших преобразований. Решающим было изменение содержания, условий и оснований воспроизводства всей системы отношений общества, обеспечивающих новый тип социального развития. Формировалось новое пространство социальных отношений, особого типа социального пространства.

Благодаря этносоциологическим работам Салинза, Е. Биссеруп, В.Р. Кабо, О.Ю. Артемьевой и др. все в большей степени выявляется более сложная, чем представлялась ранее, картина социальных связей и отношений преводимного общества, раскрываются все более широкие рамки их возможного саморазвития, включающего функционирование достаточно сложных иерархических структур отношений. При

наличии многообразия и сложных структур связей в рамках исторического состояния первобытного общества одним из наиболее важных, определяющих его моментов является неразделенный коллективный субъект, когда все любые формы и уровни выделения индивида блокируются его конечным инъектированием (его ценностей, целей и т.д.) в коллективного субъекта. Снятие или уменьшение действия силы такой коллективности коллективного субъекта осуществляется путем индивидуализации субъектов деятельности на основе реально разделенной деятельности. И в этом плане особая роль формирования и выделения ремесла как наиболее глубокого проявления дифференциации и специализации и на соответствующих уровне и формах "индивидуализации" деятельности обуславливались тем, что именно на основе функционирования этого типа труда и формы промышленности, противопоставлении ее земледелию обеспечивались условия отчуждения труда и формирования частной собственности, выступающих главными системообразующими факторами новой социальности – социальности разделенного производства (реального исторически определенного состояния общества). Частная собственность практически почти всеми исследователями, и отечественными, и зарубежными, определяется главным основанием сложных, классовых обществ (если отвлечься от позиции исследователей, воспринимающих ее как изначальное явление общественного развития), появление которой разрушает принципы и нормы первобытно-общинных связей. Однако частная собственность (которая, несмотря на то, что много лет является предметом повышенного внимания исследователей, мало изучена в своем генезисе) сама является результатом разделения труда на уровне, обеспечивающем возможность отчуждения труда. Именно отчуждение труда заключает главный механизм развития частно-собственнических отношений. Это явление напрямую связано с активным развитием деятельности, ее дифференциацией, специализацией и выделением по условиям функционирования конкретных видов ее за пределы производственных норм родового общества, с разделением труда.

В настоящее время отчуждение труда как особое социально-экономическое и социокультурное (тем более) явление не раскрыто в полной мере в своем содержании и действии. Ни зарубежные авторы-политэкономы, в том числе такие известные из обращающихся к этой теме, как Д. Друкер и Ж. Фурастье, ни наши соотечественники не раскрыли еще в полной мере его структуру и содержание, а главное, место в историческом развитии. Почеркивая связь отчужденного труда с классовым обществом, исследователи обсуждают это явление в основном в контексте проблем капиталистического общества. В то же время, отчуждение труда, заключающее в своем содержании чрезвычайно важные исторические характеристики развития отношений классового общества в целом, еще не стало в должной степени предметом специального обсуждения в системе исторических знаний. Отчасти это происходит оттого, что проблема эта традиционно не относится к числу исторических. Между тем именно историками на конкретном

материале могут быть раскрыты многие важнейшие особенности, механизмы действия этого явления в развитии частной собственности и, шире, всех отношений разделенного труда. И тема отчужденного труда в ее исторической разработке включает большие перспективы, хотя и потребует значительного времени и сил исследователей. В данном случае представляется целесообразным остановиться очень коротко на вопросах отчуждения труда лишь в связи с рассмотрением определенных изменений, произошедших в организации общественной деятельности в результате крупного разделения труда, изменений в отношениях, обеспечивающих возможность и необходимость развертывания урбанизационных процессов, т.е. формирование так называемой урбанизационной среды и ее реализацию. Предметом специального внимания становятся некоторые характеристики процессов разрушения общинного экономического и социального единства, разрушения, обеспечивающего условия появления принципиально новых отношений, которые предполагают возникновение и функционирование интегрирующих их структур – городов. В числе главных характеристик таких процессов – индивидуализация субъектов деятельности и новые основания (прежде всего экономические) их взаимодействия.

Определенный объем и характер разделения труда, совершающегося: а) на базе, во-первых, соответствующего накопления (в конкретно-исторических условиях) прибавочного труда (сверх достаточного земледельческого) и прибавочного продукта, во-вторых, развернутого процесса дифференциации и специализации всей и конкретных видов деятельности; б) при определенной степени развитости социальных связей – предполагает возможность социального закрепления конкретной деятельности индивидов и развернутый в большей или меньшей степени обмен деятельностью (результатами деятельности). Это, в свою очередь, обуславливает необходимость "оторжения" конкретных видов труда в их социально-экономическом "определении" и функционировании от неразделенного коллективного труда общины. Индивид в данном случае относится уже "к продукту своего труда как к чужому предмету"⁷. Связи между производителем и изготовленным им предметом усложняются, поскольку индивид относится к своей деятельности по изготовлению конкретного продукта труда, как к деятельности заданной "извне". А движение продукта осуществляется уже на стоимостной основе, выступающей чуждой, "контролирующей" объективно и организующей его труд силой.

Отчуждение труда – это сложное по своему содержанию социально-экономическое, социокультурное и социально-психологическое явление, развивающееся во времени. Оно выступает главным основанием формирования всех социальных отношений классового общества (общества разделенного производства), но достигает своего полного осуществления в эпоху капитализма. В качестве обязательных образующих структурных единиц отчуждение труда полагает: отчуждение субъекта труда от родовых естественных отношений, отчуждение продукта труда, отчуждение самого труда. Реализация и степень проявления этих образующих для разного времени, условий его осуще-

ствления – разная. Но сохраняется постоянное их взаимодействие и взаимообусловленность.

На первоначальном этапе своего появления и поэтому специфической реализации отчуждение труда в наибольшей степени проявлялось в отчуждении деятельности субъектов. Особый специальный труд "специальных", индивидуализирующихся (на соответствующем уровне) в своем труде по отношению ко всему труду общины (и поэтому самой общины) субъектов-производителей (в том числе в виде большесемейных специализированных общин) предполагал естественно возможность отчуждения в его особой ранней форме продукта, принадлежащего теперь изготовляющему его специализирующемуся субъекту. Но главное, формируется особая сфера социальных стоимостных отношений, порожденных и одновременно обеспечивающих функционирование особого прибавочного специализированного труда, его развитие по новым законам. Отчуждение особого труда от родовых отношений, а в связи с этим и субъекта деятельности и его индивидуализация (в том числе группы) в результате разделения труда обеспечивает возможности присвоения им средств производства, "распоряжения" продуктом и одновременно подчинение ему, т.е. тем отношениям, которые порождают "стоимостное движение" продуктов. Формировался новый пласт отношений – продукта (товара), средств производства, самих индивидуализирующихся субъектов деятельности (собственников и несобственников). В формирующемся пространстве новых социальных связей создаются условия более активного движения "свободного" от коллективной принадлежности продукта, более широкие возможности его присвоения и комбинации межсубъектных отношений производителей и непроизводителей. В таких условиях, кстати, отчужденный субъект-несобственник (в том числе, раб) становится важным средством получения дополнительного, прибавочного в его ранней форме продукта.

Движение продукта на стоимостной основе (даже когда существуют еще лишь особые, постоянно регламентированные эквиваленты, исполняющие роль денег: куски-слитки металла, ткани), его продажа самим изготовителем (а не обмен между общинами как коллективными собственниками) предполагает, что последний является владельцем, собственником средств производства, при помощи которых был произведен продукт. Но такая позиция производителя, в свою очередь, предполагает индивидуализацию труда (которая реально обеспечивается разделением труда), введение новых субъектов действия.

Данные архивных источников, в частности, документов Ура и более поздних малоазиатских свидетельствуют о четко выраженной на протяжении III–II тыс. до н.э. тенденции индивидуализации специализированного труда в разных формах ее проявления – собственно индивидуальной (когда ремесленник работает отдельно), групповой (типа специализированных групп *é-dugu*) и др., а также принципиально новым пространстве его действия и действия субъектов труда. Проблема индивидуализации субъектов деятельности, значение и характер действия этого процесса в становлении новых социальных отношений

(отношений общества цивилизации) и разрушении первобытнообщинных – практически еще не затронута тема, так же как и степень индивидуализации субъекта в обществе (вопрос, который в настоящее время активно обсуждается медиевистами) с позиции его личностного становления. Между тем становление новых отношений, отношений классового общества осуществляется прежде всего на основе индивидуализации субъектов в системе их новых отношений, в которые они вступают в своей деятельности – отношений, строящихся на стоимостной основе и развивающейся частной собственности.

Источники, прежде всего материалы клинописных архивов, позволяют выделять разные уровни и формы такой индивидуализации, связанной с социальным расслоением и разложением прежних отношений. Так, можно говорить, например, об особом рода индивидуализации по отношению ко всему общинному обществу специализирующихся большесемейных общин.

Димту гончаров, например, показывают, что семейно-общинное гончарное производство имело своего представителя, организующего связь конкретных производителей с рынком и дворцом. Этот представитель, находясь в родственной отношении с производителями димту, закупал шерсть, которая использовалась для производства тканей. То есть такие общины были широко включены в стоимостные отношения, хотя в основном опосредованно – через торговцев.

Далее, очень важным, пожалуй, определяющим моментом в характеристике такого рода общин было их особое отношение к средствам производства и продукту труда. В этом плане чрезвычайный интерес представляют исследования Н.Б. Янковской относительно экономических отношений большесемейных, в том числе специализированных общин. Она отмечает, что, наряду с коллективными займами, известны займы и отдельных лиц, "по которым должник отвечает имуществом и свободой членов собственной семьи" и что "большесемейные общины этого времени представляли коллектив собственников, а не коллективного собственника"⁸. Такое состояние большесемейных общин ставило их в новую позицию в общинном мире земледельческого общества. В этой специфической самостоятельности реально проявлялся особый характер процесса ранней индивидуализации – первоначально в форме коллективной по отношению к общинному обществу. В основе ее лежали, в частности: а) устойчиво постоянный, целенаправленный особый труд специалистов по отношению к общей традиционной и общезначимой организации труда общинного общества; б) собственность коллектива собственников на конкретные средства производства и продукты труда в противовес коллективной общеобщинной собственности на землю и урожай (при соотвествующих принципах его распределения т.д.).

Такого типа специализированные большесемейные общины, выступающие субъектом сложных экономических отношений, "индивидуализировались" не только по отношению к собственно земледельческим общинам, но по отношению к дворцовому и храмовому хозяйствам, занимающим, в свою очередь, позицию особых самостоятельных

субъектов. Формы индивидуальных действий и функционирования были разными и особыми по отношению к более поздним. Так, И.М. Дьяконов отмечает, что в старовавилонское время "продавцами и арендаторами не менее чем в 30% случаев оказывались групповые владельцы"⁹, в качестве которых он видит представителей большесемейных общин. Такого типа коллективные владетели, по его мнению, скорее выступали собственниками земли, естественно, с правами "индивидуального" в отличие от обычного коллективного общинного пользования. Им же отмечаются и индивидуальные арендодатели, связанные с казенными наделами за службу.

Существовали и другие формы "компаний", выступающих субъектами определенных экономических мероприятий.

И.М. Дьяконов приводит интересные документы о совместных действиях компании из 2–3 и более человек, меняющихся в разном сочетании в различных сделках, позади которых, "стояла какая-то существенная общность их всех"¹⁰ и которые, как полагает И.М. Дьяконов, могли быть связаны родством. Очевидно, необходимость в большей маневренности и динамичности экономических дел обуславливала разные уровни и формы "индивидуальной" представленности субъекта (из 2–3 и более человек) от более емкой общности включая, возможно, не только собственно семейные структуры.

При сопоставлении данных документов III–II тыс. до н.э. отчетливо прослеживаются две разные тенденции. С одной стороны, происходит своего рода социально-психологическое осмысление, юридическое оформление и углубление устойчивости как особого социального явления (составляющих важную сферу социально-экономической базы государств II тыс. до н.э.) большесемейных общин, – объективно необходимой и оптимально возможной в соответствующей исторической ситуации формы "индивидуализации" субъекта новых развивающихся отношений. С другой – происходит постоянное и все увеличивающееся во времени расслоение, деформация их под прессингом объективно развивающихся стоимостных форм связей и частнособственнических отношений и выделение внутри них более динамичных "локально" самостоятельно функционирующих субъектов. Последние представляют другой, более перспективный уровень индивидуализации субъектов. Так, наблюдая характер отношений вступающих в сделку обитателей "Патерностер роу, 4" г. Ура по сдаче в аренду земли совладельцев ее* в разных поколениях, И.М. Дьяконов отмечает, что при жизни группы второго и последнего поколения названного Имликума и Ададбани "уже вряд ли правильно говорить об этих семьях как об одной общине, хотя связи между ними все еще сохраняются"¹¹. На "индивидуальном" уровне решались иногда экономические вопросы и целым селением, которое "самостоятельно вступало в частно-правовые отношения с частными лицами (U16830 УЕТ, V, 206)"¹².

* Показательно, что сдающие выступают названные поименно, как самостоятельные. индивиды, хотя и в рамках общесемейной связи.

Необходимо подчеркнуть, что «...в составе городского населения чаще всего приходится иметь дело с индивидуальными "малыми семьями" ...поскольку в городе едва ли не обычно встречаются семьи царских и храмовых служащих, которые издавна в Месопотамии были именно индивидуальными, отчасти также это ростовщики и коммерческие посредники, сама профессия которых не терпит, по-видимому, коллективности»¹³.

Особого рода индивидуальная деятельность проявляется в деловых предприятиях уже знакомого нам Эанацира. Эанацир специализировался на покупке медной руды в Тельмуне, отчасти для дворца, отчасти для частных заказчиков, отчасти для себя. Он имел мастерскую по очистке меди и вступал в широкие связи с другими купцами и мастерами в качестве самостоятельного субъекта. Клиентами Эанацира выступали, судя по документам, частные задачки, которые платили ему серебром¹⁴.

Эанацир имел какие-то деловые связи с дворцом и храмом, но действовал как "вполне самостоятельное лицо". И в целом он был, вероятно "независимым от царской и храмовой службы гражданином городской общины Ура"¹⁵.

Интересный и выразительный тип индивидуальной деятельности раскрывается в образе начальника канцелярии храма бога Луны УрНанны, который имел широкий круг самых разнообразных обязанностей, дел (распределение земельных наделов, копка каналов, распоряжение рабочей силой и т.д.)¹⁶

Важное место в организации новой экономики занимали купцы. Выступая активным носителем стимульных отношений, реализуемых в процессе их собственно торговых и ростовщических мероприятиях, "свободные" (не царские тамкары) купцы как субъекты выступали в виде специфических купеческих объединений. Порой это были мощные компании, "индивидуализирующиеся" в своей деятельности и в своих отношениях с разными структурами. Одним из мощных опорных центров международной торговли, контролирующим торгово-финансовые операции на значительной дистанции, был купеческий (или вернее, ремесленно-торговый) город Каниш. Купеческая компания имела сложную и четко отлаженную систему самоуправления во главе с 50 наиболее крупными купцами¹⁷. Здесь раскрывается механизм своего рода "дистанционного" управления в профессиональном купеческом объединении как противостоящего рассеянным дворцовым структурам на этой территории¹⁸. Купцы, деятельность которых была под неусыпным оком дворцовых структур, очень слаженно в качестве "коллективного" индивида выступали в отношениях с правителями рынка, дворцов, храмов. Так, канишские купцы договаривались с правителями рынков городов, с которыми они торговали. Известен договор канишской купеческой организации с хозяином главного рынка на юге Малой Азии – правителем Вашихани (получил подарок канишитов – 20 мин = 10 кг меди) и с хозяином важнейшего рынка на севере Малой Азии – правителем Тамни¹⁹. Характерно, что профессиональные интересы купцов были общезначимы (для всего общества и для купцов разных

областей), а купцы достаточно сильными, чтобы участвовать в международных делах своих государств, городов и т.д. Так, например, при подписании договора правителя Каниша с малоазиатским городом Ма'мы участвовали представители торговли с "анатолийской" и "ашшурской" стороны поровну²⁰.

Активным и значительным субъектом, индивидуализирующимся в своих экономических и социальных отношениях, базирующихся на мощной экономической базе и "идеологической силе", были храмы. Последние имели большое, четко организованное хозяйство, которым управлял, очевидно, сложно и хорошо организованный аппарат; достаточно вспомнить в этом плане начальника канцелярии УрНанне. Хозяйства обслуживали как работники самого храма, так и по повинности общинники. Храмы, с одной стороны, выступали обобщенным целым и потому всеобщезначимым явлением и вплетались в этом качестве в другие структуры как необходимый компонент отношений всех социальных институтов и структур. С другой, они четко занимали индивидуальную позицию в социальной и экономической жизни общества.

Безусловно, серьезно действующим фактором, разрушающим собственно общинные формы организации труда, было дворцовое хозяйство и в целом все дворцовые структуры, не только кумулирующие значительный объем труда, приобщая к общему труду на иной (чем в общине) основе, но и организуя большой объем социально значимых связей. И несмотря на то, что дворцовые структуры не заключали тенденции прогресса в развертывании специализированного труда и торговой сферы (хотя и осуществляли большие торговые сделки через своих тамкаров), они выступали серьезным, организующим, в отличие от самоорганизующихся общинных структур, субъектом новых нарождающихся отношений на "индивидуализированном" в соответствующей степени и форме уровне.

Одним словом, на протяжении IV–III тыс. до н.э. происходило постепенное, но неуклонное разрушение принципов отношений первобытнообщинных структур и формирование совершенно иных систем отношений совершенно новых, находящихся в сложных многоплановых связях и иерархических отношениях субъектов, "индивидуализирующихся" в своих особых позициях, на базе определенных дифференцированных и выделившихся как специальные деятельности, особых форм и условий их функционирования в новом формирующемся социальном пространстве жизнедеятельности общества.

Основанием такого сложного процесса разрушения единства общинного коллектива и формирования новых форм и типов коллективных и индивидуальных связей и самого субъекта таких связей, предполагающих индивидуализацию последних, выступали реальные социально-экономические институты. Последние, возникающие в результате преобразований всей системы организации производственной деятельности, разделения производства, формирования новой структуры его, обуславливали и обеспечивали новый характер развития отношений индивидуализирующихся субъектов. Выше мы уже отмечали важную роль в становлении этих отношений ремесленного труда, выступающего в

качестве преобразующего фактора в развитии нового типа производства и поэтому новых типов и форм отношений.

Мощно действующими социально-экономическими институтами, определяющими новую природу развивающихся отношений, явились частная собственность и связанные с нею стоимостные отношения. Именно поэтому становление и развитие последних, степень их развитости и характер проявления и действия становятся, как правило, в центре внимания при обсуждении условий зарождений классового общества и перехода к цивилизации.

Основанием возникновения и сохранения частной собственности на средства производства и продукт труда и поэтому важным формирующим началом в развитии частной собственности как "общественного отношения" (К. Маркс) было появление и развитие особого специализированного типа организации общественного труда – ремесла. Ремесло реализовывало не только технико-технологические, все производственные достижения, но и прибавочный (сверхдостаточный) труд и прибавочный продукт труда. Отделяющееся от земледелия как особый тип организации труда, имеющее новые целевые установки и заключающее в качестве важной тенденции развитие частной инициативы, ремесло обеспечивало условия индивидуализации (провоцируя ее в других сферах) производителя и, главное, в силу всего вышеотмеченного, возможность и необходимость отчуждения его, прежде всего от норм первобытных общинных связей. Ремесленник становится собственником орудия труда, которое выступает уже само продуктом труда, и трудится в качестве собственника, разрушая таким трудом собственно общинные связи. Специфические собственно производственные и свойственные им обменные отношения (имеющие особые стоимостные основания, вовлекающие широкий круг ремесленников – в разной форме их организации – и торговцев), природа которых принципиально отличалась от всех типов и форм отношений и взаимосвязей первобытного общества, служили факторами, разлагающими последнее. Частная собственность выступала основанием конструирования отношений исторически нового общества. Становление ее происходило постепенно, с трудом преодолевая рамки традиционных внутриобщинных отношений на протяжении IV–II тыс. до н.э., но все более активно и выражено. Фиксируется этот процесс на первых этапах с большим трудом и часто опосредованно, порой на основании отдельных элементов характеристики условий организации труда. Например, появление средств производства, требующих индивидуального отношения и обладающих высокой производительностью труда, – это показательный момент, играющий важную роль в формировании новых отношений к орудиям и продукту труда. Возникновение в рамках поселений специализированных участков, кварталов, отличных по структуре и материальной культуре от других его компонентов и объединяющих группы населения по производственному признаку, а также крупных, ориентированных на постоянное и значительное по объему производство (судя по особенностям организации и археологическим находкам – II тыс. до н.э.) мастерских (Каниша, например) и т.д.,

характеризуют особые позиции связанных с ними субъектов по отношению к средствам труда и другим субъектам.

Письменные источники III–II тыс. до н.э. иллюстрируют процессы нарастания сложноопосредованных частнособственнических отношений.

Тщательный анализ архивных документов на основе четкого разграничения и определения правовых норм позволил И.М. Дьяконову сделать ряд важных выводов относительно развития института собственности в областях древнейших цивилизаций. В качестве исходной позиции он подчеркивал, что "сама собственность определена характером производственных отношений, в рамках которых происходит присвоение; в связи с этим собственность может быть коллективной и индивидуальной, полной и разделенной... различны могут быть группы несобственников, отстраняемых от объекта собственности, – но от этого суть собственности как общественного явления не меняется, и этим собственность отличается от владения, которое не является само по себе общественным отношением, а только фактом, по поводу которого могут складываться те или иные общественно-экономические и правовые отношения"²¹.

Опираясь на эти позиции и данные анализа архивных источников, И.М. Дьяконов решительно отверг положение о том, что в областях древнейших государств Ближнего Востока наличествует лишь верховная собственность царя на землю. Он глубоко обосновывает положение о четко выраженной двухлинейной линии развития собственности в древнейших ближневосточных цивилизующихся обществах. Сосуществование таких двух видов собственности, при активном функционировании собственности общинной, обуславливало особую ситуацию развития в основных странах Ближнего Востока в период IV–III тыс. до н.э. частнособственнических отношений, а поэтому и социальной дифференциации, как факторов становления и развития классового общества, а поэтому и города, являющегося необходимым компонентом последнего. Анализ данных о развитии частнособственнических отношений прежде всего в областях Южного Двуречья позволил И.М. Дьяконову определить и выделить ряд важных моментов, характеризующих активную динамику частной собственности. Указывая на наличие заметных различий в развитии разных областей Ближнего Востока и выделяя, в частности Южное Двуречье – "с речной ирригацией на основе накопления запасов паводковых вод" и общества периферии Западной Азии, основанные на скотоводстве и неполивном земледелии, где государственные хозяйства не получили такого развития, как в первом случае, а формы эксплуатации не отличались четкостью, И.М. Дьяконов подчеркивает общее для них расширение в начале II тыс. до н.э. сферы и объема частнособственнических элементов. Так, относительно Южного Двуречья от отмечает: "...во II тысячелетии в результате переворота, свергнувшего здесь государство III династии Ура, нерациональная эксплуатация в государственных хозяйствах Двуречья была сильно смягчена, зато широко развились частные хозяйства, основанные на рабстве почти классического типа"²². И позже, в другой работе, посвященной Вавилонскому городу II тыс. до

н.э.: "...в городе в целом, в обоих экономических секторах (государственном и общинно-частном. – Э.С.) господствует фактически уже индивидуализирующееся частное хозяйство"²³. Тенденция "индивидуализации" в связи с отношением к частной собственности прослеживается по-разному в положении большесемейных общин в городах периферийных областей и Южного Двуречья. "Для города Южного Двуречья этого времени большесемейные коллективы не характерны... – пишет И.М. Дьяконов, – после смерти отца, если это позволяют жилищные условия, братья делятся, и даже члены группы Имлику вовсе не составляют дружного и постоянного коллектива, хотя они и не всегда выступают поодиночке. Но если выступают вместе, то поразному комбинируются в своих деловых предприятиях"²⁴. Выход на поздние позиции индивидуализирующегося частного хозяйства и поэтому нарушение принципов прежней организации большесемейных общин – показатель формирования новых принципов – городских отношений. «В деревне, напротив, насколько можно пока судить, никаких симптомов срастания государственного и общинно-частного секторов ни в экономическом, ни в административно-организационном отношении не замечается. Там существует либо царская земля, обрабатываемая царскими издольщиками, либо земля общинников – видимо, больших семей: в этом различии между условиями города и деревни явственно сказывается начинающееся противопоставление "городское : сельское", не совпадающее с социальным противопоставлением "царское : общинное..."»²⁵ Более сложные взаимоотношения в торгово-производственной деятельности в связи с развитием частных интересов отмечаются для коллективов периферийных областей Передней Азии. Н.Б. Янковская отмечает явное усложнение во II тыс. до н.э. связей общин. "Государственные хозяйства дворцово-храмовых комплексов II тыс. до н.э. сохраняли значение оси общественного кредита – кризис начинался с платежей общинников именно сюда... Дворцовый фонд становится сокровищницей, теряя обратную связь с общинными. Функция поддержки общин переходит в руки частных лиц, включая династов, выступающих в роли частных кредиторов"²⁶. При этом усиление частных операций не разрушало, а укрепляло разные формы коопераций, индивидуализирующихся в различных частнособственнических сделках субъектов.

Развитие частнособственнических институтов, прогрессивно осуществляющееся на протяжении IV–II тыс. до н.э., потребовало введения новых социокультурных институтов, в том числе юридической практики, потребности в правовых установках, законах (в отличие от традиционного права). Существует значительное число документов, фиксирующих различного рода частнособственнические сделки.

Имеются документы, свидетельствующие о продаже домов, полей, плантаций, относящихся к периоду до III династии Ура. Расписки, поручательства, оформление сделок и другие акты фиксируют достаточно сложную систему частнособственнических отношений.

Законы Хаммурапи, включающие пункты, направленные против неудержимого роста частной собственности и злоупотреблений, с этим

связанных, свидетельствуют о четко выраженной тенденции ее активного развития. Не менее показательны архивные данные о многочисленных торговых сделках, в которые вовлекаются отдельные лица, целые селения, большесемейные специализированные общины, купеческие объединения и т.д., и где наряду с другими товарами (металлическими, тканями и т.д.) в качестве предмета сделки выступает земля, финиковые плантации и т.д.

Об этом свидетельствуют многие документы, в частности документы из Ниппура времени СумуЭля царя Ларсы. "Из Иссина известны случаи продажи частным лицам даже заведомо дворцовой земли, что прямо и указано в самой сделке", – пишет И.М. Дьяконов²⁷. Естественно, на протяжении IV–III тысячелетия до н.э. интенсивность развития и характер представленности частнособственнических отношений изменялись. Они, например, блокировались в большей (как в период III династии Ура) или меньшей степени дворцовой властью. И более активно такого типа отношения развивались в маленьких городах.

Наконец, принципиально изменяется еще одна сфера жизнедеятельности общества древней Месопотамии и других областей древнейшей цивилизации – духовная жизнь и социально-психологическая характеристика субъекта. Практически создается совсем новый мир духовного (наиболее подверженного сохранению традиций) творчества. Появляется искусство, принципиально отличное по своей природе от художественной деятельности первобытного общества, приобретшее те индивидуально значимые смысловые характеристики, которые и закладываются в современные определения искусства. Анализ древнеегипетских изображений позволил Б.В. Раушенбаху заметить, что исполнители следовали правилу черчения, в развитии которого главное место отводится актуализации "действия" левого полушария²⁸. Актуализирует действие левого полушария и рационального мышления в целом и письменность – сначала шумерская иероглифическая, затем более скорописная – клинопись. Введение письма принципиально изменило информационные связи индивидов общества областей древней Месопотамии. Это был, безусловно, важный взрыв-скачок в новое информационное пространство, где по-новому "кодировалась" в написанном теперь слове мысль. Изменилась "структура мышления", рассудочная рациональная форма его структурировалась более активно, оказывая влияние на все остальные сферы. Индивидуальная деятельность открыла новые пространства отношений, новое видение мира. Это отразилось в появлении и в структурировании научных знаний, прежде всего математики, астрономии, медицины. Чрезвычайно важно при этом оформление, известное во всяком случае для II тыс. до н.э. (записи рецептов II тыс. до н.э.) и технологических схем производства металла, стекла, глазурей, которые вместе с реальными техническими достижениями (печи – гончарные и металлургические, гончарный круг и точильный станок и т.д., сами изделия) свидетельствует о развитии и технических знаний²⁹. Важную роль в индивидуализации сознания сыграли формы спекулятивного мышления (как явления рационально-логического порядка), прослеживаемые и в мифах³⁰.

В целом в рассматриваемый период формируется принципиально новый индивид, обладающий новым уровнем и структурой самосознания, новым типом мышления, новым видением мира.

Итак, в наиболее перспективных обществах областей Ближнего Востока на протяжении IV – нач. II тысячелетия до н.э. происходят не только сложные процессы технико-технологической и производственной перестройки в организации условий жизнедеятельности, но изменяется и сам субъект исторического действия и система его отношений. Активно осуществляются процессы индивидуализации труда, развития частнособственнических элементов, стоимостных отношений и т.д. – процессы развития явлений, разрушающих общинные нормы организации первобытного социума и характеризующие новое исторически определенное социокультурное состояние.

Урбанизационная среда как результат "сдвига" в эволюционном процессе и ее носитель – город

Сформированный технико-технологический потенциал, новая структура производственной деятельности, содержание и принцип организации общественного труда, новые, более сложно опосредованные отношения в обществе, рассматриваемые выше – все это не результат плавной эволюции и не просто новый уровень исторического развития. По своей природе, сущности и содержанию все эти явления характеризуют отрицание стадийных особенностей естественно-исторического процесса в его магистральной прогрессивной направленности на уровне первобытной организации. Все вышерассмотренные изменения – это содержание перехода к исторически новому уровню и состоянию.

Общества раннеземледельческих культур, в рамках которых происходили вышеописанные преобразования, осуществляли разные варианты условно называемого линейного развития. В результате такого развития создавались, как уже отмечалось, возможности изменения внутренней их организации, усложнение отношений в них. Варианты таких изменений в соответствующих формах могут быть зафиксированы на этнографическом материале. Это могло выражаться в развитии организационной связи, в частности, поселений (условно, деревень), когда последние объединялись, например, в своего рода "конфедерации", состоящие из объединения ряда деревень, при главенствующем положении одной из них³¹. В результате внутренней эволюции общин усложняются формы землевладения, происходит превращение родовой земли в общинную, выделение общинной земли во владение родовой знати, вождей и т.д.

Выделение института власти и социальная иногда многоплановая дифференциация, формируемая, в частности, на базе усиления института вождя, могли происходить при активном развитии военной деятельности и приводить к сложным формам организации общества. В процессе исторического развития рассматриваемого варианта изменялась экономические возможности общин (естественно в соответ-

ствующих пределах), производственные условия организации хозяйственной деятельности, в частности на базе развития орошаемых форм земледелия, комплексного земельско-скотоводческого хозяйства и т.д. Создавались возможности расширения контактов.

Исторически разные (в производственном и социально-экономическом плане) уровни развития земледельческих общин определяли в общем естественно-историческом процессе специализированные варианты общинных форм организации, которые или сохранялись в традиционных формах, или при определенных обстоятельствах и под влиянием сложных контактов с другими обществами (в том числе, с цивилизованными структурами) могли эволюционировать в направлении, например, развития в них более сложных (иногда называемых в литературе полуфеодальными) отношений. Основной структуроорганизующей единицей в них выступает определенный – "сельский" тип поселения – при возможном росте размеров его, кумулятивных усложнениях и т.д., но на уровне именно этого единого по своей природе типа. Этот путь развития земледельческой общины – эволюционно-линейный. Рассматриваемый нами в данной работе вариант развития, результатом которого является формирование цивилизационных структур города, ремесла, частной собственности – связан с другим путем развертывания исторического процесса. В этом случае происходит не просто развитие по эволюционному пути, а своего рода смещение, разрыв непрерывности, содержательно новый скачок, породивший новую форму организации развития, усложняющий многолинейность культурно-исторического процесса и связываемый с переходом общества (в его всеобщем определении) на исторически новый уровень – уровень цивилизации и становления исторически новой социальности, собственно социальности (в отличие от родовых начал первобытно-общинного общества).

Формирующийся и развивающийся исторически новый тип разделенного производства, полагающий уже в своем становлении кумуляцию технико-производственного и общеэкономического потенциала общества, предполагающий новые условия функционирования и развития всех видов деятельности, их дифференциации и интеграции и новый характер формирующихся собственно производственных и, шире, социокультурных связей определяли содержание перехода и характер новой социальности. Возникли возможности отчуждения результатов труда, частного присвоения, развития товарных отношений, разлагающих старые социально-экономические связи земледельческой общины, и формирующих новые сложные структуры социального взаимодействия. Появление новых производственных связей и принципов построения социальных отношений приводили одновременно к порождению "различных формально-алгоритмических ролей и функций", обслуживающих различные общественные сферы. И вся эта совокупность частичных операций, ролей, функций распределяется между индивидами, социальными группами, классами.

Вышеотмеченные преобразования, совершившиеся в обществе, принципиально меняющие основания развития общественных отношений, носили по своему содержанию революционный характер и при-

водили к "сдвигу" в историческом развитии, к появлению в структуре процесса значительных изменений, к усложнению его. И независимо от степени давления норм и принципов общинных отношений (очень устойчивых, сохраняющихся в некоторых обществах вплоть до XX века и фиксирующихся этнографически), действие которых в рассматриваемый здесь период оставалось довольно сильным (поскольку именно в общинной среде изначально зарождались исторические новые и чуждые в ней отношения) – ведущими были новые силы, новые структуры, новые формы социальных отношений. Именно они, заключая сущность исторически новой социальности, определяли прогресс общества.

Объективно существующие уже к III и тем более во II тыс. до н.э. явления индивидуализации и отчуждения труда, частной собственности, активного функционирования стоимостных отношений, новых структур управления при соответствующем общем экономическом потенциале и высокой степени дифференциации труда и т.д. (характеризующие процесс цивилизации) свидетельствуют о реальном наличии исторически нового состояния, новом уровне его, о появлении новой социальности. И вновь возникающее в этих условиях состояние не было своего рода "коктейлем" общинных отношений и отношений нового, становящегося в процессе цивилизации классового общества (как это часто представляется).

Это было сочетание нового и старого, но уже в рамках активно формирующейся и реально функционирующей новой социальности, отрицающей в этом взаимодействии принципы организации и развития первобытного обществ всем своим содержанием, особенностями закономерностей функционирования и характером образующих ее структур. Новая социальность в рассматриваемый период еще в особом, отягощенном старыми формами, проявлении, но уже состоялась как историческое начало исторически нового этапа социального движения и общественного прогресса. Новый характер "складывающихся" такую социальность социально-экономических структур, социокультурных элементов, вырабатывающих в своем функционировании определенные закономерности их взаимодействия в объективно заданной (их содержанием и сущностью) системнозначимой обусловленности – обеспечивали и составляли реальное наличие в ней особого состояния, которое (как реальное явление) может быть характеризовано как особая урбанизационная среда. Именно урбанизационная среда выступает сущностным содержанием урбанизационного процесса, обеспечивающего урбанизацию как процесс социального (как момента социального движения) преобразования общества на исторической стадии цивилизации, необходимой константой которого она выступает³².

Урбанизационная среда содержит имплицитно "городское начало", как форму ее реализации, которая обеспечивает разрешение обязательной задачи развития соответствующих экономических, социальных, культурологических структур, кумулирующих, интегрирующих и обеспечивающих воспроизводство и структурирование новой исторически определенной социальности.

Урбанизационная среда предстает как специфический, своего рода социальный бульон, в котором и происходит выкристаллизация и конструирование новых особых организмов, интегрирующих новые отношения и связи, порождаемые этой средой и составляющие ее содержание. Реализация урбанизационной среды происходит в урбанизационном процессе в особых, выражающих субстанциональную сущность и интегрирующих ее особенности структурах, организмах. Но высшей формой ее реализации является город. И именно город – организм, интегрирующий ее свойства, – становится носителем тенденции новой социальности. Это значение его – носителя отношений, имеющих объективно историческую перспективу, – сохраняется при всех формах "засилья" деревни и сельского хозяйства как тенденция прогресса.

Именно город – носитель новой социальности – становится ведущим по своему положению, организующей и образующей роли в формировании и в тенденции развития новой, все более дифференцирующейся во времени, все более усложняющейся системы поселенческой, и, шире, социально-пространственной организации общества на разных этапах цивилизации. Полюсными точками ее (все более противостоящими содержательно друг другу в тенденции) становятся формирующийся и развивающийся город и специализирующаяся в исторической динамике уже по отношению к нему деревня (имеющая в этой системе свою историческую динамику). Выделение понятия урбанизационной среды как познавательного принципа и признание реального наличия такой среды позволяет объяснить многое, остающееся неясным в исследовании и осмыслении процесса урбанизации. Во всяком случае, признание урбанизационной среды, то есть особого социального состояния, возникающего в период перехода к исторически новой стадии (к цивилизации), которое характеризуется появлением, развитием и сложным взаимодействием новых (не свойственных природе первобытного общества) структур, элементов, связей, закономерностей, норм и принципов (выраженных для разных обществ в разной степени, сохраняющих разную плотность насыщения и т.д.) позволяет раскрыть причины, например, разных уровней и форм проявления (в частности месопотамский и среднеазиатский, египетский и малоазийский варианты) процесса урбанизации, разный характер, степень развитости городов и городских поселений. Только при допущении существования такой среды становятся понятным неустойчивость и разная степень осуществления явлений урбанизации, возможность определенного затухания процесса и последующего нового всплеска его в конкретных обществах (как это было в Средней Азии в II–I тысячелетии до н.э.), поскольку сохраняется гарантия возрождения его в виде исторически существующей всеобщей урбанизационной среды, реализуемой в наиболее продвинутых в своем развитии областях и поскольку достижения урбанизационных процессов, освоенные в этой среде, продолжают оказывать воздействие на дальнейшее развитие конкретных обществ, включившихся в общий поток урбанизации.

Формирование организмов, интегрирующих урбанизационную среду и обеспечивающих ее реализацию, не только меняет социально-пространственную структуру расселения и характер ее, но и усиливает действие и сами возможности функционирования урбанизационной среды, создавая уже все более расширяющиеся урбанизированные зоны, активно действующие на развитие обществ, вступающих в контакт с населением этих зон. Это проявляется в реализации внутренних возможностей самостоятельного развития новых групп населения, обществ, которые в большей или меньшей степени испытывают на определенном этапе активного саморазвития влияние этой среды и преобразуются под ее действием (если такое действие осуществляется). Вот почему возможно большее или меньшее, не в полной мере выраженное проявление урбанистических преобразований в отдельных областях, где внутреннее саморазвитие обуславливает лишь определенные возможности и уровень развития и восприятия новых элементов, поддерживаемых в ряде случаев в их функционировании не только за счет собственно внутреннего обеспечения, но и всей общей реально существующей урбанизационной средой в рамках совокупности обществ, генетически связанных с предшествующей системой обществ раннеземледельческих культур.

Вызревание и проявление урбанизации могло осуществляться и осуществлялось лишь в конкретных обществах областей взаимосвязанных друг с другом, но будучи выражением и содержанием процесса цивилизации, она являлась в целом всеобщим достижением прогрессивного в соответствующих условиях развития всей исторически предшествующей социальной системы и одновременно фактором разрушающим (исторически разрушающим) последнюю. Но именно процесс урбанизации обеспечивал в рамках цивилизационных процессов содержание перехода на исторически новый уровень естественно-исторического развития и формирование новой социальности. Во всеобщности ее действия заключается особый смысл урбанизации как выражения исторического прогресса. И город постоянный результат и организующая действительная сила урбанизационного процесса и процесса урбанизации выступает важным, активно действующим фактором исторического перехода к новой социальности и необходимым моментом ее организации.

§ 2. Древнейшие этапы урбанизации на Ближнем Востоке в IV–II тыс. до н.э.

Характер, уровни, тенденции

Будучи порождением прогрессивного развития исторически-определенной системы – системы обществ раннеземледельческих культур, несущей на определенном этапе наиболее прогрессивную тенденцию социальной эволюции, город не просто реализует соответствующие предпосылки и условия, возникающие в конкретно-исторической ситуации такого ее развития. В своем зарождении и функционировании он воспроизводит эти предпосылки и условия в новом качестве – условиях

своего существования, но уже в координированном и интегрированном, а поэтому измененном (по своей содержательной и функциональной сущности) виде. Возникает вопрос о дистанции и содержании "превращения", в данном случае превращения предпосылок и условий возникновения в условия существования и дальнейшего развития, прогресса города. Проблема эта в рамках обсуждения понятия развития, в частности, социального, достаточно сложная. Однако в рассматриваемом конкретном случае важным моментом такого превращения-скачка, его реальным основанием является урбанизационная среда. Именно в ней происходят преобразования и прежде всего кумуляция и интеграция сложных и особых связей взаимодействия структур и отношений (появление частной собственности, стоимостных отношений, индивидуализации и специализации труда и т.д.), выпадающих из норм функционирования первобытнообщинного общества, отрицающих последние, – связей, системообусловленных и полагающих наличие определенных закономерностей их функционирования и развития.

Урбанизационная среда с необходимостью "выделяет" из себя особые структуры, реализующие ее и обеспечивающие ее существование и развитие. Эта среда, возникающая в процессе урбанизации (в качестве составного компонента цивилизации), становится основанием и одновременно условием развертывания урбанизационного процесса на уровне урбогенеза (как составной части структурообразующего компонента урбанизации) и появления города. Последний в этой ситуации становится необходимым фактором развития общества. И уже с самого начала процесса урбанизации обеспечивается формирование урбанизированной сферы социального (содержание которой постоянно усложняется) и урбанизированной зоны и четко выраженной тенденцией ее расширения. И только при понимании всей сложности явления урбанизации в ее "целостном" содержании и особенностях структурной организации содержания самого этого процесса можно, представляется, правильно определить и оценить город, его природу, характер и особенности развития.

При изучении древнейших этапов истории урбанизации как явления и проявления цивилизации вопросы соотношения урбанизационной среды, урбанизационного процесса, урбанизации, урбанизированной зоны приобретают особенно важное значение, и прежде всего в связи с характеристикой пространственно-временных аспектов и форм зарождения, становления и развертывания этих процессов, обеспечивающих переход к исторически новой социальности и при объяснении условий и путей включения в процессы урбанизации новых областей.

Город как особый исторический феномен не возникает в собственно Шумере, где он реально появился впервые. В своем происхождении он зиждится, как уже отмечалось, на мощном фундаменте достижений всей системы обществ раннеземледельческих культур. "Насыщение" шумерского общества соответствующими технико-технологическими, производственными завоеваниями и, в результате, нововведениями, выходящими по своей природе, содержанию и особенностям функционирования за пределы системных возможностей обществ раннезем-

ледельческих культур, обеспечивалось не только местными силами, но и всей масштабностью, широтой процессов внутреннего саморазвития-прогресса (происходившего одновременно, но на существенно разных уровнях) в рамках огромной ойкумены раннеземледельческих обществ. Вырывающиеся вперед в силу стечения разных обстоятельств общества в своем функционировании как бы обеспечивались прочностью и мощностью всей большой системы. "Повторения" в характере прогрессивных изменений (в том числе: усложнение поселенческих структур, появление ряда новых технико-технологических схем и технических средств, изменение общих условий жизнедеятельности и т.д.), фиксируемые для обществ многих и разных областей "земледельческого мира", в том числе далеких периферийных (по отношению к Шумеру), таких, как Юго-Западная Туркмения (Алтын-Депе, Намазга-Депе) в IV–II тысячелетии до н.э. – достаточно убедительное свидетельство определенной целостности и общей направленности перехода обществ раннеземледельческих культур к исторически новому состоянию в общепроизводственной оценке этого процесса.

Именно вся система обществ раннеземледельческих культур в целом, заключающая в рассматриваемый период историческую перспективу, обеспечивала саму возможность перехода всего общества на исторически новый уровень, реально осуществляемого в конкретно-исторических обществах при активном преобразующем действии новых факторов. Выделяемые принципиально новые структуры, отношения, формирующиеся на базе технико-технологических, общепроизводственных и социальных достижений и изменений, несовместных с системными возможностями и особенностями жизнедеятельности первобытно-общинного общества, обеспечивали содержание их перехода и характеристику исторически новой социальности, связываемой с процессами цивилизации – перехода, который в наиболее ранней форме осуществлялся в конкретных обществах области Месопотамии. Эти конкретные общества выходили из системы обществ раннеземледельческих культур самостоятельно, но именно в силу ее достаточного развития и направленного движения как системы. Поэтому и существовали возможности "быстрого реагирования" и других обществ в плане последовательного, но неравномерного расширения и разноуровневого осуществления цивилизационных процессов (на территории во всяком случае Ближнего и Среднего Востока), структурным компонентом которых и важнейшей содержательной частью было явление урбанизации.

Проблема характера, времени распространения и причин неравномерности, неравенства условий развития процессов цивилизации и урбанизации в период IV–II тыс. до н.э. стала одной из наиболее активно обсуждаемой в литературе по истории Древнего Востока. Неравномерность проявления цивилизационных, в том числе урбанизационных процессов, разная степень их выраженности в областях Индии, Афганистана, южной части Средней Азии и разные возможности их осуществления, временная растянутость, прерывистость характеризуют не только всю сложность реального состояния этих процессов, но и особенности саморазвития конкретных обществ в рамках системы

обществ раннеземледельческих культур и при переходе на исторически новый уровень развития.

Неравномерность развития и перехода в исторически новое состояние конкретных обществ обуславливалась сложным комплексом обстоятельств. Это: 1) степень общей развитости конкретных обществ исторической системы обществ раннеземледельческих культур, в рамках которой происходило их становление и функционирование; 2) особенности географических условий района, области, региона, в частности мощность и емкость определенной экологической ниши, обеспечивающей природными ресурсами соответствующую единицу расселения (район, область, регион и т.п.) в полном их объеме (включая плодородие земли); 3) характер расселения конкретного общества; 4) степень развитости культурно-экономических (прежде всего торгово-обменных) связей; 5) степень общей динамичности общества конкретной области и т.д. Все это обстоятельства, характеризующие внутренние возможности отдельных обществ (района, области и т.д.) в освоении нового уровня отношений, условий функционирования, свойственных исторически новой ступени общественного развития. Но здесь проявлялось действие и другого. Неровность, неравномерность развития цивилизации и урбанизации в разных областях и регионах обуславливались, как уже отмечалось выше, и степенью развитости самих названных процессов, их преобразующей силы, степенью развитости центростремительных тенденций функционирования новых структур. То есть необходим был соответствующий уровень и характер развития исторически новых, находящихся в глубоко опосредованных связях и обуславливающих переход к цивилизации явлений, которые, хотя и кумулировались в определенных центрах, но приобретали всеобщее значение в качестве определяющих главные тенденции и само содержание естественно-исторического процесса (на соответствующем его уровне) и поэтому оказывали активное действие на все другие системы общества. И, наконец главное, необходим был соответствующий уровень самой исторической системы обществ раннеземледельческих культур, поскольку разные ступени ее развития имели не только разную сложность организации, характер содержания, но разную степень действия интегративных сил, обеспечивающих движение вперед в реализации новых появляющихся тенденций, во-первых, глубину проникновения и широту охвата обществ системы новыми процессами, во-вторых.

Различные раннеземледельческие общества втягивались в процессы цивилизации и урбанизации неодновременно и в разной степени, реализуя их содержание или не реализуя вовсе. Достаточно сравнить в этом плане разные темпы, уровень и характер развития земледельческих обществ Месопотамии, Ирана, Средней Азии, Юго-Западной части Украины (трипольские племена так и не создали реальных городов) и условия их перехода на исторически новый уровень социального развития – к цивилизации. В одних случаях – это высокая динамичность и оптимальный уровень проявления процесса, высокая результативность и авангардная роль в таком переходе – древний Шумер;

в других – затянута, менее выраженные и усложненные формы прогрессивного движения, характеризующие так называемые в литературе "вторичные цивилизации" – например, общества эпохи бронзы Южного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана и др. Переход к цивилизации здесь происходил позже и при более высоком уровне "саморазвития" этого процесса в целом. И, наконец, выход на исторически новый уровень, на стадию цивилизации в конкретно рассматриваемый период не совершался (даже при освоении некоторых элементов содержания этого процесса), как это было в истории трипольского общества. В неравномерности такого развития не только раскрывается одна из важнейших закономерностей социального развития (особой формы движения), но и проявляется сложный характер цивилизационных процессов, объективно реализующих конкретное содержание последнего. Сложность рассматриваемых процессов проявляется не только в последовательном углублении их и одновременном вовлечении в них новых областей, в разной выраженности этих процессов в разных областях Ближнего и Среднего Востока, обусловленных спецификой развития конкретно-исторических обществ. Она раскрывается также в проявлении разных форм функционирования (в том числе и регрессивных) урбанистических явлений, например, возможности стандартизации их на определенном уровне, или своего рода "отступления", но при сохранении потенциальных возможностей дальнейшего развития в общем прогрессивно направленном потоке урбанизации. Глубокая историческая перспектива цивилизационных и урбанизационных процессов обуславливала их прогресс при всех сложностях – неравномерности, неодновременности, неравноценности и многоплановости – проявления в обществах огромной ойкумены раннеземледельческих культур в целом.

В самом процессе цивилизации (включая и образующий ее фактор – урбанизацию) существуют (и это уже отмечалось) разные уровни его осуществления, проявляемые, например, в их пространственно-временных характеристиках, последовательности и характере распространения всех цивилизационных, а поэтому урбанизационных преобразований.

В настоящее время наибольшее внимание уделяется временным различиям, последовательности осуществления таких преобразований. Что касается временных различий, то практически большинство исследователей выделяет два основных этапа становления цивилизации – IV тыс. до н.э., на которое приходится так называемая "городская революция" в Южном Двуречье, и III–II тыс. до н.э. – время формирования так называемых цивилизаций второго порядка, вторичных цивилизаций (в областях Малой Азии, Средней Азии, Афганистана и т.д.), или цивилизации второго этапа. В эти определения вкладывается разный смысл и понимание: в одних случаях они рассматриваются как менее выраженные и менее развитые формы проявления цивилизации, в других – как второй эшелон этого процесса и т.д. В настоящее время обсуждение проблемы типологии цивилизации в целом, а также вопроса о вторичных цивилизациях заметно активизировалось.

Поднимая вопрос о типологии цивилизации, К.К. Ламберг-Карловский в числе наиболее ранних выделяет цивилизации Месопотамии – шумерскую, Центральной Азии – Намазга и Индийскую – Харалпы³³. В рамках существующей и хорошо известной концепции цивилизации "древнейшего ближневосточного типа", распространение и радиус действия которой обсуждаются, выделяются разные пути и внутренние связанные с ним типы – подтипы цивилизации. Так, например, В.И. Сариниди говорит о месопотамском пути (Шумер, Египет, долина Инда) и западноазиатском (Анатолия, Иранское плато, Центральная Азия)³⁴. О различии типов городских поселений "трех культурных регионов" древневосточной цивилизации – Шумера, долины Инда и Южной Центральной Азии – пишет Ф.В. Кол³⁵. В дифференцированном познании процесса цивилизации, в том числе в плане последовательности охвата им новых территорий, особое место занимают географический фактор, активно участвующий в обеспечении экономических оснований исторического прогресса обществ системы раннеземледельческих культур.

Придавая важное значение в характеристике условий развития конкретных обществ географическому фактору и связывая его, в частности, с формированием ирригационных систем в зонах древнейшей цивилизации, Ф. Кол отмечает: "Так, очевидно, например, что практика ирригационного земледелия обязательно ведет к появлению сходных управленческих решений по координации циклической деятельности и по хранению и распределению прибавочного продукта. При этом появляется необходимость документировать то, как отдельные приречные режимы отличаются друг от друга по физическим характеристикам и, следовательно, по исторически детерминированным средствам управления". Бутцер, по его словам, показал, например, "как в системе административного деления Египта времен фараона на отдельные номы нашло свое отражение естественное подразделение бассейнов Нила на паводковые районы и как этот факт привел к появлению организационной системы, фундаментально отличающейся от системы, созданной шумерскими городами-государствами вдоль Евфрата"³⁶. На основе особенностей организации ирригации и шире земледельческого хозяйства в целом В.М. Массон проводит своего рода типологию цивилизаций при учете, однако, всего комплекса культурно-исторических факторов в характеристике обществ различных областей и регионов. Им было выделено три типа древних цивилизаций: 1) "цивилизации, основанные на ирригационном земледелии, дающем огромный прибавочный продукт (распространен наиболее широко и представлен в Шумере, Египте, Харрапе, иньском Китае, Перу периода мочика); 2) цивилизации с экономикой, основанной на тропическом подсебно-огневом земледелии (культуры Мезоамерики, и в первую очередь майя); 3) цивилизация с земледелием средиземноморского типа, при котором основные усилия были направлены на сохранение в почве влаги осадков и в связи с этим на частую вспашку и рыхление (наиболее ранний образец – крито-микенское общество)"³⁷. Однако возможности прогресса, роста городов, формирование сложных обществ

были неодинаковыми даже для одного типа. Так, для первого типа цивилизаций В.М. Массон выделяет (ссылаясь на И.М. Дьяконова) два подтипа: "централизованного ирригационного земледелия в бассейнах великих рек (шумерский путь развития) и орошаемого земледелия в условиях ограниченных водных ресурсов, включая ручьево-орошение (анадолийский)"³⁸. Процессы цивилизации и урбанизации этих двух подтипов существенно различались по темпу, объему, характеру формирования городских структур. Но именно орошаемое земледелие, при всех различиях форм его проявления, например, для Китая (Хуанхэ) и Месопотамии (Тигр и Евфрат) обеспечивало быстрый рост прибавочного продукта на фоне увеличения производительности труда и интенсивный (безусловно многопланово определяемый) процесс формирования новых структур. Именно в Месопотамии, в зоне орошаемого интенсивного земледелия созданы были (в сочетании действия многих факторов) условия, когда "высокие демографические параметры и интенсивный процесс урбанизации, связанный с ранним и бурным развитием ремесел и торговли, обуславливали появление крупных городских центров. Истоки их формирования восходят к началу IV тыс. до н.э."³⁹

Цивилизации второго подтипа складывались в условиях активного влияния со стороны существующих, заимствуя достижения последних – и в своем развитии прошли более длительный путь, – подчеркивает В.М. Массон. Несомненно особенности и возможности орошения как важнейшего технологического средства в организации земледельческой экономики сыграли важную роль в обеспечении условий прогресса и в дифференциации путей прогрессивного развития земледельческих обществ и формировании древнейших цивилизаций. В то же время в характеристике неравномерности развития важное значение приобретает и такой, но уже внутренний фактор – как вышеотмеченная степень развитости, структурированности и активности самого процесса, степени напряженности и плотности "потока цивилизации" – то есть само состояние процесса, обеспечивающего более или менее глубокое действие на общества, реально не вышедшие еще на уровень, необходимый для перехода к цивилизации (но внутренне уже готовых принять эстафету прогресса). Итак, разная степень подготовленности конкретных обществ рассматриваемой системы (уже породившей внутри себя новые, отрицающие ее саморазвитие цивилизационные явления), разные условия функционирования конкретно-исторических отношений взаимодействия (внутри обществ и между ними), разная степень прессинга более развитых культур обществ, уже вступивших в новую стадию (пусть даже со всем огромным грузом традиционных форм) и разная степень воздействия в разной степени структурированного на разных этапах самого процесса цивилизации – постоянно углубляли дифференциацию в проявлении последнего в его едином потоке перспективного развития.

В этой связи представляется важным отметить, что общества так называемой "вторичной цивилизации" (в данном случае имеется в виду, что они вступают в процесс хронологически позже) по существу в своем

развитии отражают как этапную (в специфической форме проявления в каждом случае), так и зональную (поскольку центральноазиатский, малоазиатский и т.д. пути цивилизации предстают как особые формы и уровни его) характеристику единого процесса цивилизации.

В связи с этим представляется, что сложившаяся концепция "цивилизации ближневосточного типа" по существу отражает особое состояние единого процесса цивилизации. Она объясняет практически состояние глубинных преобразований, связанных с переходом общества на исторически новый уровень цивилизации. В таком понимании эта концепция может быть принята в рамках предлагаемого мною здесь определения цивилизации как единого многоуровневого и многопланового процесса при уровневой характеристике последнего. В этом случае "ближневосточный тип цивилизации" предстает как тип-уровень для определения наиболее раннего этапа ее (цивилизации) проявления. В то же время такие региональные определения как шумерская, центральноазиатская, индийская цивилизация могут восприниматься как разные формы проявления этого процесса.

На всех уровнях и во всех формах проявления осуществления цивилизации именно урбанизационные процессы играли особо важную роль в становлении и развитии новой социальности. И поэтому неравномерность цивилизационных процессов в наибольшей степени проявлялась в разной степени реализации уже сформированной (разной по своим всеобщезначимым характеристикам для разных периодов) урбанизационной среды, по-разному выполняемой в разных условиях. Такие различия в степени и характере "выработки" урбанизационных процессов отчетливо прослеживаются при сравнительном анализе их в разных цивилизующихся обществах. Так, например, общества Алтын-Деле и Харалпы восприняли в достаточно (хотя и в разной степени) полной мере многие основные всеобщезначимые (составляющие основу новой социальности) элементы и свойства урбанизационной среды. В то же время они имели совершенно разные (при многих общих чертах) характеристики протекающих в них урбанизационных процессов. При сравнении Алтын-Деле и Сапалли в Средней Азии четко прослеживается потеря городских элементов во втором случае (памятник более поздний по времени). Однако здесь сохраняются и реализуются определенные уровни и элементы урбанизационной среды, восстанавливаемые на этой территории в более поздний период. На определенном неполном уровне вырабатывает урбанизационную среду и общество Маргианы и т.д.

В последнее время все в большей степени накапливается материал, позволяющий ставить еще одну проблему, связанную с характеристикой процессов цивилизации и урбанизации. Это проблема дифференциации и интеграции определенных содержательных свойств и явлений цивилизации и урбанизации, отмечаемых для ряда крупных регионов, своего рода зон, или так называемых некоторыми исследователями "культурных общностей" (включающих более мелкие единицы, объединения). Так, выделяются большие зоны, для которых фиксируются явно выраженные и устойчивые, объективно обусловленные

(каким-то сложным комплексом причин), внутренне общие для них особенности организации жизнедеятельности общества и развития культурных традиций в процессе цивилизации.

При "выполнении" цивилизации такие зоны создаются, как представляется и как свидетельствуют реальные, имеющиеся в нашем распоряжении данные, на базе усложнения цивилизационного процесса, при ускорении и углублении неравномерности его, в том числе за счет усиления очаговых центростремительных тенденций и углубления внутренних (снимающих напряжение общего потока) связей кумулируемых в этой зоне субъектов, элементов, структур. Обсуждая вопрос о формировании такого рода связей, В.А. Файрсервис, например, при рассмотрении проблем хараппской цивилизации поставил вопрос о сложении так называемых больших и малых традиций, охватывающих широкий круг культурно связанных областей. В этом плане в своих исследованиях он использует в качестве познавательного средства понятие "стиль". Под "стилем" В.А. Файрсервис понимает "следствие соединения местного образа жизни с тем общим, что характеризует какой-либо этап культурной эволюции в данный момент времени"⁴⁰ (добавим) в определенном, порой достаточно крупном регионе. Рассматривая в связи с этим особенности развития общества региона, "простирающегося в III–II тыс. до н.э. от Туркмении до берегов Инда", и устойчивость местных традиций, В.А. Файрсервис отмечает, что "видимо этим объясняются различия и сходство в культурных формах таких памятников, как Алтын-Депе, Шахри-Сохте, Тепе-Яхъя, Мундигак, а также памятников долины Инда-Кввета, Зоб Даралай, Лас Бела и самой хараппской культуры. В соответствии с редфилдовской традицией то общее, что проходит через эти регионы, – часть большой традиции, а то, что на все регионы не распространяется – местное, т.е. выражение особенностей местной общины как аборигенного уровня". В этом плане он считает, что для больших традиций «можно постулировать "диффузионный генезис"..., в то время как в случае местных стилей их необходимо рассматривать как следствие локальных процессов»⁴¹. Характеризуя культурный стиль круга районов Инда и Восточного Белуджистана, выступающих в качестве локального варианта, В.А. Файрсервис говорит об "индианизации", – которая связывается с комплексом четко вычленимых культурных особенностей и придает культуре Хараппы глубоко самобытный характер. Эти особенности позволяют ему проводить мысль о таком различии хараппской и месопотамской культур, которые заставляют ставить вопрос о невозможности принимать по отношению к хараппской культуре термин "цивилизация". В.А. Файрсервис пишет по этому поводу. "Исследования по культуре Инда до сих пор не дали еще никаких свидетельств ни о царях, ни об их дворах, ни армиях, ни о крупных жреческих корпорациях и храмах, ни о многочисленных городах и войсках, как не дали они свидетельств и о других чертах, характерных для месопотамского региона"⁴². И далее: "Создателей же хараппской культуры следует рассматривать как народ, принадлежащий к носителям культурных тенденций, характерных для обширных

территорий от Туркмении до индо-иранского пограничья, который сохранял при этом свой собственный местный колорит"⁴³.

Не обостряя внимания к позиции В.А. Файрсервиса на уровне оппорирования ему, в данном случае отметим лишь, что независимо от общей оценки взаимоотношения месопотамской цивилизации и хараппской культуры (как "выпадающей", по его мнению, из "цивилизации" в ее месопотамском понимании), большой интерес приобретает объединение им населения большого круга областей Центральной Азии в своеобразную общность, отличающуюся своим культурным стилем. Но последнее, как представляется, еще глубже подчеркивает единство и сложность процесса цивилизации в его многоуровневом и многообразном (принцип разнообразия и его действия в обеспечении устойчивости системы) проявлении, выразившемся в данном случае в своеобразной форме и, одновременно, в определенном уровне интеграции. В этом плане актуальной по своему содержанию представляется позиция Р.М. Адамса, который для периода III–II тыс. до н.э. подчеркивает сложность взаимодействия центра и периферии и сочетания консолидации и территориальной экспансии, характеризующих исторические процессы, происходящие на огромной территории Ближнего Востока (в самом широком его определении), связанные с явлением цивилизации⁴⁴.

Итак, III тыс. до н.э. предстояло на Ближнем Востоке как время нового состояния всей совокупности обществ, составляющих прежде огромный и сложный мир или систему обществ раннеземледельческих культур, в рамках которой происходили неравномерно осуществляющиеся, неравноценно проявляющиеся процессы формирования новых структур, разрушающих единство первобытной общности и обеспечивающих функционирование новых условий и форм организации жизнедеятельности. Происходили процессы цивилизации и урбанизации, неодновременно втягивающие (или не втягивающие) и не на равных уровнях различные племена разных областей, которые в этих процессах устанавливали свои связи и отношения и формировали особые "культурные союзы" и "культурные (в плане активного взаимодействия) общности". В этих сложных процессах цивилизации миру древней Месопотамии, где находились центры этого процесса "противостояли" географически прежде всего области Хараппской культуры, представленной памятниками долины Инда и датируемой около 2400–1800 гг. до н.э. "Несмотря на большое количество известных хараппских поселений, число которых достигает почти 1000, "...типология их слабо разработана, – отмечает В.М. Массон. – Имеются два крупных центра – Хараппа и Мохенджо-Даро и городки площадью от 5 до 12 га (Калибанган, Лотал, Котади и др.). Основную массу памятников составляют мелкие поселки нередко площадью до I га. Характерными признаками крупных поселений являются регулярная планировка и высокая степень благоустройства и организации внутреннего пространства"⁴⁵. Об общем уровне культуры и одновременно специфике жизнедеятельности свидетельствует наиболее крупный памятник Мохенджо-Даро. Площадь этого поселения – 260 га. Число жителей определяется в пределах 35000–41000 человек. Город пред-

ставляет собой правильно и четко спланированный организм. Для него показательны правильная застройка, четко сформированные кварталы, разделенные улицами. Самая широкая из них равнялась 10 м. Дома, построенные из жженого кирпича, отличались благоустроенностью, техническим совершенством. В домах имелись небольшие залы, внутренние дворы, туалетные комнаты, лестницы и колодцы⁴⁶. По магистральным улицам проходили подземные каналы, выложенные жженым кирпичом и перекрытые крупноформатным жженым кирпичом или известковыми плитами⁴⁷. Они служили для отвода сточных вод. Город делился практически на две части – "верхний" и "нижний". Верхний город или цитадель, как его называют, обособлена по отношению к так называемому нижнему городу. В верхнем городе или цитадели (в значительной части своей раскопанной) обнаружен большой бассейн высокого технического исполнения, главное зернохранилище, колонный зал и несколько строений, расположенных рядами и отгороженных друг от друга узкими улочками и переулками⁴⁸. Все технические приемы сооружения водоема и других строений свидетельствуют о высоком уровне строительного дела. Значительного уровня достигли и специализированные производства. Об этом свидетельствуют керамические изделия, выполненные на гончарном круге (само наличие которого как особого технического средства, увеличивающего производительность труда и отвечающего высшим творческим техническим достижениям своего времени – важное свидетельство развитости специализации производственной деятельности), металлические изделия и не только и не столько украшения, выполненные из золота, сколько бытовые изделия из меди и бронзы, но главное (как уже отмечалось выше) орудия труда (земледельческие орудия труда). Показательны печати с пиктографическими знаками на них, которые до сих пор не дешифрованы. Индийские ученые считают, что знаки хранят мысли, изложенные письменностью, которая по своему значению соответствует письменам Египта и Месопотамии⁴⁹. Как особая письменная форма передачи информации – пиктографические знаки хараппской культуры (в данном случае, независимо от степени развитости по отношению к месопотамскому письму, а именно по смысловой нагрузке) могут иметь существенное значение в уровневой характеристике этого общества.

Другим крупным поселением-городом была Хараппа. Подобно Мохенджо-Даро, Хараппа имела двучастное деление и выделенную на мощной платформе цитадель, благоустроенные дома, зернохранилище и т.д. Так же, как и в Мохенджо-Даро, здесь были обнаружены предметы высокоспециализированного производства. Очень важно отметить, что высокие качества изделий показательны и для других памятников (меньших по своему размеру), в частности металлических изделий Чанху-Даро, где были найдены формы для отливки топоров и других изделий. Что касается металлических изделий, то важно отметить использование приемов, устойчиво утвердившихся во всех развитых для своего времени областях Востока. Об этом свидетельствует как общий объем и характер находимых изделий и следов производства (например, яма, наполненная медью в Мохенджо-Даро, отстатки произ-

водства в Харappe и Чанху-Даро и др.)⁵⁰, так и технологические и технические нормы, демонстрируемые при их исследованиях.

В целом, объективно фиксируемые факты – размеры и характер памятников, организация поселений, объем и содержание строительных работ, характер отношений к уровню благоустроенности, дифференциация строений, содержание производственной деятельности, технико-производственный уровень труда, содержание духовной (по крупницам и опосредованно восстанавливаемой) жизни и информационных связей и т.д. – все свидетельствует о характере жизнедеятельности, не вписывающейся по своим нормам организации в рамки структур первобытного общества. Они соответствовали нормам наиболее передовых областей, вступивших уже на путь цивилизации. И главным здесь является даже не столько объемы и сложность строений и планировок поселений, сколько (в отличие, например, от древнейших цивилизаций майя) достаточно сложная по содержанию структурированная в своей совокупности специализированная промышленная деятельность.

В сочетании с высокоорганизованным земледелием, служившим основой экономики хараппского общества (судя по данным археологических наблюдения, здесь выращивали различные сорта пшеницы, ячменя, горох, кунжут, рис и, судя по находкам хлопковой ткани, хлопок и т.д.), специализированные виды разнообразной деятельности по изготовлению различного рода изделий характеризовали не просто высокий уровень развития всего производства (обеспечивающего широкие возможности накопления прибавочного продукта), но и сложную, многопланово дифференцированную и одновременно глубоко интегрированную на соответствующем уровне (см. выше) структуру последнего, обеспечивающую формирование соответствующих экономических отношений населения надобщинного уровня.

Важную роль в формировании таких отношений играла торговля, именно торговля, а не простой обмен (даже в его сложной и высокоорганизованной форме). О торговле хараппского общества свидетельствуют находки индийских вещей (печатей хараппского типа) в Южном Туркменистане, костей верблюда в Мохенджо-Даро, наличие отсутствующего в области лазурита и др. В настоящее время существуют интересные разработки темы торговли Индии⁵¹. Одним из важных и устойчивых направлений торговых связей называется область Южного Туркменистана. Доказательством существования такой трассы является, по словам В.М. Массона, "открытие на левом берегу Амударьи в Северном Афганистане поселения Шортугай, представляющего собой хараппскую факторию, которое... подобно открытиям в Бахрейне полностью подтвердило активное функционирование этой крупной торговой магистрали древности"⁵². Центром морской торговли Индии был гуджаратский Лотал⁵³. Е. Меллоун считает, что между Индией и Месопотамией существовал сухопутный торговый путь. О соответствующем уровне организации торговли свидетельствует наличие гирек разного размера, находимых как в Мохенджо-Даро, так и в других поселениях⁵⁴. Не менее важные показатели в характеристике торговых связей Индии – материалы индийского происхождения в месопотамских

памятниках, сведения письменных источников о привозе из страны Меллухи (Хараппа) черного дерева, золота, сердолика и т.д.⁵⁵

Существенным обстоятельством в определении культуры Хараппы является оценка социальной структуры общества. Исследуя социальную структуру индийского общества хараппской культуры, Б. Лал выделяет в нем три основные социальные группы – жречество, связанное с культовыми центрами, земледельцев и торговцев, образующих в его стратификации одну группу, представляющую основную часть жителей города, и так называемый "рабочий класс"⁵⁶, группу, обитающую, например, в Калибангане за пределами укрепленных обводоов.

В целом общество хараппской культуры предстает как сложное социокультурное явление, отражающее глубокие преобразовательные процессы в историческом развитии местных древних обществ, переходящих на новую стадию общественного развития.

Весь комплекс характеристик, формирующих облик хараппской культуры, свидетельствует, как уже отмечалось, об уровне и содержании жизнедеятельности общества, не вмещающегося в рамки норм первобытного общества и по существу отличающегося от последнего. В то же время вышеотмеченные характеристики находят соответствие в материалах памятников цивилизации Месопотамии. И, наконец, отмечается глубокое своеобразие памятников хараппской культуры и их связь с непосредственно предшествующими местными культурами и какая-то своего рода "замкнутость" (т.е. фиксация достаточно четких "хараппских" границ) при одновременном наличии устойчивых связей с иранскими и среднеазиатскими областями. Все эти особенности приобретают глубокий смысл при обсуждении проблемы происхождения хараппской цивилизации.

Существуют различные точки зрения на условия зарождения хараппской цивилизации. По мнению одних ученых, "идея цивилизации" привнесена в долину Инда из Месопотамии (М. Уилер, В. Тапер)⁵⁷; другие считают, что в основе лежат местные традиции, общий прогресс индийского общества, обеспечивающего переход к цивилизации (В.М. Массон, В.А. Файрсервис)⁵⁸. И, наконец, материалы раскопок в Иране, например, позволили поставить вопрос о безусловном влиянии памятников Ирана на процесс цивилизации в целом (К.К. Ламберг-Карловский)⁵⁹.

В предлагаемой автором настоящей работы концепции зарождение хараппской цивилизации предстает как составная часть сложного процесса перехода, перехода всеобщезначимого – от первобытности на исторически новую стадию исторического прогресса – к обществу классовому. В этом плане она не может быть оторвана от цивилизации месопотамской, не потому, что она привнесена из Месопотамии, а потому что в общесторическом своем проявлении этот процесс неделим. Исходя из понимания обществ раннеземельдерческих культур как исторической системы – системы, несущей прогрессивные тенденции и заключающей возможности такого прогресса, реализующегося в развитии конкретных обществ (не только в наибольшей степени технически

и производственно подготовленных, но и наиболее динамичных, способных воспринять новое и т.д.), можно говорить о соответствующем, разном уровне участия каждого (или практически несостоятельности такого участия) в глубокой исторически значимой перестройке всего общества.

Но в любом случае изменения, происходящие на уровне введения принципиально новых структур и новых условий их функционирования, не свойственных природе первобытного общества – это изменения, характеризующие состояние системы обществ раннеземледельческих культур, в которой уже происходили (независимо от степени охваченности) цивилизационные перестройки. Однако именно хараппская культура стала одной из наиболее ярких и мощных среди культур общества, включившихся в общий процесс уже начавшейся и развернутой цивилизации, уже имеющей тенденции, сформированные исторически в областях Месопотамии. Хараппская культура, возникающая как явление процесса цивилизации в целом, а поэтому как результат объективно обусловленных в рамках системы обществ раннеземледельческих культур общезначимых преобразований, отражала определенный, уже состоявшийся уровень и сформированность процесса, начатого в областях Ближнего Востока. Однако она определялась в своем генезисе также и степенью развитости местных культур, условиями их функционирования, особенностями связей и взаимодействия хараппского общества с населением прилегающих областей. Внутренние потенциальные возможности местных культур, условия функционирования и впитывание всего наиболее перспективного и, наконец, сила действия самих процессов уже начавшейся цивилизации определили позицию хараппской культуры на соответствующем этапе развития последней. Хараппская культура наиболее яркая из раскрывшихся в III тыс. до н.э. в Центральной Азии. Но она составная часть неравномерно, многоуровнево совершающегося процесса цивилизации как всеобщего, стадийного значимого явления.

Сложные процессы, связанные с явлениями цивилизации, проходили и в областях юго- и юго-западного Ирана, которые, несомненно, не могли не оказать и оказывали влияние на особенности развития области центральноазиатских областей и с III тыс. до н.э., играли заметную роль в историческом развитии всего ближневосточного общества.

Особое место в характеристике развития процесса цивилизации и урбанизации занимают Сузы – центр Элама. Осуществление урбанизационных процессов происходило здесь в тесной связи с шумерийскими традициями. Такая связь интерпретируется по-разному. Г. Чайлд, например, считал, что сходство памятников материальной культуры Суз с шумерийскими определялось проникновением в область Сузианы ремесленников-профессионалов из Шумера⁶⁰. К. Ламберг-Карловский говорит о колонизации Элама шумерийцами⁶¹ и, что очень важно, подчеркивает единство происходящих в этих областях процессов, связываемых с явлением цивилизации. В отличие от восприятия Шумера как представителя первичного государственного образования и Элама как вторичного государственного образования он предпочитает рассмат-

ривать шумеро-эламское взаимодействие в конце IV тыс. до н.э. как проявление единого процесса, ведущего к возникновению "иерархических государств в обоих регионах"⁶². В.М. Массон говорит о "сочетании спонтанной и стимулированной трансформации культуры Суз"⁶³. В любом случае в III тыс. до н.э. урбанистические явления в Сузиане не вызывают сомнения. Более того, К.К. Ламберг-Карловский считает возможным говорить об активной колонизации эламитами значительных областей Ирана⁶⁴. Находки на поселении Годин (Годин V) в Луристане, в Сиалке IV в Кашане, в Тали-Мальяне в Фарсе (площадь поселения которого равняется 45 га, а на территории найдены остатки специализированного – металлообрабатывающего производства) связываются с устойчивым комплексом явлений, сопровождающих процессы цивилизации, которые в указанный период III тыс. до н.э. и позже – на протяжении III–II тыс. до н.э. активно реализуются на территории Ирана.

К.К. Ламберг-Карловский указывает на то, что "археологические данные не подтверждают существования материальной культуры, единой для Суз, Мальяна, Шахри-Сохте и Тепе-Яхья в III тыс. до н.э., однако они свидетельствуют о значительной региональной интеграции внутри каждой из областей, в которых расположены эти городища. Район вокруг Маяльяна идентифицируется как Авшан на основании письменных источников, а имеющиеся отличающиеся от Мальяна материальную культуру богатые городища Шахдад и Тепе-Яхья, с общим для них стилем цилиндрических печатей, керамики и сосудов из хлорита, вероятно, лучше всего подходит для отождествления с эламским царством Мархаши"⁶⁵. Эти замечания крупного востоковеда-археолога имеют чрезвычайно важное значение для понимания характера (общего в целом для всех) содержания и форм (локальных, конкретных) проявления процесса цивилизации на соответствующем уровне его осуществления. Ниже мы остановимся на вопросе уровневой характеристики процесса цивилизации специально. В данном случае представляется важным отметить: во-первых, наличие в указанных областях особых состояний вызревания компонентов урбанизационной среды, то есть компонентов, не свойственных образу жизнедеятельности общинного общества; во-вторых, разнохарактерность (безусловно в определенных рамках) проявления отмеченного процесса. Для конца III – середины II тыс. до н.э. примером, характеризующим особенности формирования городских традиций на территории Ирана, может служить поселение Шахри-Сохта, нижние слои которого относятся к концу IV – началу III тыс. до н.э.

Поселение занимает площадь разную в разные времена с 3200 по 1800 гг. до н.э., М. Този считает, что максимальные его размеры достигали 150 га⁶⁶. Поселение плотно застроено домами на 6–10 комнат, площадью до 150 м². Показательна развитость специализированных производств. В этом плане необходимо отметить выделение в 2,29 км к юго-востоку от Шахри-Сохта специализированного участка по изготовлению керамики, известного под названием Руди-Биябан⁶⁷. Наличие гончарных печей, использование гончарного круга⁶⁸, выделение особого

производственного центра, связанного с керамическим производством, – важные показатели в характеристике экономического потенциала конкретных поселений рассматриваемого периода. Кроме керамического производства здесь отмечается обработка лазурита для дальнейшей, транспортировки его, обработка металла, камня, изготовление каменных бус. М. Този, анализируя продукцию Шахри-Сохте, распространение и особенности концентрации изделий, а также восстанавливая характер работ, необходимо связываемых с реконструкцией их производства⁶⁹, раскрывает довольно сложную картину организации специализированного труда в Шахри-Сохте, свойственную социальным организациям урбанизированной среды.

В Кермане в качестве такого урбанизированного организма выделяется Шаадад. Расположенное в юго-восточной части Ирана поселение занимало большую площадь, приблизительно 400 га, хотя в третьем тысячелетии площадь его, по словам исследователей, составляла не более 150 га. Раскопки, производимые Сальватори на этом поселении, позволили последнему обнаружить участок обжигательных печей и печей медеплавительных⁷⁰. Каменные изделия, печати, керамика, несмотря на всю определенную самобытность, несут следы общих особенностей производственных норм специализированного труда, отмечаемых для урбанизируемой зоны. В отличие от вышерассмотренных поселение Гиссар, расположенное в северо-восточной части Ирана, имеет небольшие размеры – всего 12 га. Однако М. Този подчеркивает, что несмотря на это, Гиссар характеризуется широким развитием ремесленного производства и что практически почти четверть его связана с разного рода производствами, приводя в качестве иллюстрации схему памятника с соответствующими обозначениями⁷¹. Специализированные производства имели уже определенные местные традиции. Во всяком случае значительные изменения в металлургии отмечены здесь еще для стадии Д второго периода. "С этими переменами, – пишет М. Този, – связаны литейные формы, облицовка горнов, медная стружка и огромное количество шлаков". Почти 8,15% поверхности Гиссара было покрыто рассеянными шлаками, в среднем примерно 4 куска шлака на 10 кв.м. Эти россыпи шлаков сконцентрированы на Южном Холме (500 кв.м), на площади Расписной керамики (150 кв.м) и вокруг холма Блинецов (8100 кв.м). Систематические сборы выявили руду медную, куски гематита, литейные шлаки и фрагменты облицовки печей. Обнаружены фрагменты литейных форм для производства металлических заготовок, которые позднее отковывались в изделия⁷². Отмечается высокая температура термической обработки (1220°). Характер материала, распространения его, технические приемы и т.д. – все свидетельствует о достаточно высокой степени специализации и организации (в данном случае) металлообрабатывающего производства, четко соответствующих типам и формам их, характерным для ряда областей Востока, в частности Центральной Азии периода IV–III тыс. до н.э. В этом плане Гиссар как бы входит в поток определенно направленных изменений в системе обществ раннеземледельческих культур, связанных с формированием новых форм организации труда на

новой технологической основе, даже при сохранении основных технологических принципов предшествующего периода.

Не менее важны показательные для характеристики уровневого состояния общества Гиссара погребения, где были обнаружены многочисленные изделия из бронзы, серебра, золота, бирюзовые бусы и т.д., свидетельствующие в какой-то степени о высоком художественном вкусе их производителей, об общем экономическом потенциале общества и, возможно (при других показателях), о наличии стратификации общества, проявляющейся в соответствующей форме.

В целом новые данные, полученные в результате повторных исследований Гиссара, проведенных Р. Дайсоном, позволили исследователю отметить факт достаточно раннего включения Гиссара в движение дезорганизации традиций функционирования обществ раннеземледельческих культур на уровне общинных норм и становления исторически новых форм жизнедеятельности, связанных с процессами цивилизации. Так, Р. Дайсон, отмечает, что новые данные указывают на существенные перемены в экономической и социальной структуре Тепе-Гиссара, начиная, примерно, с 3000 г. до н.э. В то же время он пишет, что "нет никаких указаний на изменения в экологии, технологии или демографии. Общество продолжало заниматься земледелием и скотоводством, и вдобавок охотой и собирательством. Оно использует те же ресурсы и ту же технологию"⁷³. Что касается последнего, то Р. Дайсон явно несколько противоречит себе, так как неоднократно подчеркивает высокий уровень специализации ремесленного труда, высокие технические показатели изделий.

О том, что в разных областях Ирана происходили изменения на разном уровне и в разных сферах, характеризующие принципиально значимый прогресс общества, осуществляющийся в период IV—III тыс. до н.э., связанный с переходом его на исторически новые позиции, свидетельствует довольно большой объем конкретных данных, в частности археологии. Так К.К. Ламберг-Карловский в связи с характеристикой Яхья-Тепе заявляет, что "в результате физико-технического анализа металлов, керамики и хлоритов из Тепе-Яхья и современных ему памятников Иранского плато установлено наличие нарастающего технологического прогресса и процесса культурного взаимодействия, характеризовавших этот регион в IV—III тыс. до н.э."⁷⁴

Усложняется ассортимент продуктов производства, отмечаются активная дифференциация и специализация производственной деятельности. Происходят изменения в поселенческой организации общества, характеризующиеся, в частности, насыщением ряда областей Ирана населенными пунктами, усложнением их связей и выделением более крупных по отношению к другим центров. Сопоставляя данные об организации поселений в Иране с соответствующими материалами по Месопотамии, Дж. Джонсон подчеркивает специфику поселенческих систем Иранской Сузианы, в целом, во-первых; различие в системе расселения Западной и Восточной областей Ирана, во-вторых⁷⁵. Однако главными остаются – реальность соответствующей организации поселенческих систем, отличных от более ранних (свойственных ранне-

земледельческому обществу как таковому), и сочетание процесса структурирования новой системы расселения с комплексом значимых нововведений технико-технологического порядка, производственного и социального характера.

Весь комплекс изменений, отмечаемых для Ирана по данным археологии, свидетельствует об исторически новом состоянии иранского общества в рассматриваемое время. Период второй половины IV– первой половины III тыс. до н.э. все более отчетливо и убедительно предстает как время большого перехода в исторически новое состояние не только в областях Месопотамии. М. Този подчеркивает, что после 3200 г. до н.э. почти каждая туранская территория приобретала устойчивость в общем экономическом прогрессе, достигающем своей кульминации к 2500 г. до н.э.⁷⁶

Итак, для периода IV (в основном 2-й его половины) – первой половины III тыс. до н.э. в жизнедеятельности значительного числа обществ областей Ближнего Востока (в его наиболее сложном определении, включающем, в частности, области Месопотамий, Центральной Азии, долины Инда) отмечаются стабильно осуществляющиеся значительные, но главное специфические изменения, характеризующие нарушение целостности состояния и условий функционирования системы обществ раннеземледельческих культур. Эти процессы связывались с формированием не только новых элементов, но и собственных первоначальному обществу – технических, технологических, социальных (например, дифференциация захоронений, дифференциация строений и т.д.), но, главное, устойчивых связей их, обуславливающих развитие исторически новых социальных структур. И весь указанный период в его всеобщезначимой оценке может быть представлен как период становления цивилизации, период перехода к исторически новому уровню социальности – к обществу классовому – перехода, необходимым моментом которого является урбанизация.

Структура же этого перехода, условия его осуществления имеют сложный характер как в пространственном, так и во временном значении. В тот период, когда уже значительные области охвачены были этим процессом, по-разному проявляющемся в областях Ближнего Востока, целый ряд других областей, находящихся в контактах с выше-рассмотренными, в основном сохранял традиционные нормы жизнедеятельности. Так, например, в Центральной Анатолии к середине III тыс. до н.э. еще не было крупных раннегородских центров кроме Бейчесултана. Очевидно в областях Южного Туркменистана так же сохранялись прежние принципы функционирования общества. Однако уже к концу III – началу II тыч. до н.э. определяется новая ступень цивилизационных процессов. Последние характеризуют, во-первых, интенсификация и усложнение структуры их в областях первоначальных центров; во-вторых, формирование новых районов и областей проявления цивилизационных процессов.

Это процессы, порожденные всей системой обществ раннеземледельческих культур, но отрицающие ее и характеризующие исторически новый уровень организации и развития общества приобретают с сере-

дины – начала III тыс. до н.э. новые показатели, новые специфические черты.

К последней трети III тыс. до н.э. существовала уже достаточно высокая плотность так называемой урбанизационной среды, широкое пространство урбанизирующейся зоны и действия соответствующих структур. Третья династия Ура, обеспечивая максимальную централизацию экономики и политической власти, была порождением сложных урбанизационных процессов, активизировавшихся во второй половине III тыс. до н.э. и охвативших значительные области Ближнего Востока. Главное, шумерская цивилизация нижнего Евфрата при всей значимости шумерской колонизации и преобразующего действия ее влияния, являлась в это время лишь наиболее активной формой осуществления единого процесса цивилизации. С экономикой Нижней Месопотамии, например, была тесно связана экономика Эблы, расположенной к востоку от Левантийской гряды, так же как и экономика Библа, расположенного к западу от этой гряды, была связана с Египтом.

Поселение Эбла размером в 56 га, в период 2500 – 1500 гг. до н.э. играло важную роль в культурной и экономической интеграции значительной области. П. Маттиэ, определяя историческое значение Эблы, подчеркивает важность в связи с этим открытия "густой сети контактов с Верхней Месопотамии, на территории которой крупными семитоязычными гордскими центрами на западе и хурритоязычными на востоке были созданы государственные образования огромного исторического значения, простиравшиеся между Евфратом и Белихом и между Хабуром и Тигром"⁷⁷. Продолжая эту мысль, важным представляется обратить внимание на то, что в рассматриваемый период существует не случайно возникшая совокупность городских поселений, а сложная система взаимосвязанных урбанизированных структур, обеспечивающих функционирование и развитие высокоорганизованного общества с развитой экономикой, с развитыми формами социальной организации, уже далеко не соответствующими состоянию первобытного общества. Реальное наличие таких достаточно глубоко урбанизированных структур приобрело всеобщее историческое значение, характеризую исторически новое состояние общества в передовых областях Ближнего Востока и поэтому новый этап общественного прогресса и новый уровень урбанизации. Открытие государственного архива в административном секторе дворцового комплекса города Эблы (древние слои ее разрушены около 2500–2300 гг. до н.э.), археологические находки и топографическое и архитектурное решение пространства на протяжении всей его истории дают картину жизни города-государства вне рамок шумерской метрополии – города "господствовавшего над значительной частью Верхней Сирии и Верхней Месопотамии"⁷⁸.

Мощный монументальный дворцовый комплекс и сведения о скоплении товаров на централизованных складах, но главное их движение и характер, а также назначение, свидетельствует о том, что здесь речь идет не просто о накоплении сокровищ, а о собирательных, распределительных и организационных функциях административных комплексов. На складах сосредотачивался большой объем изделий, сырья. Так

в одном годовом отчете "отмечены 14615 бронзовых полос... Поскольку минимальный вес этих полос составлял около 10 сиклей (то есть 77 граммов), то общий вес передаваемого на склад металла должен был составлять по меньшей мере 11 центнеров. Далее сообщается о 100 золотых полосах (около 8 кг) и 840 серебряных полосах (64 кг) как поставке (mu-tú-um) города Дулу"⁷⁹. Дворец был не только хранителем значительного богатства, которое подвергалось учету (притом, как вытекает из данных письменных табличек, по определенным периодам, годам и центрам), но и объектом, организуя производственную деятельность не только для нужд большого хозяйства дворца. Археологические данные и материалы письменных табличек свидетельствуют, что Эбла была крупным торговым центром. А. Арки указывает, что дворцу в самом широком смысле (то есть с принадлежащими ему хозяйствами) противостояли пригородные поселения – uḡu-baḡ. Особый интерес представляют объединения (поскольку среди них отмечаются и специализированные) под уже упоминающимся названием é-duru – дом. "Последние перечислены по деревням, к которым они относятся, причем все деревни", – отмечает А. Арки, – судя по описаниям таблиц "представляют совершенно аналогичные образования"⁸⁰. Среди них дома земледельцев, виноделов, рабов дворца, но, главное, уже выше названные "дома ремесленников – кузнецов, плотников".

Для нас важно, что при любых формах отношений – дворца и "домов" (непосредственно зависимых от вельмож, которым они могли раздаваться в управление или др.) они показатель разрушения собственно общинных форм связей и в рассматриваемой области. К вышесказанному можно присоединить следующий установленный и защищенный И.М. Дьяконовым факт, что "повсюду на Ближнем Востоке государственный (храмово-царский) сектор возникал как выдел из общинной земли, обеспечивавший городской общине содержание войска, администрации и продовольственный резерв для обмена и на случай стихийных бедствий"⁸¹. В такой ситуации функционирование храмово-царского сектора обеспечивает, с одной стороны, стабилизацию общинных отношений, поскольку жестко регламентирует определенные нормы таких отношений, выгодных храмам и дворцам, с другой, – разрушение их новыми институтами, не только расширяющими, но и углубляющими развитие отношений новой зависимости, а также обеспечивающими организацию производственной деятельности на новых условиях кооперации. В целом Эбла характеризует достаточно высокий уровень процессов цивилизации и урбанизации. "Царство Эбла, – пишет И.М. Дьяконов, – оказалось большим для эпохи Ранней бронзы городом-государством – вроде прославленного шумерского Лагаша – но все же только городом-государством"⁸². Х. Кленгель, рассматривая социальные проблемы Эблы, отмечает в этом плане – "Сам же царь был главой урбанизированной территории, а не племенной конфедерации, так как, насколько можно судить по имеющимся данным, население внутри Эблы и вокруг нее группировалась по территориальному, а не по родовому, племенному или этническому принципу"⁸³. В целом Эбла определяется исследователями

как особая самостоятельная цивилизация – "северносирийская речная цивилизация, сверстница речных цивилизаций Египта и Шумера, третья цивилизация среди начинательниц великих культур древнейшего Ближнего Востока еще в III тыс. до н.э."⁸⁴ Одним словом, открытие Эблы позволяет нам наблюдать процессы цивилизации и урбанизации на уровне уже имеющих определенную историческую дистанцию осуществления и поэтому в более насыщенном их проявлении при более широком пространственном охвате, т.е. на исторически определенном уровне их развития.

В качестве существенных моментов, имеющих важное значение в изучении особенностей урбанизационных процессов на рассматриваемом этапе их осуществления, можно назвать, в частности, следующее.

1) Независимо от всех различий, связываемых, в частности, с особенностями естественно-географической среды (влияние которой на формирование управленческой системы и консолидацию населения, особенно в зоне больших рек, оценивается исследователями очень высоко), а также последовательности осуществления, можно говорить о глобальных в III – начале II тыс. до н.э. перестройках в организации жизнедеятельности народов Ближнего Востока. Процессы цивилизации и урбанизации приняли всеобщий характер не только по своему значению, но и степени охваченности ими значительных областей, входящих в территориальные рамки функционирования системы обществ раннеземледельческих культур. Объективно формировалась особая сложная совокупность, включающая не только системные связи образующих процесс урбанизации структур, элементов, но во все большей степени приобретающая свойства и качества системной целостности. Формировались межрайонные, межобластные, международные отношения взаимодействия таких структур и объективно устанавливались закономерности, нормы функционирования всего разнообразия этих отношений в особом социальном пространстве. Множественность и разнообразие обеспечивали соответственное состояние и уровень урбанизирующейся (еще в первоначальном проявлении) зоны и структуру урбанизирующегося пространства, особую содержательную сущность урбанизационного процесса в его конкретно-историческом проявлении и в динамике развития. В системе связей Шумер, Египет, области Восточного Средиземноморья с такими городами как Библ, Сирии, области Северной Месопотамии, представленные такими городами как Мари, Абарсаль, формировались и укреплялись новые отношения мира цивилизации.

2) Особенности производственных и социальных отношений, характер всей жизнедеятельности, фиксируемые по археологическим материалам и письменным источникам, относящимся к III и II тыс до н.э., соответствуют уровню сложно дифференцированных общественных структур, природе классового (т.е. основанного на стоимостных нормах и принципах частной собственности) общества или "городской цивилизации".

3) Экономический потенциал и структура экономической жизни городов Ближнего Востока обеспечивают устойчивость их специфи-

ческой функциональной нагрузки и преобразующего действия на все сферы жизнедеятельности общества.

Основанием же развития социально-экономической базы города выступали ремесло и торговля, наращивание объема и усложнение структурной организации которых происходило в конце III и на протяжении II тыс. до н.э. выражено активно. Воздействие последних не только на формирование особой экономической сферы урбанизационных процессов, но и на углубление неравномерности динамики их проявляется достаточно эффективно в силу действия объективных законов дифференциации по-разному функционирующих за счет разницы производственных и торговых потенциалов разных центров.

Развитие ремесла и торговли, выступающее как необходимое условие урбанизационных процессов, становится во второй половине – конце III – II тыс. важным и активно действующим фактором в социально-экономической жизни общества. Определяются новые формы и уровни развития этих экономических сфер, расширяются границы и возможности их организации.

Но, главное, укрепляются и развиваются отношения взаимодействия и формируются более четко и интенсивно общие задачи, принципы и условия их функционирования. Это достаточно убедительно прослеживается по материалам архивных документов и раскрывается, в частности, в формировании и росте специфических торгово-ремесленных структур, центров, торговых общин, новых контактов ремесленников и торговцев. Те и другие играют в этот период особую роль не только в расширении новой собственно экономической сферы, но как катализатор развития частнособственнических отношений и поэтому урбанизационных процессов.

Показательны в этом плане взаимосвязи крупного торгового центра города-государства Ашура на среднем Тигре и сравнительно небольшого малоазийского вышеупомянутого городка Каниша, сыгравших важную роль в развитии культурно-экономических отношений населения Месопотамии и Малой Азии, а поэтому в развитии интегральных процессов в зоне активной урбанизации. В городе Канише процветало торговое объединение, особенности функционирования которого (восстанавливаемые по археологическим и письменным источникам) позволяют в определенной степени проследить характер и механизмы формирования и развития экономических структур урбанизирующегося общества. В результате археологических раскопок здесь обнаружено большое количество глиняных плиток с клинописными текстами (в настоящее время в музеях Европы и Турции собрано около 15 тыс., таких плиток)⁸⁵ торговой канишской организации. Уже далеко не полное (опубликовано 15%, в науку введен материал и не опубликованных отдельных табличек) знакомство с ними позволяет восстановить не только многие, чрезвычайно важные особенности организации и шире характер торгово-производственной сферы конкретного и стратегически важного пункта, но и определить в значительной степени уровень урбанизированной сферы района через осмысление его как конкретного компонента урбанизированного пространства. Т. Эзгюч,

много лет руководивший раскопками этого памятника, в одной из последних крупных своих работ, а именно втором сводном отчете, вышедшем в 1986 г., специально организует огромный материал с конкретной целью дать торгово-производственную характеристику карума Каниша, который по словам автора, дает "детальную картину первых торговых структур древности"⁸⁶.

Характеристика некоторых особенностей торгово-производственной организации Каниша, по данным Т. Эзгюча, нашла отражение в рецензиях на упомянутый отчет-монографию Т. Эзгюча, Е.Н. Янковской и автора данной работы⁸⁷. Важные стороны экономической жизни торгового мира: объем и характер торговых сделок, особенности взаимоотношений торговцев всех уровней рассматриваются в исследованиях М.Т. Ларсена⁸⁸, В. Лимана⁸⁹, Н.В. Янковской⁹⁰. В данном случае представляется необходимым на основании всех имеющихся в этом плане материалов выделить те особенности функционирования Каниша, которые определяют город Каниш в рамках уровневой характеристики урбанизации и которые раскрывают тенденции развития торгово-производственной сферы и роли последней в развитии урбанизационных процессов в рассматриваемый период. Важно отметить уже само выведение Каниша на уровень специализированного практически собственно торгового города. Мощная торговая община Каниша, составляющая вместе с приписанными к ней иноземными купцами международное торговое объединение, ведущее крупную торговлю в Малой Азии, Северной Сирии, формировалась и функционировала на собственно торговой основе, независимо от состояния всех других видов составляющих ее элементов. Оставаясь гражданами тех государств, с которыми они были связаны по происхождению, эти иноземные для Каниша купцы образовывали при местной канишской торговой общине (kağm) самостоятельные организации частных торговых обществ, представляющих группы купечества и ведущих в Малой Азии и Северной Сирии торговлю на основе договоров местных правителей с торговым объединением Каниша (см. выше)⁹¹. Не родовые и даже не территориальные, а собственно производственные и торговые отношения становятся основанием формирования этого совершенно особого явления, не только разрушающего границы общинных отношений, но и иллюстрирующего чисто коммерческий принцип функционирования Каниша, международный характер его. Именно в силу космополитичности интересов спекулятивной торговли, которые стояли выше всех других в системе формирующегося торгового мира, последняя выступала специализированным и практически разделенным (отделенным) и отдельным видом деятельности (при всех формах зависимости от дворцовых, государственных структур). Структурно и сущностно она уже связана с особой исторически определенной социальностью и с урбанизированными общественными структурами.

Важной особенностью в организации жизнедеятельности Каниша, с точки зрения оценки урбанистических тенденций, проявляемых в рассматриваемый период, является активное, интенсивное развитие и высокий потенциал ремесленного производства, организуемого на частной

основе. Судя по характеру планировки и организации мастерских, а также данным архивных документов, в частности, о взаимосвязях торговцев и конкретных ремесленников такие мастерские имели высокий статус. Рассматривая мастерские Каниша, Т. Эзгюч подчеркивает одну очень важную особенность их организации, имеющую большое значение для характеристики развития специализированного труда, развивающегося в рамках уже достаточно длительное совершающейся урбанизации на определенном уровне ее всеобщего движения. Мастерские разбросаны хаотично и, как отмечалось выше, не составляли единый, структурно выделенный в топографической организации города, производственный центр (как это известно, например, для других городов); они функционировали довольно самостоятельно. То есть, здесь более глубоко выполнялась тенденция индивидуализации ремесленника на соответствующей основе и в особой ситуации организации города Каниша. Индивидуализация ремесленного труда в ее разных формах (в том числе и в виде специализированных большесемейных общин) и все большее общественное выделение ремесла здесь сопровождалось большим углублением процесса индивидуализации мастера, все более, активно вступающего в деловые существенно значимые для него стоимостные отношения.

Дифференциация, специализация и индивидуализация (во всей полноте содержательной и структурной представленности) промышленного труда является, как отмечалось, необходимым условием отторжения его продукта, формирования новых частнособственнических отношений и поэтому углубления оснований урбанизационных процессов. Достаточно глубокая для своего времени и четко выраженная прогрессивная направленность специализации и разных форм индивидуализации деятельности (и прежде всего в сфере производства и обмена), прослеживаемые в Канише и обусловленные объективно сложившимися функциями и характером его функционирования – убедительное свидетельство активного выполнения этой тенденции в рассматриваемый период – II тыс. до н.э. Даже при нарушении темпов развития и определенном спаде или "замораживании" урбанизационных процессов в ряде областей, отмечаемых во II тыс. до н.э., эта тенденция – специализации и индивидуализации деятельности (действующая как важный фактор развития общества в целом) – сохраняет свои потенциальные возможности, в том числе в областях, потерявших темп прогресса. Здесь происходила некоторая стабилизация определенных, уже достигнутых урбанизированных форм организации жизнедеятельности, а в соответствующих условиях осуществлялось восстановление-активизация на их основе явлений урбанизации. В своем расширении и реальном многоуровневом и разнохарактерном осуществлении дифференциации, специализации, интеграция и индивидуализация труда обеспечивали, однако, во II тыс. до н.э. не только интенсификацию прогресса урбанизационных процессов, но и дальнейшее углубление неравномерности их осуществления (в силу разных объективных условий и возможностей их реализации в процессе развития новых отношений).

Наконец, важным фактором, углубляющим, стабилизирующим процессы урбанизации в рассматриваемый период является формируемая на основе активного развития ремесленной и торговой деятельности особая (объективно внутренне обусловленная) связь ремесленного труда и торговли. Например, в Канише, кумулирующем торговые отношения значительной области, эта связь проявляется, естественно, в более выраженной, чем в других случаях, форме. Такая взаимосвязь определялась потребностью в создании условий оптимальной реализации продукта их специфической деятельности и в утверждении необходимого статуса, обеспечивающего не только возможность реализации этого продукта, но и расширения соответствующей деятельности. Последнее требовало координации сил в плане обеспечения противостояния, как общинным путам, так и храмово-дворцовому хозяйственному сектору (социально и экономически), в том числе противостояния формам организации специализируемого труда в них.

В то же время в общей ситуации еще относительно слабого (в целом) развития товаро-денежных отношений в рассматриваемый исторический период "торгово-ремесленная" специализация Каниша и "содружество" производителей и распределителей продукта, заключающего стоимостную характеристику, выполняли свою конкретно историческую роль.

Что же касается храмово-дворцовых комплексов, не только кумулирующих, но и реализующих прибавочный продукт, когда в обменные отношения попадал порой значительный объем продукции храмовых хозяйств, то обеспечивая специализированный труд в мастерских, они, хотя и выполняли определенную роль в стабилизации и организации торгово-производственной деятельности, в основном (в рассматриваемый период – конец III–II тысячелетия до н.э.) выступали как факторы, сдерживающие предпринимательскую деятельность. Свободные же (в рамках исторически определенных форм) ремесло и торговля заключали тенденцию прогресса в развитии экономики и социальных структур.

И в начале–середине II тысячелетия до н.э. уже сформировался особый блок ремесленно-торговых отношений, как уже состоявшееся в историческом масштабе, но на соответствующем уровне явление, обеспечивающее оптимальную для своего времени ситуацию развития экономики урбанизирующегося общества. Изменилась и личностно-индивидуальная позиция торговцев и ремесленников в системе экономических связей. Проблема характера и содержания развития "отношений" представителей ремесленно-торговой сферы, несмотря на наличие соответствующих данных, остается еще мало изученной и требует специального направленного анализа таких данных. В то же время имеющиеся исследования четко фиксируют совершенно определенную, как уже отмечалось, эволюцию отношений и места ремесленников и торговцев. М.А. Дандамаев, например, освещая роль тамкаров в Вавилонии II и I тыс. до н.э., отмечает, что "в Шумере при Лугальанде и Урукагине тамкар являлся государственным человеком, в руках

которого была сосредоточена внешняя торговля". При III династии Ура тамкар являлся торговым агентом храмов и правителей, кроме того "он стал заниматься также местной торговлей в своих интересах, и, кроме того, давал ссуду деньгами, а также имел большие земельные владения". В начале II тыс. до н.э. тамкары постепенно "превратились в самостоятельных профессиональных купцов"⁹². В данном случае важно подчеркнуть хорошо фиксируемую по источникам и отраженную в работах исследователей, эволюцию "частной инициативы в торговле"⁹³ и явную реализацию этой тенденции во II тыс. до н.э. Во II тыс. до н.э. "купец", все более четко осуществляющий частные операции и, выделяясь в социальном сознании как представитель особого рода деятельности, которая уже социально-психологически определена, все в большей степени выходит на частнособственнической основе на собственно производственные сферы, на ремесленников. Отношения их взаимодействия разные.

Мы уже знаем о купце и руководителе производственной литейной мастерской Энацире, совмещающем торговые и производственные функции. С ним на частной основе вступали в связь ремесленники. Сложные частного характера, но тесные отношения связывают купцов Каниша, представляющих торговую общину, и ремесленников, достаточно самостоятельных в своих действиях и индивидуально работающих порой в крупных мастерских.

Одним словом, во II тыс. до н. э. торгово-ремесленный блок выступает как саморазвивающееся, имеющее уже определенную историческую дистанцию, явление. Сформировалась достаточно прочная устойчивость такого состояния взаимодействия все развивающихся на частнособственнических началах структур, порождающая новые закономерности функционирования последних. Формируются новые принципы связей таких структур со всеми остальными явлениями и структурами социально-экономической организации общества. Определилась та полнота накопления новых связей, которая оказывала уже не только достаточно активное образующее действие на развитие всей жизни общества, углубляя процессы урбанизации, но и сама требовала нового уровня и пространства действия.

Итак, в историческом развитии цивилизационных и урбанизационных процессов на протяжении IV–II тыс. до н.э. происходит усложнение их структуры и содержания не только за счет "накопления" элементов, составляющих урбанизационную среду, развития содержательного, функционального и субстанционального начала ее, но и за счет расширения пространства ее действия, что обеспечивало разнообразие и многообразие проявления этих процессов и, в то же время, усложнение реализации их, неоднородности, неравноценности.

Проблемы особенностей осуществления и расширения процесса цивилизации и характеристики его на разных этапах временной дистанции становятся в последние годы все более актуальными. В настоящее время сложилась достаточно сложная ситуация в их обсуждении.

В контексте рассматриваемых в данном разделе вопросов необходимо лишь отметить наличие нескольких позиций в объяснении условий

расширения сферы действия процессов цивилизации и урбанизации, различия которых при всей кажущейся непринципиальной значимости приобретает в характеристике и исторической оценке рассматриваемых явлений важный смысл.

Существует точка зрения, согласно которой в основе расширения сферы действия процессов цивилизации и урбанизации лежит явление инвазии, прихода в те или иные области нового населения, привносящего с собой новые традиции организации жизнедеятельности. Одним из оснований этого явления является колонизация. Важную роль колонизации в расширении процессов цивилизации на Ближнем Востоке видит К. Ламберг-Карловский. Так, разрабатывая модели взаимодействия разных областей Востока в процессе цивилизации и урбанизации на протяжении 3300–2400 гг. и выделяя "некий вполне определенный континуум повторяющихся структур", он значительное место, особенно для периода 3300–2900 гг., отводит, например, процессам колонизации шумерийцев и эламитов⁹⁴, и предлагает своего рода цикл структурных подобий – "конъюнктур".

Первая "конъюнктура" – около 3300 г. до н.э., по мнению К. Ламберг-Карловского, «представляет собой первую попытку месопотамских городов-государств колонизировать области, где жили менее "бюрократически" организованные общества со своей местной культурой. Приобщение их к цивилизации в результате колонизации "предлагало" этим местным культурам такие модели социальной, политической и экономической организации, которых дотопе не было в этих краях. Первая "конъюнктура" есть самое раннее свидетельство экспансионистских стремлений южномесопотамских городов-государств»⁹⁵.

Вторая "конъюнктура", относимая к 2900 г. до н.э., связывается К. Ламберг-Карловским с колонизацией эламитов. "После объединения протоэламского государства в Сузиане ок. 3300 г. до н.э. протоэламиты ок. 3000 г. до н.э. предприняли то, что делали шумерийцы в ходе первой конъюнктуры, они начали колонизировать чужие территории"⁹⁶.

Третья "конъюнктура" предстает более сложно. Она характеризует систему опосредованного взаимодействия, когда «более ранние шумерская и эламская экспансии, проявившиеся в прежних "конъюнктурах", привели к известным культурным переменам в областях, ранее резко отличных друг от друга по уровню культурного развития»⁹⁷. Эти области затем распространяли свою модель, вступая во взаимодействие с другими отдаленными районами. К концу III тыс. до н.э. "экспансионизм Турана, представляемого такими городами, как Алтын-Депе и Намазга-Депе в Средней Азии, может быть подтвержден находками предметов Намазга V–VI (около 2300 г. до н.э.) вблизи Мергарха около Боланского прохода в Пакистане"⁹⁸.

Концепция о трех этапах взаимодействия в процессе цивилизации областей Центральной Азии представляет большой интерес. По существу она соответствующим образом объясняет не только разную степень расширения области цивилизационных процессов во времени, но и усложнение последних, в том числе за счет разнонаправленности и разнохарактерности объектов связей. Содержание и характер такого

усложнения определяется многими факторами, как представляется необходимо дальнейшее углубление научной разработки самого явления взаимодействия, которое включает более широкое, чем только контакт непосредственно за счет колонизации, содержание и представляет сложно структурированную систему "общественных отношений". Проблема отношений взаимодействия еще мало изученное явление в том числе в его теоретическом определении и собственно исторической характеристике, прежде всего в плане выделения реальных субъектов исторического действия как его необходимых образующих вообще, и в процессе цивилизации и урбанизации, в частности. В соответствующих аспектах проблема взаимодействия субъектов тесно связана с проблемой диффузных процессов в историческом развитии. Последние при объяснении исторических процессов заняли особое место, например, в теоретических концепциях диффузионистов.

Концепция диффузии урбанистических идей достаточно четко высказана, например, М. Уилером в его объяснении индийской цивилизации, развитие которой он связывал с освоением обитателями долины Инда цивилизации Месопотамии. В принципе диффузионистский подход, принятый в большинстве антропологических и культурно-исторических направлениях в начале века, классическим представителем которого был Фрейзер Джордж, достаточно широко господствовал в исторической литературе до середины века.

В настоящее время теоретические концепции культурной диффузии значительно углубились, в частности за счет соответствующих разработок в сфере географических наук. Более четко дифференцируются и определяются разные типы и стадии диффузии в социальном движении. В контексте рассмотренных проблем, например при объяснении неравномерности осуществления урбанизации в разных областях Востока на ее древнейших этапах, может быть продуктивным и ценным выделение стадий: формирования готовности восприятия, стадий накопления, насыщения⁹⁹. В то же время такие стадии особенно эффективно могут быть проработаны в связи с изучением общего единого потока развития цивилизации и урбанизации (см. ниже).

Практически в противовес концепциям "диффузного движения" в исторической науке развиваются эволюционистские концепции, в частности при объяснении урбанистических процессов. Здесь особое место занимают работы Г. Чайлда ("Социальная революция", "Прогресс и археология" и др.), а позже Ф. Кола, А. Раулендса и др. Отечественными исследователями активно разрабатываются концепции общественного прогресса, в рамках которых внутренняя подготовленность общества к переходу на исторический новый уровень и прежде всего уровень цивилизации занимает особое место.

Учет внутренних условий саморазвития конкретных обществ, входящих в общую систему обществ раннеземледельческих культур, является не только важным, но необходимым моментом объяснения и понимания возможностей вовлечения их в общие процессы урбанизации, более того, сохранения ими соответствующего уровня его выполнения.

В то же время нельзя не согласиться, например, с Ф. Колом, что начало развития цивилизационных и урбанизационных процессов в определенных обществах не всегда может быть объяснено только с упором на их внутренний прогресс. В частности, он считает, что модели внутреннего роста и дифференциации не могут объяснить данные, полученные в Средней Азии, особенно в связи с созданием поселений в Маргиане и Бактрии в конце III – начале II тыс. до н.э. (см. выше). В числе важных факторов, меняющих ситуацию взаимодействия разных обществ и активизацию их развития, Ф. Кол называет фактор политический¹⁰⁰.

О сложной ситуации развития цивилизационных процессов и взаимодействия в них разных обществ, пишет В.М. Массон. "Исходным пластом культурного комплекса цивилизации, в котором инновации представлены столь широким спектром, была культура первобытного общества, но этот исходный пласт претерпел кардинальную трансформацию. Формирование инноваций шло двумя путями: через изобретение, или культурную мутацию, т.е. путем спонтанной трансформации, и через заимствование, или метисацию, т.е. путем стимулированной трансформации. Первый путь имеет особое значение. Повторяемость отдельных компонент культурного комплекса первых цивилизаций далеко не всегда может быть объяснена заимствованием в условиях действия так называемого феномена первоначального открытия"¹⁰¹.

Итак, существуют разные аргументации неравномерности и сложности осуществления процессов цивилизации и урбанизации на Ближнем Востоке. Практически все положения и позиции, рассмотренные выше, в значительной степени адекватно объясняют разные аспекты одного явления – сложности и неравномерности процесса цивилизации и, следовательно, урбанизации.

Однако для объяснения этих явлений, имеющих процессуальный характер и к тому же заключающих всеобщую, исторически обусловленную значимость перехода к более высокой исторической системе, к новой социальности, необходимым и важным представляется выделение и обсуждение комплекса проблем, связанных с содержательной характеристикой самих явлений цивилизации и урбанизации в структуре и закономерностях социального движения. В числе важных, требующих в этом плане специального обсуждения целесообразным представляется выделить три главных проблемных направления.

Первое – исходные возможности процесса, т.е. зарождения (в целом) или развертывания (в конкретнo-исторической ситуации) процесса урбанизации (и цивилизации).

Второе – субъект действия (реальные общества, включенные в эти процессы).

Третье – характер, структура, содержание, уровень и тенденции самого процесса урбанизации.

При определении исходных возможностей развития (становления, углубления, расширения) процессов цивилизации и урбанизации в рамках первого проблемного направления главным представляется опре-

деление системы обществ раннеземледельческих культур как ведущей на соответствующем этапе естественно-исторического развития, не только в плане общих социокультурных характеристик, потенциальных возможностей исторического прогресса (поскольку она обеспечивает в о з м о ж н о с т ь зарождения принципиально новых структур и элементов, не свойственных ей как системе, не совместимых с нормами и принципами ее функционирования, обеспечивает их реализацию и переход общества на исторически новый уровень). Она предстает в качестве ведущей и в силу того, что всей своей "целостностью" является основанием и условием вывода на орбиту исторически нового функционирования общества "в последовательном" порядке конкретно-исторических обществ ее составляющих. Формирование новых структур, элементов, закономерностей их функционирования, обеспечивающих в их взаимодействии становление новой по своей субстанциональной сущности исторической системы, усиливает неравномерность развития конкретных обществ и всей системы обществ раннеземледельческих культур в целом. Но неравномерность такая усиливается при переходе к исторически новой системе и в процессе формирования и функционирования ее как целостности. Возникает необходимость вычленения и решения многих задач перехода, в процессе которого вычленились соответствующие разные уровни (в том числе по техническому, производственному потенциалу и социальной сложности) развития нового общества в целом и обществ, составляющих социальное пространство его функционирования, и которые в большей или меньшей степени обеспечивали разный ритм, широту, возможности такого перехода. Но в большой степени скорость перехода конкретных обществ на исторически новый уровень развития определялась и степенью неравномерности развития представленных в ней обществ, обеспечивающих общий фон развития, во-первых, а также степенью продвинутости наиболее перспективных обществ уже исторически новой системы. То есть одним из главных элементов в характеристике процесса перехода к цивилизации и урбанизации является реальное состояние исторической системы как исходной в определении возможности его осуществления.

Далее, второе актуальное направление в объяснении условий (в том числе неравномерности) перехода к цивилизации – это комплекс проблем субъекта, "действующего" в этом процессе, то есть степени его активности и готовности к "действию" – переходу как на индивидуальном уровне, так и на уровне конкретного общества. Возможности перехода на исторически новый уровень определяются не только общепроизводственным потенциалом, но и степенью сложности структуры, дифференцированностью всей производственной деятельности, развитостью и пластичностью системы сложившихся отношений конкретных обществ, развитостью индивидов его составляющих.

И, наконец, комплекс проблем, связанных с третьим направлением в осмыслении условий развертывания урбанизационных процессов. Особенно важное значение в расширении условий вовлечения новых обществ в процессы цивилизации и урбанизации и в усилении неравно-

мерности их развития имеет характер, степень "наполнения", "насыщения", зрелости и мощности этих процессов, обеспечивающих разную интенсивность, разные возможности их действия и создающих общий своего рода "энергетический потенциал", реализуемый в углублении изменений в обществе в целом и расширении круга конкретных обществ, включающихся в этот процесс. В данном случае речь должна идти не о так называемой диффузии (в том ее простом и наиболее широко обсуждаемом понимании – как обычного влияния, воздействия, проникновения нового), а о сложной, особой (в контексте рассматриваемых здесь вопросов) реакции взаимодействия конкретно-исторических субъектов-обществ в едином процессе (в который они вступают активно или активно не вступают, но участвуют как агенты предшествующей системы, его порождающей) – в процессе перехода в исторически новую стадию – стадию цивилизации и урбанизации. Само взаимодействие субъектов процесса перехода к урбанизации, потенциальных их последователей и тех, кто прочно сохраняет традиции развития в рамках системы обществ раннеземледельческих культур, в целом усиливает интенсивность такого процесса и одновременно неоднородность и неравномерность его осуществления.

Накопление новых элементов и соответствующих, связанных с новыми принципами организации труда и частнособственническими отношениями структур ставило своего рода нормы урбанизационной среды, урбанизационного процесса. И эта норма по-разному осуществлялась в разных взаимодействующих, вступивших в урбанизационный процесс обществах и по-разному проявлялась в развитии обществ, приобщающихся, контактирующих непосредственно или опосредованно, а также обществ, функционирующих в рамках традиционных норм земледельческого мира. Но если степень развитости уже вступивших или вступающих в общий урбанизационный процесс конкретных обществ не "обеспечивает" всей полноты реализации ими уже существующих "урбанизационных (как высших, установленных) норм" потока урбанизации, то в этих обществах происходит своего рода снижение уровня его осуществления или проявления.

На протяжении рассматриваемого периода IV–II тыс. до н.э. изменялся потенциал, "норма" урбанизационного процесса, при четко выраженной тенденции его прогресса, утверждения. Но характер, структура его проявления, темпы и формы, как уже отмечалось, были сложными, неодинаковыми и неровными. Временные особенности процесса цивилизации и урбанизации, например, начиная со второй четверти – половины II тыс. до н.э. проявляются, как уже отмечалось, в своего рода "спаде" эффективности и напряженности этих процессов для ряда областей, в том числе юго-запада Средней Азии, долины Инда и на Иранском плато. Период этот иногда называется эпохой перемен, "темных веков". Некоторые исследователи называют его временем второй сельскохозяйственной революции (М. Този). Проблема "спада" цивилизации, приходящегося на II тыс. до н.э. – одна из наиболее актуальных и одновременно сложных среди активно обсуждающихся проблем цивилизации и урбанизации (см. ниже). Как бы

выражая общее мнение, Ф. Кол пишет, что "необходимо объяснение того, почему пришли в упадок некоторые ранние урбанистические общества, например, в долине Инда или на Иранском плато, почему другие, такие как в оккупированной касситами Месопотамии, представляются застойными или загнивающими и почему, третьи, подобные тем, что хорошо документированы теперь в Бактрии и Маргиане, продолжают процветание"¹⁰².

Вопрос о причинах и характере такого понижения уровня в процессах цивилизации и урбанизации требует специального рассмотрения и они неоднозначны.

Но совершенно очевидно, что важное значение в этом (в числе других обстоятельств) приобретает реальное состояние самой урбанизации, норма урбанизационного процесса на конкретно историческом этапе его реализации, степень его устойчивости как в целом, так и в конкретных обществах, возможности адаптации вновь возникающих природных (включение новых ландшафтов) и социальных (новых по-разному развитых, но подготовленных к переходу к урбанизации обществ) структур. Характер и глубина урбанизации определяется при этом степенью развитости базовых социально-экономических оснований этого процесса. Но чем более интенсивно в процессе урбанизации развиваются структуры новых, отрицающих нормы общинных социально-экономических отношений, как основания новой социальности, тем сложнее их взаимодействие с равноуровневыми и разнохарактерными элементами и "структурами отношений" обществ, выходящих из "системы обществ раннеземледельческих культур" и втягивающихся на разном уровне в урбанизационные процессы, тем труднее адаптация и адаптирование последними соответствующего уровня этого процесса, полной реализации его содержания. Это с одной стороны. С другой – представляется, что снижение уровня урбанизационного состояния обществ, уже вошедших в поток урбанизационного процесса на определенном этапе его осуществления может происходить в силу невозможности "выполнить" полную объективно устанавливаемую норму урбанизационного процесса (в его оптимальном всеобщезначимом содержании). Далее, распространение вширь накопленного потенциала еще относительно недостаточно устойчивых урбанистических связей и отношений приводило, очевидно, к "размыванию", ослаблению "урбанизационной" энергии в "метрополии" урбанизации.

Одним словом, процесс урбанизации, истоки которого восходят к IV тыс. до н.э. и который связывается с переходом общества на стадию цивилизации, со становлением и развитием новой социальности, нового разделенного классового общества, осуществляется как сложно структурируемый во времени, усложняющийся по своему содержанию, изменяющийся по силе своего воздействия процесс. На исторической дистанции IV–II тыс. до н.э. он приобретал свои особые закономерности, свой характер как особое проявление социального движения, имел разные уровни развития, которые определялись, как состоянием (развитостью) самого процесса, так и реальным состоянием субъектов (соответствующих объектов), действующих в нем и его опреде-

ляющих. Во II тыс. до н.э. это уже достаточно далеко зашедший и сложно структурированный процесс, вовлекший большое количество областей, народов Востока, набравший новый потенциал и выработавший устойчивые тенденции, но одновременно потерявший в какой-то степени устойчивость в своей социально-пространственно разнородной, разнохарактерной организации, что сказалось на ослаблении мощности отдельных потоков его.

*§ 3. Многоплановость структуры
и неравномерность процесса урбанизации.
Особенности процесса урбанизации в Средней Азии*

Углубление процесса цивилизации и урбанизации как проявления тенденции прогресса социального развития втягивало в них все новые области наиболее развитых земледельческих обществ. Выше уже отмечалось, что уровни осуществления этих процессов были разными и определялись комплексом обстоятельств, в частности, степенью "подготовленности" (общей социально-экономической развитостью) конкретных племен, характером связи их с областями древнейшей и наиболее глубокой для своего времени цивилизации и (многопланово обусловленной) степенью сохранения традиционных форм организации.

В III–II тыс. до н.э. на Ближнем Востоке (в его широком понимании) выделяется особая, так называемая условно исследователями, зона "формирующихся цивилизаций", или "цивилизаций второго порядка", расположенная между Шумером и Индией. "Здесь выделяется целый ряд локальных центров (или локальных цивилизаций): Алтын-Депе в Южном Туркменистане, Мундигак на юге Афганистана, Шахри-Сохте и Систане"¹⁰³. Процесс цивилизации, включающий в качестве необходимого компонента развертывание урбанизации, охватил эти новые области Востока на соответствующем уровне их самостоятельного развития, что четко отразилось на локальных особенностях его проявления в этих областях.

Неравномерности, неровности процесса урбанизации хорошо прослеживается в особенностях его осуществления в Средней Азии¹⁰⁴.

Что касается Средней Азии, то в настоящее время для нее известно несколько своего рода стадийных характеристик процесса урбанизации и прежде всего на древнейших периодах его¹⁰⁵.

Однако, при всем различии подходов к их определению в качестве, безусловно, рубежных в Средней Азии выделяются: конец III – нач. II тыс. до н.э. (как время реального осуществления значительных или преобразующих изменений в жизни местных обществ) и период античный.

Во всяком случае наличие для второй – последней четверти III тыс. до н.э. крупных поселений, которые имеют такие характерные формально-типологические признаки, как "большие размеры, развитую фортификацию, усложненную планировочную структуру, выделенную цитадель, и практически не отличаются от городов более поздних периодов"¹⁰⁶, с одной стороны, и одновременно не имеют прямых для указанных территорий предшественников – с другой, позволяет именно

с конца III тыс. до н.э. начинать историю процесса урбанизации в Средней Азии со всей спецификой проблем его осуществления в этой области. В числе последних, например, вопрос о причине и объяснении упадка во второй четверти II тыс. до н.э. прикопетдагских городских поселений, о затухании начавшихся здесь цивилизационных процессов, с одной стороны, и зарождении их (но уже на другом уровне) в бактрийских областях, с другой, и т.д. Однако эта и другие проблемы и вопросы урбанизации Средней Азии могут быть решены только при сохранении двух условий: во-первых, в рамках и в связи с общими процессами урбанизации как проявления прогрессивного развития общества и перехода его на исторически новый уровень развития и, во-вторых, при учете особенностей осуществления этих процессов в конкретно-исторических условиях, в данном случае – в областях Средней Азии. Наиболее ранние следы проявления здесь процессов урбанизации прослеживаются в Южном Туркменистане, в подгорном районе Копетдага, где уже в последней четверти III тыс. до н.э. фиксируются изменения в организации жизнедеятельности населения. Здесь в условиях активного развития экономики местных анауских племен и при расширении сферы и углублении цивилизованных процессов в целом происходили изменения в организации жизнедеятельности населения, выходящие за рамки норм функционирования первобытного общества. В числе факторов, обеспечивающих не только условия существования и возможности активного прогрессивного развития (экономического, демографического, социального и др.) последнего, значительную роль играл фактор экологический.

Хребет Копет-Даг (северный отрог Туркмено-Хоросанских гор) образует южную границу рассматриваемой области Южного Туркменистана. Северные склоны Копетдагских гор пересечены мелкими горными речками и достаточно глубокими долинами. Вдоль подножья северного хребта "имеются многочисленные выходы источников довольно теплой воды, концентрирующейся в нижнемеловых известняках. Эти же источники питают системы кяризов, являющихся дополнительным резервом питьевой воды и воды для орошения"¹⁰⁷. В то же время общая водоёмкость подгорной зоны Копет-Дага была ограничена в определенных рамках, источники воды здесь лимитированы. Это, безусловно, имело большое значение не только для расселения населения, – ограничивало рост его в конкретных поселениях и необходимость и возможность освоения им новых площадей, но и сдерживало развитие производственной деятельности, ее дифференциацию, усложнение структуры, сдерживало накопление прибавочного продукта и т.д. И поэтому функционирующие здесь на юге Средней Азии общества, хотя и обладали достаточно большими возможностями саморазвития, прогресса, могли выйти самостоятельно на передовые рубежи исторического процесса в качестве активного субъекта только тогда, когда процессы цивилизации и урбанизации достигали соответствующего уровня, мощности и плотности в целом, как явления всеобщие, когда они обеспечивали устойчивость состояния исторической новой системы, способной поддерживать развитие конкретных обществ и выводить их на новые уровни.

Для периода средней бронзы (время Намазга V), с которым связываются глубинные изменения в жизнедеятельности населения Южного Туркменистана и так называемые урбанизационные процессы, наиболее крупными поселениями были Намазга-Депе и Алтын-Депе. Здесь же отмечены и мелкие поселения типа Шор-Депе, Коша-Депе, Тайчанак-Депе. При этом поселения Коша-Депе и Тайчанак-Депе образуют маленький земледельческий оазис, тяготеющий к Намазга-Депе¹⁰⁸.

Реальным воплощением, результатом, отражающим в определенной степени характер процессов цивилизации и урбанизации в зоне между Месопотамией и Индией в III – нач. II тыс. до н.э. является в настоящее время наиболее полно раскопанное поселение Алтын-Депе, характеризующее процесс поэтапного поступательного развития местного общества, начиная с эпохи энеолита (НМЗ – I, Анау I Б). Поселение расположено близ г. Меана у русла горной реки Меана-Сай, которая вместе с водами другой, рядом текущей (юго-восточнее памятника) реки, создает достаточно высокий уровень водообеспечения района. К концу III – нач. II тыс. до н.э. Алтын-Депе было крупным для своего времени и для рассматриваемой области поселением. Оно имело общую площадь 26 га (хотя и не самую большую для своего района; Намазга-Депе, как известно, имело площадь значительно большую)¹⁰⁹.

Важнейшим показателем в характеристике степени развитости общества, а в данном случае подготовленности его к переходу на исторически новый уровень развития, является степень и характер, а также структура производственной деятельности, ее технико-технологические основания.

Хозяйственная деятельность алтындепинцев рассматриваемого периода имела довольно сложный характер. Население прикопетдагской полосы продолжало активно развивать земледелие, выращивая, судя по исследованиям обугленных зерен, – голозерный ячмень, отличающийся высокой калорийностью, и мягкие карликовые сорта пшеницы. Развито было скотоводство при преобладании мелкого рогатого скота. Крупный рогатый скот, по мнению исследователей, в конце III–II тыс. до н.э., содержался в качестве молочного и для транспортных целей¹¹⁰. Важным технологическим основанием организации сельскохозяйственной деятельности в рассматриваемый период служила уже достаточно развитая (для соответствующего уровня его организации) система искусственного водоснабжения. В южном Туркменистане сложились довольно глубокие традиции такого орошения (небольшие каналы – до 3 км, известные еще в Геоксуре, дополнялись здесь водоемами и сочетались с горно-ручьевои ирригацией)¹¹¹.

Использовалась, что очень важно, пахотная обработка земли. Развита в хозяйственной деятельности анаусцев этого периода была и охота. Достаточно высокий потенциал земледельческо-скотоводческого хозяйства, обеспечивающего соответствующий дополнительный продукт, служил необходимым условием усложнения структуры и одновременно дифференциации производственной деятельности и прежде всего развития специализированного труда. В этом плане здесь были достигнуты особые по характеру и содержанию успехи (по отношению к

прежнему) и прежде всего в металлообрабатывающем и керамическом производствах. Техничко-технологический (но не общепроизводственный) уровень и структура организации этих производств в целом соответствовала нормам таковых в передовых обществах древнейшей цивилизации, в областях Месопотамии. Производственное использование тепловой энергии происходило при применении высоких температур и сложных дифференцированных режимов. Несмотря на то, что керамические изделия Алтын-Депе, например, периода НМЗ-V – в основном обжигались при температуре 750–850°, в практике мастеров были хорошо известны, как уже неоднократно отмечалось нами, и температуры в 1000°¹¹². Мастера ставили своей целью не только достижение высоких температур, но стабильность, ровность обжига, организацию оптимального горения пламени, увеличение объема обжигаемой продукции. И основные тенденции в разработке конструкций южнотуркменских печей эпохи энеолита-бронзы отражают, как неоднократно уже отмечал автор¹¹³, поиск решения вышеназванных задач. Главными среди этих задач являются те, которые определяются новым местом самого производства керамики – расширение рабочих емкостей и стандартизация условий обжига как определяющих моментов в специализации средств производства.

Как уже отмечалось, в специализации керамического производства особую роль играл гончарный круг, как мощное техническое средство, изменяющее принцип (при организации вращения глиняной массы) изготовления изделий, в несколько раз повышающий производительность труда, изменяющий условия производства изделий и позицию производителя по отношению к последним, как продукту своего труда. О применении южнотуркменскими мастерами гончарного круга свидетельствуют данные специальных исследований (микроскопического, рентгеновского и прежде всего стереорентгеновского) алтындепинских и намаздагепинских фрагментов керамических изделий, проведенные автором. Применение алтындепинскими мастерами гончарного круга, соответствующего техническим принципам этого средства в передовых обществах цивилизации – достаточно убедительный показатель освоения здесь не только наиболее высоких в рамках существующих технико-технологических схем конкретного керамического производства норм, но и наличия соответствующего общепроизводственного уровня и потенциала общества и соответствующей потребности в такого рода технических средствах. А специально проведенные автором исследования по восстановлению емкостей печей и их производительности на основе этнографических данных и расчетов самих древних печей по особым схемам, позволяют говорить о значительных (при использовании гончарного круга) производственных возможностях алтындепинских мастеров. Перерасчет на общее число печей, которые могли бы, судя по археологическим и технологическим показателям, использоваться одновременно, дает довольно внушительные цифры возможной продукции.

Об активном процессе специализации производственной деятельности и технико-технологическом уровне развития специализированного

производства общества анаусцев, развивающегося в рамках норм, установленных в передовых областях цивилизации, свидетельствуют данные о металлообрабатывающем производстве южнотуркменских племен. С самых ранних этапов здесь фиксируется хорошо разработанная система операций свободнойковки: рубка, вытяжка, плющение, изгиб, пробивка отверстий, круговаяковка, заострение рабочего конца, наклеп с целью повышения механических свойств орудий и т.д., литейная техника. То есть металлообрабатывающее производство вошло в практику жителей энеолитических поселений Южного Туркменистана уже на определенном уровне его развития. Но самым главным здесь стала хорошо проявляющаяся прогрессивная направленность в развитии технологических процессов, причем с учетом особенностей реально используемого сырья. Значительные изменения происходят, например, в литейном деле¹¹⁴. Степень развитости технических приемов, дифференцированность и отработанность всех операций, их повторяемость и техническая связанность, использование искусственных материалов – сплавов и т.д. – все свидетельствует о глубокой специализации (в частности, о ремесленном уровне технико-технологического обеспечения) металлообрабатывающего производства и о достаточно глубокой специализации – профессионализации мастеров.

О совершенстве каменных орудий и их дифференциации свидетельствуют данные специальных исследований Коробковой Г.Ф.¹¹⁵ Последние характеризуют высокий уровень состояния производства средств производства и сложный состав и содержание производства предметов потребления.

Судя по специфическим особенностям некоторых орудий труда и отпечаткам тканей в анауском обществе были развиты кожевенное и ткацкое производство. О строительном деле, выходящем за рамки задач общинных строений, свидетельствуют остатки крупных строений Алтын-Депе.

Итак, в целом технико-производственный потенциал и содержание производственной деятельности анаусцев сохранялись в рамках наиболее высоких (при сохранении значительных внутренних различий), достигнутых в системе обществ раннеземледельческих культур, и не укладывались в общинные нормы производства. Различия в организации специализированного труда и его уровня здесь, на далекой периферии и в центре определялись не технико-производственными показателями, а в основном более высокой в последнем случае сложностью дифференциации и интеграции самого специализированного труда, а также общим объемом производства.

Алтын-Депе включает и другие важные социально-экономические характеристики, вычленившие его из системы поселений собственно общинных земледельческих обществ и фиксируемые археологически.

В конце III – нач. II тыс. до н.э. Алтын-Депе, как уже отмечалось, представляло собой довольно крупное поселение, и, что очень важно, сложно внутренне дифференцированное: фортификационные сооружения, центральная площадь, культовый комплекс, устойчиво функционирующий длительное время и включающий разные составляющие его

элементы (многоступенчатую башню, погребальный ансамбль), жилые дома, хозяйственные постройки, система улочек поселения, многоквартирные дома (на поселении вскрыто семь больших и два малых дома), производственные выделенные комплексы (гончарный и холм меди и т.п.) – все это свидетельства новых принципов структурирования поселения и новой формы пространственной организации жизнедеятельности конкретного населения. Особенно показателен дифференцированный "подход" к застройке поселений по типам и размерам строений (храм, жилища ремесленников, специфические хозяйственные помещения и т.д.), по плотности застройки на разных участках его (160–180 чел/га для мегакомплекса Имдугуд, для раскопа 10 площадью 1000 м² – 600–750 чел/га, раскопа 5, площадью 1000 м² – 200–240 чел/га)¹¹⁶, по различию и сложности организации разных участков, в том числе специализированных производственных. Что касается наличия на Алтын-Депе таких специализированных участков, то выше уже отмечалось значение их в характеристике индивидуализации работников и дифференциации производственных отношений, а также степени развитости производственной деятельности и сложности организации общества. Подчеркивая, что Алтын-Депе явно перешагнуло рамки простого крупного земледельческого центра, – В.М. Массон отмечает, что это – "поселение, выполняющее функцию центра сельскохозяйственной округи (которая могла включать мелкие поселения, как, например, это предполагается для Намазга-Депе, где Л.Я. Щетенко¹¹⁷ были обнаружены комплексы, располагавшиеся за пределами основного всхолмления. – Э.С.) и ремесла, а также идеологического лидера. В меньшей мере можно говорить о развитии торговли"¹¹⁸... и что "культура Алтын-Депе социологически может быть охарактеризована как отражение процесса формирования раннегородских организмов в сфере оседлых земледельческо-скотоводческих обществ"¹¹⁹. Одним словом, технико-технологический уровень производства (отрицающий не только масштабы производства земледельческих общин, но и особенности организации труда), структура производственной деятельности, социальная стратификация, характеризующаяся не только различием материальных ценностей комплексов (в том числе и погребальных), принадлежащих разным индивидам, но и условиями жизнедеятельности разных групп населения (разная плотность застройки, размеры сооружений) – все это свидетельства не просто достаточно высокого уровня исторического развития алтындепинского общества, а исторически нового его состояния, свойственного обществам, вступающим по-разному и на разном уровне в процессы цивилизации как магистрального пути общественного развития.

В этом плане показательны широкие связи Алтын-Депе с областями, втянутыми в большей или меньшей степени в зону цивилизационных процессов. Так, В.М. Массон отмечает наличие связей алтындепинцев (и прежде всего торговых) с населением хараппской цивилизации, считая, что открытое хараппское поселение Шортугай¹²⁰ является возможно одной из факторий, расположенных на соответствующих путях. О связях Алтын-Депе с Месопотамией свидетельствуют четкие парал-

тели в памятниках искусства (например, такое произведение торевтики, как золотая головка быка, особенности росписи значительной группы керамики), сходство в планировке отдельных участков (например, квартала Ура и мегакомплекса Имдугуд)¹²¹, храма и т.д. То есть Алтын-Депе в его социокультурной характеристике – это свидетельство, во-первых, наличия в южных областях Средней Азии урбанизационной среды и формирования урбанистических организмов; во-вторых, внутренней подготовленности общества к ее освоению. Здесь формирование нового социального организма является не результатом просто внесенных нововведений, а следствием реальной втянутости населения южнотуркменистанских областей в общие сложные процессы цивилизации, когда под влиянием и в рамках этого процесса на определенном уровне его развития реализуются внутренние возможности активно саморазвивающихся южнотуркменистанских племен и формируются принципиально новые условия их функционирования. Последнее было специфическим и определялось особенностями периферийного положения области, географическими условиями, характером контактов с соседями и экономическим потенциалом последних и т.д. Но при любой степени развитости новых явлений, формирование и функционирование их в Южном Туркменистане, проявляющиеся в характере содержания материальной культуры, производственной деятельности, типа поселений и т.д. – показатель того, что данное конкретное общество перешагнуло черту первобытности и вступило в исторически новое состояние, соответствующее уже активно осваиваемой человечеством новой стадии общественного развития. И поэтому функционирование "города" здесь выступает как необходимый потенциальный или реальный момент развития исторически новой социальности и самой возможности последней при любой степени ее реализации (в меру готовности конкретного общества), поскольку отмечаемые преобразования (при соответствующей, но возможно даже и неполной выраженности) затрагивают существенные принципы и основания развития общества. И в этом плане общества эпохи бронзы в области Южного Туркменистана выступают активными агентами формирования исторически новой системы, исторически новой социальности, хотя и не на первых ролях. Тем не менее процесс урбанизации в определенных областях Средней Азии начался. Другое дело глубинная мощь этого процесса, потенциальные возможности местного общества и сохранение динамики его, обусловленные комплексом причин и особенностями развития. В данном случае недостаточность таких возможностей и прежде всего производственной базы (по ее структуре, потенциалу, динамичности и т.п.) определяли сложность, неравномерность, "смещенность" процесса урбанизации в рассматриваемой области. Проявилась неустойчивость первых городских организмов, выразившаяся в своего рода "отступлении" начавшейся здесь урбанизации на соответствующие более нижние уровни ее проявления и сохранения. И поэтому здесь, в Средней Азии особенно четко раскрывается вся сложность этого процесса как выражения культурно-исторического прогресса.

К середине II тыс. до н.э. жизнь на городских поселениях Южного Туркменистана прекращается. Однако гибель раннегородского центра Алтын-Депе, пишет В.М. Массон, «выступает не как катастрофическое явление, а как постепенный упадок и запустение. К концу периода ранней бронзы вся восточная часть поселения, включая "квартал знати" и монументальный культовый центр, забрасывается»¹²². В то же время восточнее, в дельте реки Мургаб, на юге Узбекистана (северная Бактрия), а также на севере Афганистана появляются "стандартизированные" в определенной степени поселения (причем не имеющие в этих районах местных традиций). По отношению к предшествующему периоду здесь отмечаются заметные изменения в организации жизнедеятельности общества, которые могут быть оценены как своего рода отступление от уровня, представленного на Алтын-Депе. Так, на Сапаллитепе обитало население менее сложной организации и стратификации. А.А. Аскарлов отмечает особый тип квартальной планировки с традициями расселения родовой организации, более простой ее характер. Поселение Сапалли, расположенное на юге Узбекистана (в Уланбулакском оазисе) в дельте реки Шерабад-Дарьи имело общую площадь – 4 га. Здесь было обнаружено восемь отдельных многокомнатных комплексов (кварталов), в каждом из которых проживало несколько семей, и которые связываются А.А. Аскарловым с жилыми кварталами. По его мнению поселение было родовым, "организованным из представителей родственных больших семей"¹²³.

В то же время необходимо отметить, что для сапаллитепинского общества отмечается сохранение общего достигнутого технологического уровня (который определялся принципами действия и характером технических средств и технологических приемов, независимо от степени их реализации) основных производств (в частности, керамического, где использовалось одно из самых совершенных средств производств – гончарный круг, и металлообрабатывающего). В принципе сохраняется общая структура основной производственной деятельности. Предметы быта, обнаруженные на Сапаллитепе, судя по имеющимся данным в соответствующих публикациях, также соответствуют "нормам", установившимся для памятников "урбанизированной" зоны. Прослеживается и отличный от обычных общинных поселений принцип планировки Сапаллитепе с его фортификацией, подчиненной генеральному "плану крепости"¹²⁴. Показательно, что урбанистические компоненты (отмеченные выше) не только сохраняются, но и имеют тенденции развития на последующих этапах, что проявляется, например, в организации и особенностях функционирования более позднего памятника (крупного, до 100 га, и специфически спланированного) – поселения культуры Сапалли-Джаркутана,

Архитектурно-планировочные комплексы Джаркутана представляют агломерацию поселений, распространенных на территории¹²⁵, но которые представляют, судя, в частности, по данным анализа функциональных назначений комплексов, соотношению их и т.д. единый организм раннего города. По своей планировке (совокупности поселений) он в какой-то степени перекликается с месопотамскими древними городами

Сиппаром и Лагашом, которые, по существу, представляли собой скопление поселений¹²⁶. Наличие монументальных сооружений, структура храма, сложный характер дифференциации и организации построек, ремесленный квартал, цитадель, – весь материал Джаркутана свидетельствует, как убедительно показали А.А. Аскарлов и Т.Ш. Ширинов в своих исследованиях этого памятника в рамках проблем раннегородской культуры, о безусловном движении, прогрессе урбанистических начал на этом новом этапе культуры Сапалли¹²⁷.

В другой области расселения земледельческих племен второй четверти – первой половины II тыс. до н.э., связываемого в большей или меньшей степени с последствиями затухания городской жизни в подгорной полосе Копет-Дага – Маргиане, судя по имеющимся данным, дело обстоит сложнее. Так называемый мургабский "комплекс" включает разновременные и разнохарактерные памятники трех оазисов¹²⁸, но заключающих в своем последовательном развитии совершенно определенные тенденции, ставящие весь рассматриваемый комплекс в определенную связь с событиями цивилизационных процессов в центрально-азиатской зоне в целом и на территории Средней Азии (в той форме, характере и на том уровне, в которых они здесь проявляются).

Наиболее ранние комплексы зафиксированы в Келлелийском оазисе. Здесь было обнаружено восемь поселений. Наиболее крупное среди них – Келлели 1 имеет площадь 6,3 га¹²⁹. По своему характеру поселения Келлели принципиально отличались от обычных земледельческих поселений. Здесь были открыты крупные дома с обводными стенами, идущими по краям (Келлели 1, 4, 6). Многочисленные жилые и хозяйственные постройки, располагающиеся вдоль внутреннего фаса стен, образовывали своего рода квартирники, состоящие из двух или трех комнат. Особенно показательны достаточно мощные крепостные сооружения с шестью прямоугольными башнями¹³⁰. Памятники материальной культуры, в частности керамические и металлические изделия, имеют явное сходство с материалом Алтын-Депе¹³¹.

Это хорошо соотносится с широко принятым положением, объясняющим возникновение мургабского варианта земледельческой культуры с историей памятников подгорной полосы Копет-Дага, в частности с переселением сюда (в Мургаб) определенной части населения. В то же время безусловный интерес вызывают и другие, полученные в результате сравнительного исследования керамики, данные, которые пока ставят больше вопросов, чем дают ответов, в частности по поводу заселения оазиса. Однако важно отметить, что при всех специфических особенностях материалы памятника характеризуют культурные комплексы, свойственные в большей степени урбанизирующимся структурам. И в настоящее время становится все более ясным, что при всех возможных дополнительных обстоятельствах, активное формирование келлелийского комплекса связано со сложными событиями, происходившими в предгорной полосе Копет-Дага, с четко определенным содержанием урбанистических процессов. Особое значение в этом плане приобретает факт продолжения развития элементов культурного комплекса Келлели в более поздних памятниках других оазисов Мургаба.

Следующий этап развития особого типа поселенческих структур Мургабского бассейна характеризуют памятники Гонурского и Тоголокского оазисов. Специфику последующего, позднего по отношению к Келлелийскому – Гонурского комплекса, определяет группа поселений, расположенных вытянутой цепочкой вдоль одного из боковых русел былой дельты. Наиболее крупное из них, которое определяется В.И. Сариниди как поселение столичное, имеет 15 га¹³².

Более поздние поселения Мургаба связываются с Тоголокским оазисом. Их найдено здесь около 30. Они вытянуты вдоль одного из боковых русел древней дельты. Как правило, это неукрепленные поселения, хотя для некоторых из них и отмечены специфические варианты укреплений. Наиболее крупное поселение Тоголок-I – 15 га имеет небольшую, прилегающую к нему, но не введенную в систему его организации, крепость¹³³.

Все мургабские памятники периода Намазга-V – Намазга-VI образуют совершенно определенную зону функционирования специфических поселенческих структур, заключающих свое особое содержание, отличающее их от собственно земледельческо-общинных форм организации жизнедеятельности общества. Это проявляется прежде всего в особенностях технико-производственных оснований производственной деятельности, структуре труда, особенностях культурных традиций. Что касается технико-технологических показателей, реконструируемых по данным исследования памятников материальной культуры и остаткам средств производства, то они отражают нормы и принципы технической организации, сформированной в рамках урбанизированных систем. Это относится к особенностям организации керамического производства, металлообрабатывающего. Памятники духовной культуры несут на себе отпечатки мышления и психологии общества, вышедшего за рамки общинных традиционных взглядов и отношений (к миру вещей, природе и т.п.). Показательны амулеты-печати¹³⁴, которые, как правило, связываются с комплексами памятников обществ, затронутых уже урбанизационными процессами. В целом рассмотренные мургабские комплексы образуют особую зону пространственной организации обществ, выступающих в своей социокультурной характеристике (в любом случае, независимо от степени развитости урбанизированных компонентов здесь), безусловно, определенным порождением урбанизационных процессов, охвативших, в частности, области Средней Азии и связанные в этом плане и по времени, и по содержанию с событиями, происшедшими в подгорной полосе Копет-Дага, где во II тыс. до н.э. прекратили свое существование центры (Алтын-Депе, Намазга-Депе), реализующие в этой области урбанизационные процессы в конце III – начале II тыс. до н.э.

Затухание поселений прикопетдагского района Южного Туркменистана – одна из наиболее сложных проблем в изучении истории урбанизации Средней Азии, в частности ее реального начала. Такое запустение объясняется, как правило, разными причинами – возможным давлением с севера кочевых племен, резким ухудшением климата и т.п. Так А.А. Виноградов и Э.Д. Мамедов считают, что на рубеже

III–II тыс. до н.э. в рассматриваемых областях происходила аридизация климата, что могло повлечь за собой серьезные последствия¹³⁵. "Нельзя забывать, – пишет В.М. Массон, – и о возможности вторичного засоления земель как побочного эффекта ирригационного земледелия". В районе Меана–Чаача широкое возделывание значительных площадей началось, по его словам, со второй половины V тыс. до н.э. "За 2500 лет усиленной эксплуатации почв древними ирригаторами в условиях тогдашней агротехники вполне могли наступить необратимые явления, что послужило дополнительным толчком к упадку и запуску процветающего раннегородского центра"¹³⁶.

Пожалуй, наиболее остро вопрос о причинах прерванности процесса урбанизации в Средней Азии был поставлен американским ученым Ф. Колом. Рассматривая диффузионистские и эволюционистские подходы в исторических исследованиях, он в связи с объяснением явления "колонизация Маргианы и районов Бактрии и менее сложного состояния обитавших там обществ" подчеркивал, что здесь "модель эволюционного развития от простого к сложному общественному строю непригодна, или представляет собой чрезмерное упрощение исключительно сложного исторического процесса"¹³⁷.

В данном случае актуализируется вопрос не только о причинах затухания городской жизни в собственно прикопетдагской полосе, и шире, об особенностях урбанизации в Средней Азии, но и о характере и условиях этого процесса в целом – его прерывистости и непрерывности, о формах и уровнях его проявления, степени действия и воздействия на другие общества в их историческом развитии. Ф. Кол обращает внимание на разрыв (который сохраняется здесь даже при возможном, по его мнению, расширении наших знаний о заселении, например, районов Бактрии) непрерывности процесса развития урбанизационных процессов на юге Средней Азии в связи с запуском памятников типа Алтын-Депе. Он полагает, что здесь нарушается поступательное развитие – от простого к сложному, поскольку более поздние памятники, связываемые с урбанизирующимися структурами и возникающие в других зонах области, имеют более низкий уровень социального развития населения. И Ф. Кол справедливо подчеркивает важность комплексного подхода к изучению этих явлений на основе широких межрегиональных сравнений. И в этом плане, как отмечает Ф. Кол, "археологические данные должны изучаться на основе широкой межрегиональной перспективы с учетом развития событий в конце бронзового века в районе от Белуджистана и Восточной части Иранской возвышенности до степей Казахстана"¹³⁸. При объяснении выше-рассмотренных изменений он делает упор на политическом характере их причин, в частности при интерпретации определенных частных моментов, иллюстрирующих последние (появление укреплений, керамических изделий из степей и т.д.) и подчеркивает, что в сложных изменениях исторической ситуации развития необходимо особенно учитывать "стремление различных обществ или элит в рамках сложных обществ к завоеваниям, эксплуатации или извлечению выгод из реально устанавливаемых ими отношений с соседними народами"¹³⁹.

Безусловно, все вышеотмеченные глубокие наблюдения раскрывают многие важные обстоятельства, объясняющие явления, связанные с урбанизационными процессами в Средней Азии во II тыс. до н.э. Однако проблема "упадка" ранних цивилизаций и урбанизации на юге Средней Азии, прерывности прогресса и упрощение структур общественной организации расселившихся в области Маргианы и Бактрии земледельческих племен представляется гораздо сложнее. Указанные явления могут быть объяснены только комплексом причин (многие из которых уже активно обсуждаются) как внешнего характера, включая социокультурные (например, усложнение и расширение контактов населения, в том числе со степными племенами и др.) и природные (климатические изменения и т.д.), так и причин внутренних, обусловленных особенностями развития местных обществ (включая экономические факторы, общий потенциал и сложность производства, степень дифференциации и специализации разных видов деятельности, особенности социальной организации, демографические показатели и т.д.). В то же время в исследовании внутренних причин регрессивных моментов или изменений условий функционирования обществ важное место должны занять такие еще мало изученные в этом плане явления, как "закономерности функционирования социальных групп"¹⁴⁰ (закономерности, формирующиеся в реальной ситуации развития конкретных обществ), а также особенности конкретного субъекта исторического действия¹⁴¹ и др.

Одновременно предполагается что оптимальное обсуждение проблемы и выработка адекватных объяснений "упадка урбанизации", запустения древнейших городских центров и появления феноменов типа поселенческих структур в Мургабском оазисе и в Бактрии включает не только раскрытие причин такого упадка на уровне рассмотрения внутренних и внешних условий функционирования соответствующих обществ. Необходимым моментом является их исследование в контексте общих особенностей осуществления тех глобально значимых процессов исторического развития, в которые они в большей или меньшей степени, непосредственно или опосредованно, были втянуты – процессов цивилизации и урбанизации, закономерности и характеристики которых в свою очередь раскрываются в специфике развития и этих обсуждаемых здесь обществ.

В формировании исходных позиций при объяснении вышерассматриваемых "среднеазиатских явлений" (а именно явное затухание активной жизни, связанной с процессами урбанизации в подгорной полосе Копет-Дага), значимыми, как представляется, являются, в частности следующие (уже рассмотренные нами в другой связи) положения.

Первое. Урбанизация, являясь особым необходимым моментом процесса цивилизации и перехода к исторически новому состоянию общества – собственно социальности, включает в своем сущностном смысле и содержании всеобщность. В этом плане в соответствующей степени выраженные урбанизационные процессы в областях Средней Азии не только фиксируют расширение пространстве ее действия, но и высту-

пают как момент и форма выражения этих всеобщих процессов и не могут не отражать изменения их общего состояния на соответствующих этапах и в определенных ситуациях.

Второе. Процессы общего социального развития* в их магистральной направленности являются необратимыми. Поэтому важно установление степени и форм реализации "накопленного" прогресса, в данном случае в рамках урбанизации, в том числе и в фиксированном частном проявлении этих процессов, а также при разрушении сформированных в их рамках структур. Это, в частности важно, потому что переход (пусть даже слабо выраженный, но уже проявленный) на исторически новый уровень при включении конкретных обществ в процессы урбанизации (как это было в предгорной полосе Копет-Дага в конце III – начале II тыс. до н.э. в Средней Азии) обусловлен не просто определенным накоплением и изменениями в жизни этих обществ, а изменениями принципиального характера в самых основаниях их функционирования. Именно последние, как отмечалось выше, и определили необходимость и возможность появления новой социально-поселенческой организации "среднеазиатских обществ" сначала на уровне Алтын-Депе и Намазга-Депе, затем Сапалли, Джаркутан, Гонур, Тоголок. С вышеуказанных позиций такие явления "городского начала" как Алтын-Депе, Наманга-Депе и др. (в предгорной полосе Копет-Дага) и формирование особых поселенческих структур в Маргиане и Бактрии, можно и целесообразно рассматривать как формы и разные уровни проявления единого события – включения в качестве самостоятельных субъектов в процессы цивилизации и урбанизации сельскохозяйственных обществ определенных среднеазиатских областей на соответствующем уровне их собственного развития и поэтому в соответствующем варианте локального осуществления этих всеобщих явлений на стадии их становления и расширения в период IV–II тыс. до н.э.

Процесс цивилизации втягивал в свой поток общества сельскохозяйственных культур огромного региона, как уже отмечалось, на разных уровнях, в разных формах и степени их участия в нем. Последние определялись комплексом внутренних и внешних условий: степенью подготовленности экономической базы, уровнем производительности труда, характером дифференциации и специализации его, нормой прибавочного продукта, степенью сформулированности новых социальных связей и производственных отношений, объемом и глубиной их дифференциации и стратификации, динамичностью и т.д. В этих условиях урбанизационная среда, содержащая в себе сложные системы функциональных связей и отношений взаимодействия объектов, субъектов, закономерностей и функций формирующейся социальности, имеет разные состояния их плотности, развитости и поэтому по-разному кристаллизуется в интегрирующих эти отношения социальных организациях – городах. И города по-разному обеспечиваются в своем

* При всей сложности процесса развития, в том числе наличии в нем не только прогрессивных, но и регрессивных моментов.

функционировании степень развитости такой среды в конкретно-исторических регионах и обеспечивают, в свою очередь, последнюю. Внутреннее развитие анауских племен в системе обществ раннеземледельческих культур привело здесь, как мы видели, к заметным изменениям (при постоянной динамике на протяжении V–III тыс. до н.э.) в жизнедеятельности общества уже во второй половине III тыс. до н.э. К концу III тыс. до н.э. здесь сложился технико-производственный и общий уровень развития общества, обеспечивающий изменения в его внутренней организации, в том числе появление новых организмов, характеризующих (и образующих) новую структурно-пространственную организацию населения анауского общества. Но когда такие организмы появились, как не свойственные первобытнообщинным формам отношений, отличные по существу от поселений предшествующих периодов, выполняющих аналогичные функции – пространственной организации общества, они должны были иметь достаточно мощное экономическое основание не только для своего появления (выделения), функционирования, но и своего удержания и развития. А такое реальное обеспечение развития предполагало, в частности дальнейшую дифференциацию поселений по объему, содержанию деятельности, условиям жизнедеятельности, то есть – усложнение поселенческих структур, разрыв единства их функционирования. Но отсутствие такой дифференциации, проявляемой в частности в конкретно технико-производственной сфере в прикопетдагской области отмечает Ф. Кол, рассматривающий этот момент как аномалию в рамках эволюционного объяснения социальной действительности¹⁴². В качестве примера Ф. Кол приводит поселение Тайчанак (площадь которого равна 1 га и которое может быть отнесено по этому параметру к сельским поселениям), где были обнаружены следы гончарного и металлообрабатывающего производства и соответствующий инвентарь в жилищах, не отличающиеся по своему характеру от таких объектов на более крупных поселениях типа Алтын-Депе¹⁴³.

Однако при всей неравномерности археологической изученности (в том числе в силу объективных причин, например, глубокой погребенности памятников и т.д.) "ровность" распределения единого принципа организации жизнедеятельности, единых технических норм для поселений резко разного размера может быть объяснена как особенностями ранних этапов процесса урбанизации в целом, так и спецификой протекания его в рассматриваемой области. Как уже отмечалось выше, первоначальные этапы урбанизации связывались с реализацией формирующейся, обладающей уже сложным содержанием и достаточно высокой плотностью урбанизационной среды и выделением особых организмов, кумулирующих ее, в противопоставлении единому типу моноструктурных поселений. Степень развитости, размеры таких организмов, в том числе разнокалберная представленность их определялись различием плотности "напряжения" урбанизационной среды. Но все они – носители урбанизационной среды противостояли старым типам – традиционным типам поселений (вырастая из них) по своей содержательной сущности, независимо от размеров. В то же время на этом

этапе еще не вычленился антипод города (прежде всего, деревня) в рамках уже урбанизированного пространства. Поэтому малая и большая величина поселений, несущих урбанизированные элементы при наличии уже урбанизационной среды (и урбанизационных процессов), особенно при не самой высокой плотности ее не является аномалией.

Итак, один из обязательных и значимых в обеспечении прогресса цивилизации и урбанизации факторов – фактор подготовленности, внутренних возможностей в х о ж д е н и я конкретных о б щ е с т в в эти определяющие перспективу исторического развития процессы, предполагал с необходимостью действие и другого фактора, имеющего важнейшее значение в создании условий активного проявления и обеспечения перспективы и темпов дальнейшего их развития, т.е., возможностей удержания. Это объективно обусловленная возможная глубина и структура изменений, связанных с этими процессами в соответствующих областях, или "фактор мощности переработки" и освоения инноваций, с ними связанных. Значение потенциальных возможностей обществ к восприятию инновации достаточно хорошо фиксируется в реальном осуществлении процессов урбанизации в историческом развитии обществ южнотуркменистанских областей.

Но важно отметить и другой момент, который, к сожалению, не учитывается в связи с оценкой условий развития урбанизационных процессов в конкретно-исторических регионах и областях и на который уже здесь указывалось. Это подготовленность, внутренняя зрелость (см. выше) самого процесса цивилизации к "освоению" новых территорий и обществ и расширению пространства его существования и "действия", а также степень развитости урбанизационной среды (как составной части цивилизации и ее результат), ее глубина и интенсивность. И в этом плане существовали разные уровни развитости процессов цивилизации и урбанизации, обеспечивающие в разной степени расширение сферы их действий. Так, известно, что наиболее древний этап и первый уровень урбанизационных процессов связывался с обществами наиболее перспективными в своем (и прежде всего в экономическом) развитии, "вырвавшимися" вперед и одновременно сложно организованными, функционирующими в сложной ситуации. Последняя предполагала сохранение всех противоречий – реализованных возможностей в рамках принципов и условий существования системы обществ раннеземледельческих культур, с одной стороны, и принципиально новых элементов и структур внутри нее возникших, но отрицающих ее нормы, с другой. Этот этап становления требовал максимального энергетического обеспечения своего рода "скачка" общества, бифуркационного напряжения в эволюционном движении – развитии общества. Это состояние "начала" проявилось в обществах Шумера и Месопотамии как в наибольшей степени и наиболее интенсивно реализующих технологические и общепроизводственные достижения племен земледельческих культур.

Лишь "накопление" соответствующего потенциала урбанизации как всеобщезначимого явления естественно-исторического процесса опреде-

ляло расширение преобразующего действия его (но не как собственно месопотамского) и на новые области земледельческого мира и обеспечивало условия активизации втягивания наиболее подготовленных в этом плане групп племен в новые отношения. Но это происходило не по принципу диффузии-влияния, распространения и давления, а как осуществление единого "общепереживаемого" и "общеорганизуемого" в системе обществ раннеземледельческих культур и общезначимого процесса ее "разрушающего", порождающего над ней исторически новое состояние и стягивающего, впитывающего на разном уровне осуществления "способные" в него включиться общества. Лишь соответственный уровень цивилизационных, включая урбанизационные, процессов, определивших новые условия функционирования обществ всей земледельческой ойкумены в рамках Ближнего Востока (в широком его понимании), обеспечил максимальную реализацию внутренних возможностей южнотуркменистанских племен (при недостаточно еще структурно сформированных здесь отношениях новой социальности). И в то же время именно новый темп и уровень процессов урбанизации и цивилизации в целом, установленные (в результате не только кумуляции новых структур и объектов, интеграции их связей, в том числе частнособственнических отношений) в первой четверти II тыс. до н.э. (при усложнившихся многообразных связях и отношениях всех земледельческих и неземледельческих племен) требовали не только внутренней устойчивости, но и соответствующей динамичности, мобильности конкретных обществ, определенной глубины структурной развитости новых отношений (связанных с урбанизационными процессами) и наличия соответствующих производственных мощностей для принятия новых темпов и ритма этих процессов.

Именно установление нового состояния самого процесса урбанизации и новых требований его определили "отсевание" определенных, не обладающих всеми вышеотмеченными свойствами обществ, в одних случаях, в других – их переструктурирование, перестройки. Происходила их специализация – стандартизация на соответствующем уровне, большая или меньшая консервация, занятие ими новых, иногда менее развитых в социальном плане позиций (но уже в урбанизированном пространстве), как это было с анаускими племенами. Несостоятельность "полной" реализации процесса цивилизации – на уровне максимального в соответствующий период его проявления в наиболее перспективно развивающихся областях – определяли необходимость поиска возможного выхода "прикопетдагского" общества (уже измененного и вышедшего за рамки общинных норм и условий функционирования) из создавшегося положения. И здесь произошло своего рода "отступление". Оно выражалось не только в дислокации населения и занятии урбанизированными в соответствующей степени племенами новых земель, но и в определенном социальном отступлении поселенческих структур и при занятии ими новых позиций, при реконструкции некоторых традиционных форм. Такое своего рода отступление отмечается, в частности, по материалам памятника Сапаллитепе, свидетельствующих об обитании на юге Узбекистана общества, заметно менее

сложной организации и стратификации, чем в поселениях прикопетадгской области предшествующего времени. Однако это была уже болезнь роста нового. И последующее формирование новых социально-пространственных образований со структурами, отличными от традиционных (первобытно-общинных), в Бактрии и Маргиане, в частности, характер организации таких поселений, как Джаркутан, представляющий особый ранний вариант городской культуры, – достаточно яркое, как уже отмечалось выше, свидетельство этому. Показательны в этом плане обстоятельства активного развертывания урбанистических процессов в последующие периоды на протяжении всего I тыс. до н.э. Все это свидетельствует об устойчивости здесь тенденций урбанизации и прочной включенности среднеазиатских обществ ряда областей в сложные процессы цивилизационного прогресса. Формирование двух оазисов со специфической системой расселения и организацией жизнедеятельности в поселениях, сохраняющих определенные урбанистические характеристики (несвойственные первобытному обществу), но не отвечающих всем показателям городских структур и урбанизированного общества, сыграло особую роль средства "снятия напряжения" разрушения урбанизационных процессов за счет снижения (при сохранении возможности этого) нормы осуществления ("выработки") их. Уже приобщившиеся к урбанизационному процессу южносреднеазиатские общества как бы "отошли" на более устойчивые и доступные в их реальном воспроизводстве позиции. Они были "призваны" сохранять традиции и тенденции процессов цивилизации и (как проявления ее) урбанизации между двумя "всплесками урбанизационных наступлений" – конца III – нач. II тыс. до н.э. (втягивание среднеазиатских обществ в эти процессы) и I тыс. до н.э. – новым развертыванием их и последующей продолженности.

Процесс урбанизации в период II тыс. до н.э. имел в целом уже более сложную структуру и более глубоко дифференцированное содержание в рамках всего ближневосточного и центральноазиатского регионов. Характер событий среднеазиатской урбанизации – лишь один из вариантов проявления неоднородности и разноразличности, разноплановости ее содержания, особенно в период второй половины III–II тыс. до н.э. А формирование так называемой зоны цивилизации "второго порядка", а по существу, нового, более сложного по содержанию уровня ее осуществления в целом, безусловно, изменило возможности активного развития и особенности урбанизационной среды и урбанизационных процессов, обеспечивающих преобразующее действие в осуществлении исторического развития общества. Одновременно усложняется дифференцированность в реализации результатов этих процессов, с одной стороны, и действие интегрирующих "свойств" их – с другой.

Итак, урбанизация – продукт сложных преобразований в рамках исторически наиболее прогрессивной для соответствующего времени системы обществ раннеземледельческих культур, преобразований, "выводящих" определенные общества за ее пределы, на исторически новый уровень функционирования. Этот уровень, предполагающий

новые принципы и формы организации жизнедеятельности, отрицает ее нормы, характеризуя принципиально новое состояние – состояние цивилизации. Составляющие субструкта отношений цивилизации, связанной со становлением исторически нового состояния социальности, формируются еще (как отмечалось) в рамках старого общества – общества раннеземледельческого мира, но как несвойственные его природе. Сформированный субструкт определенных отношений "выводит" новую социальность. Он становится организующим и образующим началом всех отношений урбанизационной среды, урбанизационных процессов, уже заложенных в нем.

Но урбанизация – это не только новый тип интеграции общества, его коммуникативных связей и информативных потоков, характеризующих новый уровень, условия и принципы взаимодействия субъектов и т.д., т.е. исторически определенное состояние. И это не только новая, более высокая по своей организации и иная по природе целостность осуществления жизнедеятельности общества. И это не только продукт исторического процесса, но и сам текущий исторический процесс, постоянно воспроизводящий в соответствующей форме содержательную, функциональную и субстанциональную сущность отношений новой социальности – цивилизации.

В самом историческом развитии урбанизации (в ее обобщенном понимании) как процессе объективно проявляются две взаимообуславливающие друг друга стороны-тенденции. Одна – это *и н т е н с и в н о с т ь* – перманентные накопления нового содержания, функций, структур, а поэтому возможностей действия, устойчиво увеличивающихся при всех объективно возникающих сложностях и отступлениях (как это было, например, во II тыс. до н.э. или в переходный период от античности к раннему средневековью) в реальном развитии урбанизационных процессов. И вторая сторона-тенденция – это *э к с т е н с и в н о с т ь*", так же объективно заложенная (особенно на первоначальных этапах, когда развитие образующих новую социальность отношений, стоимостных прежде всего, требуют, например, при слабой развитости внутреннего рынка постоянного расширения радиуса движения продукта) в содержательную и функциональную сущность урбанизационных процессов. Неразделенные в сущностном определении урбанизации, но реально действующие стороны-тенденции ее в своем взаимодействии обеспечивали не только постоянное расширение урбанизированной сферы за счет вовлечения новых обществ в единый, сложный, с разной ритмичностью действующий поток урбанизационных процессов. В своем взаимодействии они обуславливали и увеличение соответствующей устойчивости исторически новой системы на основе роста "массы" и "пространства" действия урбанизационных потоков, и взаимодействующих сил в них, а поэтому роста ее сложности. Но при этом важно различать – главную тенденцию развития урбанизации (явления цивилизации) как развития оснований роста исторически новой системы, ее утверждения, движения к целостности, во-первых, и конкретно историческое проявление урбанизационных процессов, во-вторых. В последнем случае возможны локальные или временные

"ослабления", "проседания" и "размывания"* их и прежде всего на рубежах разного рода переходов и в периоды активизации деятельности субъектов (конкретных обществ) исторического действия, вызванной разными причинами объективного характера (в частности изменениями климатических условий, социально-экономическими кризисами, стимулирующими, например, миграции, войны и т.д.).

Во взаимодействии двух сторон тенденций развития урбанизации (явления цивилизации), в котором она реализуется как состояние и процесс, проявляется еще одно определяющее ее свойство и характеристика – ее действие-воздействие, роль средства преобразования. Под прессингом объективно осуществляющихся (саморазвивающихся) урбанизационных процессов, под влиянием и действием сформированных урбанизированных структур, происходят дальнейшие урбанизационные преобразования – урбанизация-действие (урбанизирование). Эти преобразования проявляются, с одной стороны, внутри урбанизированных (в разной степени, в том числе и прежде всего в обществах-носителях потенциала и тенденций этих процессов) зон за счет уплотнения урбанизационного состояния, усложнения и формирования новых урбанистических структур, с другой, – во вне таких зон, обеспечивая расширение действия урбанизационных норм на урбанизирующиеся, включающиеся в поток урбанизации общества, а также на общества, присваивающие отдельные элементы и позиции урбанизационной среды на ранних этапах цивилизации.

§ 4. Город как явление урбанизации и организации социального пространства

Возникновение города – исторически обусловленный акт. Он появляется не просто на определенном этапе исторического развития как результат и одновременно как момент его. Город связан прежде всего с новым исторически определенным состоянием социальности, в которой город воспроизводится как объективно обусловленное ею (вернее, урбанизационной средой, вплетенной в ткань этой социальности) средство и условие реализации, сохранения и развития большой совокупности связей социальных структур, отношений, свойственных ей, ее образующих. И именно поэтому он объективно существующее, устойчиво постоянное явление этой определенной социальности, связываемой с разделенным (классовым) обществом, разделенным производством. И хотя, как уже отмечалось, нет города вообще (город всегда конкретен, в своем функционировании во времени и пространстве), он существует как действительность исторически определенной, но развивающейся социальности. Являясь неотъемлемой частью процессов, связанных с цивилизацией, формированием этой исторически определенной социальности (полагающей разделенное производство, разделенное общество, разделенного человека) в целом город "выполняет" все осо-

* В данном случае используются рабочие определения обеспечивающие в контексте решаемых в данной работе, в том числе в данном случае, задач дифференцированную характеристику процесса древней урбанизации.

бенности стадияльной, в том числе формационной характеристики общества. В рабовладельческом, феодальном и др. обществах город, составляя с ними органически единое, в своей социально-экономической характеристике несет на себе все особенности господствующих норм, традиций, принципов организации этих обществ. Но именно город, выступая как постоянная необходимость более широкого, более емкого целого (социальности цивилизации), заключает в себе все связи и особенности противоречий единства этого целого в пространственно-временном континууме цивилизации. Могут разрушаться и исчезать отдельные города, определенные культуры, сокращаться зоны цивилизации, но устойчива (и может быть лишь заменена другой по природе) функционирующая социальность разделенного (классового) общества, разделенного производства, содержащая необходимость города. Образование города как реализации урбанизационной среды, формирующейся в процессе становления новой социальности, обуславливает две разные действенные позиции его. Объективируя в своем образовании урбанизационную среду, превращая ее в действительность, город самообразуется как субъект исторического действия, выступает в качестве носителя ее во всей сложности содержания последней. Одновременно город как особый социальный организм является субъектом активного действия в воспроизводстве урбанизационной среды, ее субстанциональной сущности, в частности в такой ее объективирующей форме как поселенческая организация общества. Уже само появление города как особого – "другого" – типа поселения в его противопоставлении предшествующим однопорядковым поселениям в процессе все увеличивающейся их дифференциации и иерархизации изменяет принцип расселения и организации жизнедеятельности общества. Изменение типа кумуляции и интеграции населения, опосредованное глубокими социокультурными преобразованиями в обществе в целом приобретает в городе самостоятельный характер, в нем заключаются внутренние тенденции (хотя и сложнообусловленные) образования всего социального пространства. Небезынтересно в этом плане высказывание Р.Л. Карнейро, который отметил, что "действительно основополагающим моментом, тем, который повлек всю цепь событий, приведших к образованию империи, был переход от деревенской автономии к наддеревенскому уровню интеграции. Это было изменением качества, все, что последовало, было в определенной степени лишь изменением уровня"¹⁴⁴. Естественно, и выше уже это отмечалось, что становление самой деревни (и противоположности города и деревни*) – это завоевание исторически более позднее и сложное. Формирование надобщинной интеграции в рассматриваемый период предполагало вычленение города из поселенческой системы другой природы, в то время как природа социально-экономического основания особого единства противоположности города и деревни одна. И именно новая природа надобщинной интеграции обусловила новые тенденции и характер ее

* В исторических исследованиях иногда не учитывается принципиальная разница между деревней – явлением цивилизации и поселением доцивилизационного общества.

исторического изменения. При этом община долго сохраняла свои права, когда уже город стал главным и решающим интегратором всех связей. Более того, она "навязывала" *формы* организации сущностно новым связям исторически нового состояния. Но уже с самого начала появления города его связи (в их развитии) с традиционной общиной определялись особой его и представляемой им социальности сущностью. Появление города трансформировало весь характер организации расселения населения, изменяющегося уже по новому сценарию, но достаточно выражено и интенсивно. Исследования Р. Мк. Адамса¹⁴⁵ и Г. Джонсона¹⁴⁶ раскрывают особенности и направленность таких пространственных топографических изменений в бассейнах больших (Тигра и Евфрата), средних (Горгана) и др. рек в процессе формирования древнейших урбанистических структур. Происходит постоянное не только усложнение и увеличение размеров городов, но и углубление, усложнение их связей с другими типами поселений и между собой. Формируются сложные иерархически организованные образования, в естественно структурирующей топографии реализующие социальное пространство нового развивающегося общества. Изменяется функциональная характеристика городов как в исторически обусловленном плане в целом, в процессе развития общества, так и в связи с дифференциацией направленности основной деятельности конкретных городов (Сиппар и Каниш, например, во II тыс. до н. э. представляли торговые города, Ниппур был признанным религиозным центром). При определенном уплотнении и росте разнообразия поселений формируются определенные территориальные группировки их¹⁴⁷, своего рода агломерации, с большими или меньшими локальными связями между объектами, хотя плотность и глубина внутренних связей для очень раннего периода были еще недостаточно выражены. Существуют специальные исследования в системе экономических, географических, исторических, в том числе собственно археологических, знаний, посвященные проблемам организации поселенческих структур и их отношений, содержащие теоретические объяснения и соответствующие им схемы¹⁴⁸. Среди них "теория центрального места", "модель тяготения" и др. Однако проблема расселения и географической организации социального пространства урбанизированного общества – особая, требующая, в частности в силу характера и разнообразия предлагаемых позиций, специального обсуждения. В контексте рассматриваемых вопросов важно отметить лишь сам факт формирования в историческом развитии общества при переходе его на стадию цивилизации принципиально новой организации системы расселения. Новые по своему характеру поселенческие – урбанистические – структуры развиваются на новых основаниях, имеют иную, чем прежде, природу и образуют новую организацию социального пространства. Существуют разные уровни и формы такой организации, например пространства урбанизируемых крупных зон. В рамках такого пространства формировались другие уровни его организации, в частности социальное пространство города и др.

Одним из важнейших и показательных моментов в характеристике нового социального пространства являлись новые связи субъектов,

принципы их взаимодействия. Появление городов усиливало межобластные отношения, расширялся радиус последних, длительность и частота контактов, в том числе при выборочной направленности связи, диктуемой новыми экономическими требованиями отдельных центров, "раскрывались" этнические рубежи, в частности в Месопотамии, для которой характерно этническое и лингвистическое разнообразие. В новом социальном пространстве урбанизированной зоны устанавливались нормы отношений, диктуемые новыми нормами жизнедеятельности. Выступая интегрирующим фактором урбанизации, всей совокупности социально-экономических отношений, связанных с этим процессом, город сам преобразуется, изменяется в прогрессе этого процесса. Изменяются его размеры, топография, структурно-организационные формы, содержание производственной и культурной жизни, усложняются социальные отношения, увеличивается его ролевая нагрузка, расширяются и дифференцируются функции (как конкретных социальных организмов, так и в разделении их между городами с преимущественным преобладанием тех или иных), как одна из наиболее характерных тенденций его развития. Дифференциация и усложнение функции города формируют соответствующие новые структуры и отношения взаимодействия между ними. Рост функций при этом находится в прямой связи с ростом разнообразия деятельности. Они налагаются одна на другую и усложняются. Увеличивается функциональная взаимозависимость. Сравнительный анализ исторически реконструируемых функций древнейших городов, например, шумерского и аккадского периода, и городов II тыс. до н. э. позволяет говорить о значительном сдвиге не только в явном расширении функции как устойчивой тенденции, но и вычленении основных, в том числе функции организации, (в частности, правовых), собственно городских, частнособственнических отношений.

Но все функции вычленяются как объективно необходимые изнутри социальности, обеспечивающей саму актуальность города. И степень их развитости, преобладание, устойчивость определяются уровнем и сложностью структуры урбанизационных процессов, с одной стороны, конкретно-исторической ситуацией развития городов определенных обществ – с другой. Но как генератор возникающих функций выступает опять-таки развивающаяся, усложняющаяся в своем содержании урбанизационная среда, "держущая", порождающая, сохраняющая реальность города. Такая естественно возникающая реальность города не может не обеспечить постоянных характеристик его, внутренне заложенных в его развитие, при этом не в каждый конкретный город (поиск всех характеристик в каждом конкретном городе заводит в тупик и не может обнаружить действительную сущность его), а в город как явление урбанизации.

Именно поэтому и в структурной организации (в особенностях изменения топографии города, в частности расширении его за счет роста специализированных участков, торговых домов, частных домов и т.д.), которая может значительно различаться и в сущностно-содержательной характеристике древнейшего города (в фиксируемом по документам

росте стоимостных отношений, купле-продаже земельных участков, частнособственнических операциях и т. д.), и в духовной сфере (в древнейших мифах, клинописных медицинских и математических "сочинениях", в самой письменности, и т. д.), в особенностях организации бытовой жизни горожан раскрываются не только конкретно-историческая его представленность, но и всеобщезначимые особенности новой социальности, отношения которой интегрирует город

Это было новое общество, для которого были свойственны принципиально новые отношения – частнособственнические, стоимостные, отношения взаимодействия, где субъектом последних выступает не единый неразделяемый коллектив, а индивидуализированные (в большей или меньшей степени, в том числе и на уровне коллектива индивидов, в частности, большесемейных общин) представители, условия жизнедеятельности, и духовный мир которых, замкнуты на отделенную от общеообщинной в ее целевой и функциональной направленности деятельность. Особый характер и структура последней и становилась важным образующим и дифференцирующим началом структурной и содержательной организации города. И изменения во времени связей, отношений в этой все более многоплановой деятельности (самой деятельности отношений) обеспечивают главное содержание развития городской жизни.

В развитии стоимостных частнособственнических отношений, определяющих природу новых оснований стратификации и дифференциации общества и принципы взаимодействия индивидов, приобщающих последних к отношениям "всеобщности", к развертыванию "свободных связей", особое значение приобретают сферы их собственно производственного обеспечения и условий функционирования. Это ремесленный (промышленный для всего докапиталистического периода) труд по производству различного рода изделий, вводящий "возможность" "отчуждения труда", и формирующийся на этой основе, а также торговля, обеспечивающая движение продукта труда и разнообразие отношений, с ним связанных.

Ремесленно-торговые отношения, обеспечивающие условия генезиса города, выступают постоянной характеристикой его содержания, независимо от особенностей и степени представленности их в конкретном городе. И поэтому в специфике развития ремесленно-торговых структур, особенностях отношений ремесленников и торговцев между собой, друг с другом и с другими группами населения, которые восстанавливаются на основе археологических материалов и письменных источников, убедительно и четко прослеживаются главные тенденции в становлении и динамике городской жизни.

В древнейшем городе Месопотамии, при всей еще слабой выработанности его образующих и к тому же при малой изученности реального состояния разных групп населения, ремесленник уже по имеющимся на сегодняшний день данным источников достаточно значимо представлен в качестве субъекта города (несмотря на количественное преобладание во многих городах земледельческого населения, что зачастую приводит в смущение исследователей, как отмечалось выше,

хотя в число такого населения могли включаться и практикующие в общей структуре своей хозяйственной деятельности земледелие большесемейные специализированные ремесленные общины). В городе концентрировались ремесленники разных специальностей, связанные с дворцами, храмами, ремесленники, представляющие большесемейные специализированные общины и т.д. Однако, будучи, по своей природе городским (как представляющее производственные отношения разделенного труда – экономического основания города) ремесло могло функционировать и за пределами его – в обычных поселениях как на самых ранних этапах, когда оно ставилось (см. выше, о поселениях гончаров в Шахри-Сохте) как реальное важное условие города, так и позже, когда оно стало не только объективно значимым, но активно воспринимаемым как компонент городской экономической структуры, независимо от территориальных условий функционирования его. И в целом, главная тенденция "расселения" ремесла – это кумулирование и интегрирование его в городе. Анализируя документы из Угарита, перечисляющие ремесленников из разных городов и поселений, И.Ш. Шифман считает, что в числе названных специалистов многие были жителями Угарита (хотя ремесленники жили и в других крупных населенных пунктах)¹⁴⁹.

В определении субъектов города приобретает важное значение этническая характеристика ремесленников. В числе перечисляемых по документам И.Ш. Шифманом ремесленников Угарита – выходец с Кипра. Безусловно, в городах, особенно при дворцах, оседали специалисты-ремесленники, привозимые и приводимые, в частности, из военных походов. Но очень важен сам факт заселения города этнически разными лицами, в том числе ремесленниками-производителями, так же как и купцами. Этническая неоднородность населения города – важный момент его характеристики. Здесь оптимально разрывались родовые, общинные связи, что в наибольшей степени свойственно отношениям города.

Развитие ремесленной деятельности обеспечивало и структурные изменения в городе в плане формирования его социально-пространственной внутренней организации.

Уже раннее выделение в городе специализированных производственных участков (при всей обусловленности такого выделения производственными интересами, как, например, гончарное) – свидетельство его и структурно-пространственной, и социальной фиксации. Специализированные участки, как уже упомянутые в таких древнейших урбанизированных структурах, как Алтын-Депе, Шахри-Сохте, Мохенджодаро, – это не только показатель производственной зрелости, но и фактор, несущий значительную социально-психологическую нагрузку в определении и выделении ремесленника в общественном сознании.

Итак, при изучении условий возникновения новых форм общения, связей, обуславливаемых процессами урбанизации, необходимо помнить, что определяющим моментом здесь являлись новые отношения, складывающиеся в торгово-производственной сфере, в ее развитии как особой внеобщинной по цели и сущностному содержанию деятельности.

Это прежде всего отношения, формирующиеся в сфере непосредственных производителей-ремесленников, которые независимо от места их территориального пребывания объективно вступали в своей деятельности в особые, новые стоимостные связи. Их отношения как отношения специфической социальной группы основывались на общности целевой направленности их деятельности (изготовление продукта для его "отчуждения" в форме продажи), условий и характера труда. Они находились в относительной (но еще при тесной связи с земледелием) независимости от собственно земледельческих групп населения не только в силу особой природы ремесленного труда (в частности, условий его организации и реализации), но и объективно обусловливаемого растущего признания их особого социального статуса. Появляются новые установки, новые ориентиры в их отношениях и в отношениях к ним.

Формирование особых производственных отношений производителей в рамках ремесленного типа труда и отношений потребителей (разного рода и уровня) к самим ремесленникам как специфической группе населения, а в результате общественное выделение последних определило их социальный статус в системе города.

Важную группу городского населения принципиально социально новую составляли купцы. Положение купцов как особо выделяемой социальной группы населения, связанной с новым уровнем и характером организации экономической жизни, было разным. Это купцы, осуществляющие большие операции на выезде, – купцы-караванщики, купцы-агенты фактории – *kārum* (широко распространенные во многих городах). Такие ассоциации, как отмечает И.М. Дьяконов, "были связаны между собой тесными узами, не имевшими ничего общего с государственным подчинением". И, наконец, особую группу составляли купцы-тамкары (которые, "хотя и исполняли некоторые государственные поручения... однако в организационном отношении и в основной своей практической деятельности представляли собой вполне самостоятельных хозяев, фактически не контролировавшихся государством")¹⁵⁰. Появляются группы, разные по своему реальному положению, но тесно связанные выполнением единой функции, объективно общественно уже выделяемой, – функции распределения продукта (в особой его форме торговли) – обмена и одновременно функции организации потребления. Они объединяли людей, имеющих свои особые цели, мотивы деятельности, средства действия, одинаковый характер деятельности и общие ("индивидуальные" по отношению в общинным, например) интересы и ценности, отличные от ценностей, условий функционирования других групп населения, и поэтому выступали как особое социальное явление. Эта группа населения представляла особую часть общества и имела свою специфическую функциональную нагрузку, свои экономически значимые особые качества, которые и определяли его социальную сущность. И.М. Дьяконов подчеркивал особое положение купеческой фактории даже в Уре, в Южном Двуречье, где "вообще государственная власть... более чем где-либо пыталась – не всегда успешно – подчинять торговлю своему контролю". Он указывает на

большой объем торговли, ведшейся "по инициативе не храма, а самих купцов"¹⁵¹. Необходимо отметить, что купцы, часто даже в большей степени, чем ремесленники, разбавляли этническое единство населения в городах. Купеческие объединения, международные торговые центры включали в свой состав иноземцев (дальних, в том числе связанных с "чужими" этносами, и ближних областей), хотя и образующих свои особые группы, как это было с ашурцами в Канише. В Сиппаре, например, отмечается улица людей из Эшнуны, а также пригород аммореев¹⁵².

Купеческая группа населения, выделившаяся в процессе зарождения новых стоимостных отношений, во многом определяла реальные формы общения, складывающиеся в городе как отношения, определяющие социальную природу общества (где обеспечивались условия для функционирования новых социальных структур), создающие особую городскую среду.

Всеохватывающее единство земледельческой деятельности, однотипность по своей сущности совершаемых работ, сходство общих условий жизни определяли особый тип и психологию поведения человека и формировали определенное социальное сознание его. Дифференцированность (даже коллективная) труда, разнохарактерность производственной деятельности по времени, по характеру работ, по результатам труда, распределению продукта и т. д., мобильность связей и передвижения определяют другой тип общения и психологии поведения. Разнохарактерность и разноуровневость форм общения в торгово-ремесленной деятельности реализовалась во всех сферах жизнедеятельности. Ярким примером развернутости и разнохарактерности общения являются рабочие связи уже называемого Эанацира (конец III – II тыс. до н. э.): купец и в то же время хозяин большой медеплавильной мастерской, который связан с крупными ремесленниками-медниками, одновременно он выполнял особые поручения храма и дворца¹⁵³.

Многоплановость деятельности Эанацира свидетельствует об особом выделении именно в промышленно-торговой сфере производственной деятельности новых не просто управленческих функций, а организационно-производственных. Владение в качестве частично заинтересованного организатора продуктом производства и в большом объеме, возможности самостоятельного действия психологически ориентировали такого типа представителей уже на иные нормы производства (в отличие от вышерассмотренной ситуации производства, ограничиваемого потреблением), на дополнительный, избыточный продукт, необходимый для проведения достаточно широких для соответствующих времени и ситуации производственных и торговых операций. Наличие такой ситуации, которая фиксируется в связи с деятельностью Эанацира, – это результат длительного исторического процесса формирования таких производственных институтов, как крупные частные мастерские, как координация торгово-ремесленной деятельности в больших масштабах на уровне частной инициативы и прав. Это также показатель сформированности на основе активного развития и изменения структурной организации производственной деятельности, ее содержания,

развития промышленного труда-системы особых социально-производственных отношений, интегрируемых в городе (городских), особых социально-психологических состояний субъектов (как результата освоения новых экономических позиций).

Объем и характер деятельности, выполняемой такими представителями, как Энацир, УрНанне и другими, известными по клинописным документам лицами, сложная совокупность задач, целей, действий и отношений, связанных с ней, определяли мотивы и средства их поведения как людей нового общества. Психические процессы человека, его "высшие психические функции, – писал А.Н. Леонтьев, – приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторические сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними"¹⁵⁴. В процессе предметной деятельности в развернутом общении, предусматривающих решение разных конкретных задач, "не только впитываются, осваиваются общественно сформировавшиеся условия и нормы труда и взаимоотношения, но и формируются новые отношения и одновременно происходит изменение самой формы психического отражения реальности: возникает сознание – рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя"¹⁵⁵. Человек приобретает новую исходную позицию, новый взгляд, новый подход к действительности. Уровень сознания, структура и характер отношений к миру людей и миру вещей делают его в рассматриваемой ситуации не только инородным моментом в структуре собственно общинных в своей сущности отношений, но и образуют новые возможности, новую реальную силу его как субъекта действия, поскольку объем практических и социальных знаний и содержание связей увеличивали производительную и общественную силу человека.

Объем и разнообразие деятельности изменяет производственно-временные характеристики в поведении "новых людей".

В целом именно в деятельности вышерассмотренных групп населения формировались принципиально новые группы социальных и экономических связей, социокультурных норм отношений взаимодействия, обуславливающие реальную устойчивость функциональной потребности и одновременно объективно создаваемую (в реализации деятельности) наличность закономерностей функционирования соответствующих структур и организмов их интегрирующих и развивающих.

Однако социальное пространство города вмещало в себя и образовывалось отношениями более широкого и многопланового содержания. Большую роль в структурировании социального пространства города, в кумулятивных и организационных процессах развития его как особого организма играли и другие социальные институты и прежде всего храмы, дворцовые комплексы. Вычленяющиеся в общине, но адаптирующиеся и адаптирующиеся в системе новых отношений, храмы и княжеские институты реализовали традиционно подготовленные кумулятивные начала уже в новом содержании организационно-управленческих функций в рамках нарождающихся городов.

Сама роль, значение и место в организационно-управленческих действиях этих институтов менялись (что опосредовалось как экономическими, так и политическими причинами)¹⁵⁶, в том числе за счет изменения, деструктурирования старых общинных норм и все большего вовлечения общин в особые, глубоко объективно интегрированные экономические связи. Уже достаточно устойчивый частно-общинный сектор не был вытеснен даже при правлении III династии Ура, хотя, как отмечает И.М. Дьяконов, "нельзя не признать, что царский сектор настолько доминировал во всех отраслях экономики при III династии Ура, что несомненно, должен был определять также и лицо нижне-месопотамского города того времени"¹⁵⁷. Однако в плане обсуждаемого здесь вопроса важно и следующее замечание этого ученого. "По-видимому, этого не наблюдалось (доминирование царского сектора. – Э.С.) в таком масштабе в городах других стран Передней Азии ранней эпохи, и потому мы ни в коем случае не должны рассматривать нижне-месопотамский город III–II тыс. до н. э. в качестве некоего образца как эталона древневосточного города"¹⁵⁸.

Мнения одного из наиболее авторитетных специалистов в области истории и письменности Древнего Востока о росте здесь частного сектора, основанные на тщательном анализе источников, имеют важное значение для подтверждения позиции о многоплановом и многоуровневом, всеохватывающем (в рамках активно развивающихся групп племен ближневосточного региона) развертывании процессов глубоких преобразований, прежде всего в общинных началах, в частности, связанных с формированием частнособственнической сферы. Это был внутренне созревший на широкой социально-экономической базе земледельческого общества процесс, приведший к большим изменениям, в том числе социально-пространственной организации общества, к появлению города. Далее, именно Ур III династии может служить примером, иллюстрирующим средства, принципы, возможности активного воздействия (как положительного, так и отрицательного) храмо-дворцовых институтов на процессы кумуляции средств, капиталов и имущественную и социальную дифференциацию, особенно в условиях втянутости их в торгово-производственные отношения (в соответствующих формах организации последних и через сложно организованные системы посредничества).

При всем разнообразии осуществления процессов урбанизации в Передней Азии и разных потенциалах и ролевых нагрузках храмов и дворцов в интенсификации или угнетении урбанизационных процессов (развертывании торгово-ремесленных отношений прежде всего) – эти институты (которые в своем субстрактном содержании формировались внутри общинных отношений – как общее, объединяющее в храме или организующее начало дворца – но при вычленении их в качестве внеобщинных структур) занимали важное место в деструктурировании традиционных отношений и в формировании новых социальных связей.

Совершенно особое место занимали в организации городской жизни новые институты управления, дифференцирующиеся в кумулятивных и

интегрирующих функций, связанных с собственно городскими структурами городской деятельности, в частности с административным управлением, решением проблем распределения продукта и средств производства и т.д. С одной стороны, это собственно городские по своей содержательной сущности структуры, с другой – они часто сохраняют традиционные формы организации. Они обеспечивают зарождающиеся новые функции собственно городских организмов и новые социальные связи общества цивилизации. Интересен в этом плане указ из нузийского архива (Н XV 1) о субординации власти: "градоначальник (хазанну) принимает на себя заботу об округе и городе с крепостями, стоящими в степи, представители большесемейных общин, составляя совет старейшин, выдвигают арбитра – шахин-мәти, главу общинного самоуправления. Последний держит связь с градоначальником"¹⁵⁹.

В другом документе из Нузи подчеркивается организующая роль города, когда, согласно акту (Н XV 128) 30 селений, представляющих округу, были связаны с центральным ведомством, в частности, при распределении воды градоначальником¹⁶⁰. В самом городе существовала сложная дифференцированная система управления, формирующая особый управленческий слой – штат чиновников, свойственный именно городскому организму. Согласно документам Каниша, в нем управлял правитель и "великие" ответственные за разные сферы жизнедеятельности и прежде всего производственную деятельность. В документах, например, названы начальник кузнецов, начальник литейщиков бронзы, начальник ткачей и т. д. Выделяются ответственные и в сфере обслуживания – начальник рынка, начальник толмачей и т. д.¹⁶¹

Одним словом в городе создавалось и город создавал большую интегрированную им совокупность разных отношений, структур, алгоритмических функций, закономерностей, обеспечивающих собственно городское пространство действия городских субъектов. В числе важнейших и актуальных проблем городского социума – проблема формирования (при всех ограничениях, вариациях запретов, при длительном прочном сохранении традиций общинных связей) гражданской общности в ее первоначальных формах проявления, включающая вопросы социально-экономического, социально-психологического и социокультурного обеспечения процесса образования субъекта города.

Мы уже акцентировали внимание на том, что вычленение и формирование ремесленников и торговцев как особых социальных групп, явившихся результатом глубоких преобразований в производственной сфере, стало главным образующим компонентом городского социума, независимо от количественной представленности их на первых этапах его. Функционирование этих групп как "самостоятельных" уже само по себе характеризует новое состояние социальности, в рамках которой город становится необходимым фактором.

В какой же степени эти категории людей обеспечивали гражданский уровень города? Тщательно исследуя архивные материалы И.М. Дьяконов и Н.Б. Янковская приводят в своих работах значительное коли-

чество данных об индивидуальных операциях купцов, коммерческих посредниках, различных дельцов, которые могут быть отнесены к числу свободных (в рамках своего времени) горожан и роль которых в городе в плане формирования соответствующих отношений и связей была достаточно большой, так как была экономически обоснованной. И.М. Дьяконов для жителей Ура ставит вопрос – "имели ли свободные граждане, не связанные прямо с царем и храмом, собственную общинную организацию?". И отвечает: "На этот вопрос ответить трудно", поскольку "старейшины" (šībūtu[m]) и "старосты" (градона- чальники) (gabī'āpu[m])¹⁶² в исследованных документах Ура не встречаются. Правда, в Уре известны судебные коллегии, к работе которых привлекаются свободные полноправные граждане. На основе имеющихся данных И.М. Дьяконов делает вывод, что "какие-то не подчиненные царской администрации собственные органы власти граждане города имели, но существовал ли общий совет города Ура – остается неясным. О существовании в Уре времен Ларсы народного собрания, кажется, говорить нельзя, хотя в некоторых городах старовавилонско- го периода они были"¹⁶³.

В то же время особые коллегиальные органы предполагаются И.М. Дьяконовым для Шуруппака XXVII–XVI вв. до н. э. А для "Аш- шура... наличие такого коллегиального органа управления, а именно совета старейших, бывшего верховным органом государства, можно полагать с полнейшей достоверностью".¹⁶⁴ И далее, «должность "стар- цев города", как реально существующая, достоверно засвидетель- ствована деловыми и другими документами, начиная со времени династии Акада (XXIV–XIII вв. до н. э.)»¹⁶⁵

И.Ш. Шифман на основании анализа угаритских архивных мате- риалов определяет характер особого института, скрывающегося под термином *сакинну* и связываемого с городской административной си- стемой. "Они представляли интересы в сношениях с другими госу- дарствами, вели самостоятельную переписку с чужеземными прави- телями и принимали послов, были облечены судебскими функциями и имели полномочия поддерживать порядок на территории Угарита, в том числе арестовывать людей по своему усмотрению и освобождать от уплаты пошлин. В своих действиях они были формально независимы от царя, чем и объясняется обращение к ним явно в обход царя и его администрации"¹⁶⁶.

Исследуя вопрос о городском самоуправлении, И.Ш. Шифман рекон- струирует систему магистратов угаритского общинного самоуправления следующим образом: правитель города ("правитель страны, сакинну- хазану), начальник рынка, управляющий полями (магистрат, специ- ально ведавший распределением и использованием земельного фонда), начальник овечьих троп..."¹⁶⁷.

Проблема гражданского, городского самоуправления слишком слож- на и широка, чтобы ее рассматривать более подробно в узких рамках задач данного раздела. Однако важным в этом плане представляется отметить несколько моментов. Прежде всего это, если судить по всей совокупности приводимых в этом плане документов, двойственный

характер институтов такого самоуправления, выполняющего административно-распределительные функции (известного, кстати, как отмечает И.Ш. Шифман и "на местах" – в отдельных населенных пунктах). С одной стороны, представлялись "традиции общинного сектора" – по форме организации, по содержанию отдельных функций (начальник овечьих троп), который охватывал нецарские сферы. С другой – это превращенный институт, институт, включенный в систему новых, в том числе денежных отношений и осуществляющий действия в конкретных условиях, устойчиво проявляющихся и активно развивающихся новых интегрирующих такие отношения структур (город, фактории, гавани и т.д.).

Гражданское и царское управление находились в сложных отношениях, характер которых определяется комплексом особенностей развития как самих городов, так и царской власти. Но важно, что оба эти института управления и власти возникли в недрах общины. Один – царская власть – формировался как отторжение от общины и ставился над общиной и вне ее структуры. Другой – гражданское управление – возникал как общественное явление (длительное время сохраняя собственно общинные формы) в реальном развитии своих сущностных начал, приобретая, однако, не только новые функциональные нагрузки, но и содержательный смысл. Оба они в тенденции своего развития отрицали принципы общинного самоуправления. И как новые институты управления обеспечивали потребности и цели уже нового по своей природе общества.

Складывающаяся система новых отношений взаимодействия городских субъектов, новых структур, реализующих их деятельность, находит четкое оформление в архитектурной организации города, его топографии, особенностях организации и изменения. В числе своего рода индикаторов, фиксирующих социокультурный потенциал города, развитость урбанизационного состояния, уровень города как субъекта исторического действия и особенностей функционирования субъектов города – степень дифференцированности и емкость сооружений, наличие монументальных строений, назначение и функциональная нагрузка городских объектов, развитость и количественные показатели производственных сооружений и т. д.

Своего рода структурное ядро города образовывал, например, храм-зиккурат Э-кишнугаль в Уре. Это грандиозное многоярусное сооружение, свидетельствующее о высоком уровне строительного искусства. Но главное – это тот объем и структура его организации, которая свидетельствует о сложном характере жизни этого и других храмов Ура. Раскопки, проводимые Л. Вулли в Уре, позволили, если и далеко не полностью, то в какой-то степени восстановить некоторые его особенности. По мнению Л. Вулли, площадь жилых частей Ура равнялась 56 га¹⁶⁸. "Город Ур времени династии Ларсы представлял собой, – пишет И.М. Дьяконов, опираясь на публикации археологических раскопок Л. Вулли, – возвышающийся над равниной овал из тесно скупившихся строений с внутренними дворами и плоскими крышами. При III династии Ура вокруг овального храма высилась стена"¹⁶⁹.

В Уре раскопаны кварталы (около 4250) жилых домов¹⁷⁰, склады, питейное заведение на постоянном дворе, меднолитейная мастерская, гавань с прилегающими постройками. И.М. Дьяконов приводит описание построек, характерных для двух раскопанных участков. "Постройки внутри городских пределов теснились настолько вплотную, насколько это было возможно; между домами – если не считать предполагаемой процессуальной улицы – оставались лишь узкие, кривые, то суживающиеся, то расширяющиеся переулки шириной в полтора-два, редко три метра, а то и совсем узенькие, неправильные проходы и тупички... Все остальное было беспорядочно застроено неправильной формы домами"¹⁷¹. Описание улиц, домов, приведенные в работах исследователей, характеризуют, безусловно, структуру, резко отличающую от сельскообщинных форм постройки, явно городскую, свойственную ранним ее периодам.

Раскопки французских археологов в г. Мари (Тель Харири) вскрыли уже развитый город II тыс. до н. э. Сложная и четкая планировка улиц, остатки сточных труб из керамических колец, мощные жилые комплексы. Дворец Мари представляет собой крупное и сложное архитектурное строение. Как в экономическо-производственном, так и в творческо-психологическом аспекте этот комплекс кумулировал значительный труд, большие средства, замыслы, возможности и т. д. Наибольшая длина его 200 м, при ширине 120 м. Площадь равна 2,5 га. Во дворце было 260 комнат¹⁷². В нем было много хозяйственных построек, хранилищ, "канализация", "отопление" по керамическим трубам в пятиметровой толщине стены, ваннные комнаты. Все эти особенности организации комплекса свидетельствуют об уровне культуры жителей, реализующих значительный объем технических знаний, во-первых; о достаточно развитой для своего времени структуре потребностей, во всяком случае в сфере бытовой жизни, во-вторых; о новой психологии в поведении, в-третьих.

В своем историческом развитии город во все большей степени приобретал особые "собственные свойства" как город вообще и как город конкретный – свойства, которые проявлялись в особенностях материально-пространственной среды, плотности информационных потоков, особенностях организации отношений взаимодействия в увеличивающемся разнообразии деятельности, и т. д. Формировалось совершенно особое физическое пространство города, его архитектурное оформление, топографическое членение, в большей или меньшей степени выраженное, но морфологически вычленяющее городской организм как особый. И формировалось особое социальное пространство – пространство отношений, связей, систем связей и закономерностей, наличие которых полагало сам город, и которые только в городе реализовывали свой социальный смысл. Именно эти отношения обеспечивали функциональные характеристики города. И, наконец, в процессе становления и развития города возникал сам субъект города – носитель всех городских отношений, образующий смысловое содержание социального пространства города. И в развитии этих отношений осуществлялся сам город как субъект исторического действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В реальном конкретно-историческом (как единственно возможном) осуществлении города проявляется великое, обусловленное временными и региональными особенностями, многообразие и разнохарактерность его существования и развития. Но он постоянно воспроизводится как особое социальное явление, объективно необходимое в своем содержательно-функциональном определении и вычленяемое в общественном сознании. Это обязательный компонент организации социального пространства общества на большой дистанции исторической эволюции, дистанции, охватывающей разные по историческому уровню и социально-экономическому содержанию его состояния – в древности, средневековье, новом и новейшем времени.

Становится все более очевидным, что ни признаки, ни функции города, наиболее часто закладываемые в программы исследований, ни временные и региональные его особенности, тщательно и глубоко изучаемые специалистами, не могут (при всей своей продуктивности) раскрыть общеисторический смысл города как социокультурного явления исторического процесса, поскольку не выявляют в своих границах внутренне заложенную (в соответствующих исторических условиях развития общества) необходимость его становления, обуславливающую его субстанциальную сущность.

Именно особая, объективно заданная обстоятельствами социального развития сущность, которая заключает закономерности его воспроизводства и функциональное осуществление в его общезначимых характеристиках (включая конкретные формы выражения, условия функционирования и функционального назначения), определяет исторический смысл и значение города в общей эволюции общества. Обоснование актуальности выявления сущностных характеристик города, его исторического смысла и природы, анализ реальных процессов формирования феномена города в контексте вышеназванной установки и рамках выделенных в работе проблем позволили высказать ряд конкретных соображений о городе как особом социальном, стадийно значимом, исторически обусловленном явлении системного происхождения, о возможности и необходимости его формирования и его преобразующей силы в развитии новой (по отношению к первобытному обществу) исторически определенной социальности (соответствующей цивилизации).

В данном случае представлялось важным заострить внимание на некоторых особенностях города как структурообразующего компонента исторически новой социальности и одновременно как действительности, порождаемой этой социальностью в процессе ее становления. В процессе перехода к ней образующих начал такого перехода и самой формирующейся социальности создаются сущностные основания и природа города.

Город не просто функционально значимый в организации жизнедеятельности общества феномен и не просто специфическое сложноструктурное дифференцированное образование и выражение культурных достижений общества. Он носитель и "организатор" определенной социальности, связанной с исторически определенным состоянием общества в его эволюционном движении в рамках цивилизации (при всех стадийных, поуровневых характеристиках, в том числе формационных).

Появление города большинство исследователей связывает, как уже отмечалось, с возникновением сложно стратифицированного классового общества, государства, частной собственности, с глубокими изменениями в производственной деятельности и т.д. – изменениями, которые объективно определяют переход общества на новый уровень развития – цивилизации. Несмотря на то, что не всегда эти явления обоснуются в строгой взаимосвязи и в системно значимой обусловленности, что часто они рассматриваются в неустойчивой последовательности и несмотря на то, что под прессингом данных (археологических и этнографических) о многообразии и неоднозначности форм и условий перехода к сложным, классовым структурам порой нивелируется значение, и смысл отдельных преобразований и их комплексности в объяснении процесса становления цивилизации, – главным остается признание того, что в целом они являются показателями выхода общества за пределы норм первобытности. Чрезвычайно важным представляется осознать, что переход к цивилизации осуществляется как скачок (при всей кажущейся его плавности и постепенности) на уровне бифуркационного взрыва, породившего новый тип социальности. Это не только другой исторический уровень развития, а исторически новая природа "социального" в общем социальном движении. Социальное движение оптимально реализовалось в исторически новой системе, которая в качестве ведущей характеризовала природу исторического состояния в общем историческом пространстве социального движения и направленность социальной эволюции. Главным субъектом исторического действия и носителем новой социальности становилось общество (общества) исторически нового типа. Субъектами же исторического пространства социальной эволюции в целом выступали и другие общества (исторически разных уровней развития), но прежде всего представители системы обществ раннеземледельческих культур, сохраняющие традиционные формы жизнедеятельности. Эти общества уже своим наличием "держали", обеспечивали активное функционирование и развитие новой, возникшей в их недрах, но отрицающей их системы.

Город предстает как системнозначимый компонент исторически новой системы, объективно определяющей перспективную направленность всего эволюционного потока. Но при этом важно еще раз подчеркнуть, что город появляется в своей предметности не как результат случайных сочетаний нового, накопления домов, людей, средств производства, технических прогрессов, производительной силы труда и т.д., то есть простого усложнения структур его образующих. Именно эти показатели служат, как правило, доказательством при морфологическом подходе к определению города.

Главным в понимании города нам представляется то, что город – это реальный и обязательный носитель определенных отношений определенной социальности. Он не мог возникнуть в первобытном обществе при любых успехах последнего, в рамках отношений, природа которых свойственна собственно первобытному обществу. Возникновение города связано с появлением (именно появлением-становлением) развитием и утверждением самой новой социальности, отрицающей в своем становлении сами основания и нормы функционирования первобытного общества.

Город заключает в кумулированной и интегрированной форме природные свойства и сущностные особенности этой новой социальности – не только присваиваемой, но реализуемой и развиваемой им при одновременном постоянном развитии (от самых ранних, еще младенческих форм) его самого как необходимого органа этой социальности.

Появление древнейших городов, отмечаемое прежде всего в Месопотамии в IV–II тыс., в областях Ирана, Индии, Средней Азии, связывается с глубокими изменениями в жизнедеятельности обществ, функционирующих в этих областях. В их числе: формирование принципиально новых по характеру своего действия технических средств, введение новых технологических систем, появление монументальных сооружений и дифференциация построек, освоение ирригационных систем, организация новой топографии поселений, появление специализированных участков, свидетельствующих о выделении специализированного труда в особый по своей организации и характеру развития труд, увеличение типов и видов деятельности (производственной, управленческой, духовной), выделение храмовых и дворцовых хозяйств с многохарактерной регламентированной деятельностью и т.д. Источники свидетельствуют о развитой торговле, осуществляемой отдельными индивидами и индивидуализирующимися группами на единой эквивалентной основе, о частнособственнических юридически фиксированных операциях и т.д.

Все эти изменения происходили комплексно, в едином (в соответствующем историческом измерении) временном пространстве и взаимообусловленно. Все эти нововведения и в своем самостоятельном реальном существовании, и в комплексе – не свойственны первобытному обществу. В своем сочетании и взаимообусловленности они отрицали его нормы, принципы, законы существования. Так, например, выделение в качестве самостоятельно функционирующего специализированного труда, продукция которого порой выходила далеко за

пределы коллектива, внутри которого она вырабатывалась и реализовалась не путем простого обмена, а в торговле на стоимостной основе, так же как и частнособственнические отношения, продажа земли и т.д. – уже сами по себе свидетельствуют о внепервобытном функционировании их как социально-экономических явлений.

Объем и характер произошедших изменений в целом свидетельствуют о "разломе" первобытного общества и "выходе" в историческое пространство исторически новой системы, как самостоятельно функционирующей, развивающейся в направлении ее целостности. Элементы ее закладывались еще внутри первобытного общества, в системе обществ раннеземледельческих культур. Но именно в рассматриваемый период происходила особая системно значимая закольцованность всех структур, возникших ранее и сформированных в становлении новой системы и формировались закономерности ее функционирования. Разделение, выделение, отчуждение были главными механизмами и условиями обеспечения ее становления и развития.

В основе всех преобразований лежало крупное общественное разделение труда (не просто выделение ремесла), которое охватывало все сферы жизнедеятельности общества. Формирование и вычленение принципиально новой производственной структуры – специализированного промышленного труда, обеспечивающего реальную материальную основу движения продукта, разнообразие его, возможности разрыва прессингующих связей единого коллектива, его регламентированного и ограничивающего труда и главного адресата всех отношений коллективного субъекта.

Одним из главных преобразований, обеспечивающим переход к исторически новому состоянию было разрушение самих принципов организации общества, заключающееся в освобождении индивида от пут коллективного действия коллективного сознания, готового к новому характеру деятельности, осуществляющего новый труд, новые формы его организации, вступающего в новые связи и отношения – разделение коллективного индивида. Происходило формирование нового субъекта исторического действия на основе индивидуализации и социализации главного действующего лица – носителя отношений социальности, кумулируемых и интегрируемых городом. Именно новый субъект исторического действия обеспечивает в своей деятельности (новой по структуре и характеру) функционирование и развитие новой исторической системы, реализующей развитие исторически новой по своей природе социальности цивилизации.

Итак, на основе разрушения базовых основ первобытного общества и глубоких изменений во всех сферах жизнедеятельности и в результате разрушения норм родового коллектива, на смену коллективному субъекту приходит новый индивидуализирующийся субъект во всей глубине его представленности – индивид, группа, в том числе большесемейная община, город, общество и т.д. Происходило формирование нового индивида-субъекта и возникновение возможностей индивидуального жизнепрития. Но индивидуальное жизнепритие предполагает, во-первых, реальную, индивидуальную в рамках историче-

ских возможностей "свободу" (само выделение индивида из пут родовых отношений, обеспеченное, в частности, экономическими возможностями его жизненного функционирования); во-вторых, приобретение нового сознания, нового видения, новых ценностей; в-третьих, новое пространство исторического действия – разное в его исторической обусловленности. То есть происходит прежде всего отчуждение индивида от неразделенного единства родового коллектива, где вся деятельность в ее совокупной представленности была закольцована внутренним для каждого адресатом и не выделилось еще действительное "Я".

Механизм отчуждения труда заключался в многоплановом разделении деятельности на базе крупного общественного разделения труда. Специализация разных видов деятельности (во всей сложности содержания этого процесса – формирование соответствующей технической базы, устойчивость большого расширяющегося объема и характера, постоянство производства, соответствующий объем времени, затрачиваемый на специальный труд, специализация средств производства, мастера, действий и т.д.) и появление определенных закономерностей их функционирования при активной дифференциации, увеличении разнообразия и одновременно усилении взаимозависимости обеспечивали разрыв (разрушение, о котором мы говорили выше) норм и структуры единого типа труда общинных земледельцев. Осуществлялось выделение такой деятельности по условиям развития и особенностям функционирования в самостоятельные направленные потоки. Происходило социальное закрепление деятельности индивидов, и поэтому развертывание обмена деятельностью (ее результатами), возникала возможность и необходимость "отторжения", возможность отчуждения конкретных видов труда при общей производственной подготовленности общества, включая степень субъективизации человека как производительной силы.

Индивид во все большей степени начинает относиться к продукту своего труда как к чужому предмету. Связи между производителем, изготовленным предметом и другими людьми усложняются и опосредуются вещью.

Особый специальный труд "специальных" (реализующихся в своем особом труде по отношению ко всему труду общины) производителей, предполагающий свободное движение продукта, обеспечивал реальную позицию самоопределения в формирующейся новой ткани связей. Происходило отчуждение специального труда и отчуждение субъекта, связанного с ним, как условия индивидуализации и как результат последней.

Тенденция индивидуализации прослеживается как всеобъемлющий общество процесс. Так, как уже указывалось выше, выделение мощных храмовых организаций, опирающихся на реальную материальную базу, в этом плане представляло также определенную, особую форму субъективизации и индивидуализации определенных социальных групп и организмов.

Таким образом на протяжении IV–III тыс. до н.э. происходило постепенное, но неуклонное разрушение принципов организации отно-

шений первобытных структур и формирование совершенно новых и многих, находящихся в сложных многоплановых связях и иерархических отношениях субъектов, "индивидуализирующихся" в своих особых позициях, на базе определенных дифференцированных и выделившихся в качестве специальных видов деятельности и особых форм и условий их функционирования в формирующемся новом социальном пространстве жизнедеятельности общества. Во все большей степени и определенно вычленились новые роли, функции и формы интеграции новых отношений.

Основанием такого сложного процесса разрушения единства общинного коллектива и формирования новых форм и типов коллективных и индивидуальных связей и самих субъектов таких связей, предполагающих индивидуализацию последних, выступали реальные социально-экономические институты. Мощно действующими социально-экономическими институтами, определяющими новую природу развивающихся отношений, являлись частная собственность и связанные с нею стоимостные отношения которые, как свидетельствуют источники, активно развивались в соответствующих формах в рассматриваемое время. Важное значение появления частной собственности в общей исторической оценке перспективного движения общества заключалось в формировании нового пространства действия и социально-психологической оценке позиции индивидов, в получении исторически определенной "свободы" – "свободы-несвободы". Последнее осуществлялось при замене коллективно-родовой зависимости вещной (как выражения всеобщности связи) и личной при объективно проявляемой тенденции уменьшения последней и увеличения первой.

Одним словом, в процессе разрушения основ первобытнообщинного общества и переходе к цивилизации формировался особый пласт систем деятельности, структур, элементов и их взаимодействий, систем отношений, отрицающих по своей природе прежние и образующих в их сложном взаимодействии особую социальную (как проявление особой социальности) среду, предполагающую необходимость интегративных процессов и соответствующих организмов, обеспечивающих их особую действительную интеграцию как обязательное условие воспроизводства всех этих отношений, характеризующих и обуславливающих содержательную сущность новой социальности.

Выделяя такую особую в рамках цивилизационных процессов самостоятельную в своем функционировании и по характеру действия социальную (вырабатываемую процессами цивилизации) среду, мы называем ее урбанизационной средой. Уже в ней заключены потенции и содержательный смысл города. В этой среде как в особом социальном бульоне выкристаллизовывались городские структуры разной емкости и мощности, разной степени выраженности. Формируется сложная полиструктурная организация социального пространства, в котором город становится главным, задающим перспективу образующим типом поселения, заключающим тенденцию развития порождающей его социальности. В противопоставлении городу вычлениется и специализируется (но на ранних этапах его развития лишь

как заложенная в системной характеристике новой социальности тенденция, проявляемая здесь еще в специфической форме) другой крайний (по отношению в таком противопоставлении) тип поселения – деревня (реализуемая в наиболее полной мере в средневековье).

Объективируя урбанизационную среду, несущую в себе содержательный смысл и характеристики исторически определенной социальности, соответствующей цивилизации, город реализует результаты цивилизационных процессов в их конкретно-историческом проявлении и всеобщем значении. Он кумулирует, интегрирует, трансформирует, организует все отношения обществ постоянно расширяющегося цивилизационного потока исторического развития.

В субстанциональной сущности города выражается интегрированное содержание развития и разрешения всех противоречий единства – разделенное производство, разделенное общество, разделенный человек – исторически определенной социальности, цивилизации в ее историческом осуществлении.

Город возник как необходимый момент новой социальности в процессе перехода в исторически новое состояние, характеризующее системой отношений, реализация которых в их системной целостности была невозможна без соответствующего интегрирующего их организма, обеспечивающего уже в самом своем становлении (и в еще неразвитом варианте) системообразующее действие в воспроизводстве урбанизационной среды и ее объективирования в развитии исторических процессов и смене социокультурных состояний, стадий в рамках этой социальности (как состояния социального движения в его историческом выражении).

В этом заключается тот важный факт, что город не только носитель (хотя это и главный момент его определения) смысловых сущностей рассматриваемой социальности, но и действенный фактор ее развития вплоть до будущих новых преобразовательных сдвигов (бифуркационного характера) в историческом развитии, реализующем социальное движение.

Вся история общества цивилизации достаточно убедительно иллюстрирует то, что город во всем своем многообразии (при временных, пространственных, социокультурных различиях) – это уже не просто реализованный процесс и не просто результат развития общества, кумулированный в его морфологических и функциональных характеристиках, но стадийно значимый фактор развития, образующий становление и прогрессивное развитие исторически определенной социальности – общества цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДА КАК ОСОБОГО ЯВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- ¹ Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 32.
- ² Там же.
- ³ Блаватский В.Д. Античный город // Античный город. М., 1963. С. 11.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ Эргон Жак. Итальяские цивилизации // XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970. М., 1970.
- ⁶ Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города. // С.Н. Григорян. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М., 1960. С. 157, 166, 181–182; Аль-Фараби. Социально-политические трактаты. Алма-Ата, 1973.
- ⁷ Азерли А.М. Город по учению Ибн Халдуна // Бартольдские чтения. Ташкент, 1976. С. 5 и др.
- ⁸ Макьявелли Никколо. История Флоренции / Пер. Н.Н. Рыковой. М., 1987.
- ⁹ Спенсер Г. Основные начала / Пер. с англ. СПб., 1987.
- ¹⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ. Одесса, 1900.
- ¹¹ Вебер А. Рост городов в XIX столетии. СПб., 1903.
- ¹² Бюхер К. Большие города в их прошлом и настоящем // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905.
- ¹³ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926; Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. Книга о городе. I. Город – как выразитель смеющихся культур. Картины и характеристики. М., 1920.
- ¹⁴ Вебер М. Город. Пг., 1923.
- ¹⁵ Park R.E., Burgess E.W., Mc Kenzie R.D. The City. Chicago 1926; Park R.E. Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe; 1952.
- ¹⁶ Wirth L. Urbanism as Way of Life // The American Journal of Sociology. 1938. V. 44; Wirth L. On cities and social life // Selected papers. Chicago; London, 1964.
- ¹⁷ Стоклицкая-Терешкович В.П. Очерки по социальной истории. Немецкие города в XIV–XV вв. М.; Л., 1936.
- ¹⁸ Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с франц. М., 1937.
- ¹⁹ Christaller W. Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomischgeographische Untersuchung über die gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mittadischen funktionen. Jena, 1933.
- ²⁰ Childe G. Indian and West before Daries. L., 1933.
- ²¹ Childe G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Liverpool, 1950. V. 21. N 1.
- ²² Frankfort H. Town Planning in Ancient Mesopotamie // Idem.
- ²³ Frankfort H. The Birch of Civilization in the Ancient East. Oxford, 1952.

- ²⁴ *Braidwood R.J.* The Near East and the Foundations for Civilization in the Ancient East. Oregon, 1952.
- ²⁵ *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- ²⁶ *Childe G.* Civilization, city and town // *Antiquity*. 1967. N 36.
- ²⁷ *City Invincible*. Chicago, 1960.
- ²⁸ *Course toward Urban Life* // *Viking Fund Publication in Anthropology*. 32. N.Y., 1962.
- ²⁹ *Массон В.М.* Протогородская культура Алтын-Дене // АО. 1966. М., 1967; *Он же.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3.
- ³⁰ *Adams R.Mc.* Land Behind Baghdad. A History of Settlement on the Diyala Plains. Chicago; London 1966.
- ³¹ *Adams R.Mc.* The Natural History of Urbanism // *Smithsonian Annual*. 2. 1968.
- ³² Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.
- ³³ *Man, Settlement and Urbanism*. Proceedings on meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects. Held at the Institute of Archaeology, 1972. L. 1972. (MSU).
- ³⁴ Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии") // Тез. докл. региональной конференции. Намаган, 1989; Ташкент, 1989.
- ³⁵ Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
- ³⁶ *Сайко Э.В.* Становление города как производственного центра. Душаибе. 1973; *Она же.* Предпосылки и условия формирования древнего города // Древние города. Материалы Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана", октябрь, 1977. Л., 1977; *Она же.* Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; *Она же.* Урбанизация как социокультурный процесс в стадийной характеристике исторического развития // Методологические проблемы исследования становления и развития древнего города. М., 1991.
- ³⁷ *Mumford L.* The City in History. Its Origin, its Transformations and its Prospects. N.Y., 1961. P. 11.
- ³⁸ *Wheatley P.* The Concept of Urbanism // MSU. P. 601–638.
- ³⁹ *Childe G.* The Urban Revolution. P. 9–16.
- ⁴⁰ *Adams R.Mc.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966. P. 11.
- ⁴¹ *Mumford L.* In Concluding Address // *City Invincible*. P. 232.
- ⁴² *Braidwood R.* The Near East and the Foundation for Civilization. P. 41.
- ⁴³ *Hammond M.* The City in Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 7, 9, 30.
- ⁴⁴ *Fairservis W.A.* The Origin, Character and Decline of Early Civilization // *American Museum Novitates*. N 2302, or. 20. 1967. P. 76–78.
- ⁴⁵ *Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M.* An Early City in Iran // *Scientific American*. 1971. V. 224. P. 6.
- ⁴⁶ *Sjoberg G.* The pre-industrial City: past and present. N.Y., 1965. P. 56.
- ⁴⁷ *Grove D.* The Function and Future of Urban Centers // MSU. P. 560–561.
- ⁴⁸ *Trigger B.* Determinants of Urban Growth in pre-industrial Societies // MSU. P. 577.
- ⁴⁹ *Гуляев В.И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 11–24.
- ⁵⁰ *Adams R.Mc., Nissen H.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago; London, 1972. P. 18.
- ⁵¹ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 141.
- ⁵² *Шмаглий Н.М., Дудкин Н.П., Зинковский К.В.* О комплексном изучении трипольских поселений // *Археология*. 1973. № 3.
- ⁵³ *Кенyon K.* Archaeology in the Holy Land. L., 1960. P. 45.
- ⁵⁴ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй... С. 141.
- ⁵⁵ *City Invincible*.
- ⁵⁶ *Childe G.* The Urban Revolution. P. 9.
- ⁵⁷ *Frankfort H.* Town Planning.. P. 56.
- ⁵⁸ *Lamp P.* Cities and Planning in the Ancient Near East. N.Y., 1968.
- ⁵⁹ *Вебер М.* Город. С. 8–9

- ⁶⁰ *Childe G.* The Urban Revolution. P. 9.
- ⁶¹ *Fairservis W.A.* The Origin, Character... P. 7–77.
- ⁶² *Frankfort H.* The Birch of Civilization in the Ancient East. P. 57.
- ⁶³ *Оппенхейм М.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 65–76 и др.
- ⁶⁴ *Adams R.Мс.* Land Behind Baghdad. P. 89.
- ⁶⁵ *Hammond M.* The City... P. 8–9.
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ *Trigger B.* Determinants of Urban Growth... P. 574.
- ⁶⁸ *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 6.
- ⁶⁹ *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля. С. 52.
- ⁷⁰ *Блаватский В.Д.* Античный город. С. 9.
- ⁷¹ *Кошелев Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- ⁷² Вопрос о соотношении земледельческого и неземледельческого населения полиса в формировании его социальной структуры в этом плане особый. См.: *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации. С. 10–14; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л. 1988. С. 51 и др.
- ⁷³ *Гарсиа-и-Бельидо А.* Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье // XII Международный конгресс исторических наук. 16–23 августа 1970 г., М., 1970. С. 6.
- ⁷⁴ См., например, *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации. С. 14.
- ⁷⁵ *Сайко Э.В.* Урбанизация как социокультурный процесс в стадийной характеристике исторического развития (переход от доклассового общества к классовому) // Методологические проблемы исследования становления и развития древнего города. М., 1991. С. 10–82.
- ⁷⁶ *Вебер М.* Город. С. 7–12.
- ⁷⁷ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. С. 24.
- ⁷⁸ Там же. С. 82.
- ⁷⁹ Там же. С. 189.
- ⁸⁰ *Gromme W.* The population of Athens in the fifth and fourth centuries B.C. Oxford, 1933.
- ⁸¹ *Tosi M.* The notion of craft specialization and its representation in the archaeological record of early states in the Turanian Basin // Marxist perspectives in archaeology. Cambridge, 1984; *Shinde V.* Craft specialization and social Organisation in the Chalcolithic Decan. India // Antiquity. 1991. V. 65, N 249.
- ⁸² Cities and Urban Living / Ed. Mark Baldassare. Columbia Univer. N.Y. 1983.
- ⁸³ City Invincible. P. 238–239.
- ⁸⁴ *Frankfort H.* The Birch of Civilization. P. 57.
- ⁸⁵ *Adams R.Мс.* The Natural history of Urbanism. P. 48.
- ⁸⁶ *Adams R.Мс.* Heartland of Cities. Chicago, 1981.
- ⁸⁷ *Hammond M.* The City in the ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 7–9.
- ⁸⁸ *Grove D.* The Function and Future of Urban centres // MSU. L., 1972. P. 560–561.
- ⁸⁹ *Trigger B.* Determinants of Urban Growth... P. 577.
- ⁹⁰ *Ibid.* P. 583.
- ⁹¹ *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города... С. 30–31.
- ⁹² *Массон В.М.* Протогородская культура Алтын-Депе // АО. 1966. М., 1967; *Он же.* Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. // МЮТАКЭ. 1970. Вып. 3; *Он же* Алтын-Депе. М., 1981.
- ⁹³ *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* "Новые государства", территориальные царства, "полисы" и империи // ВДИ. 1982. № 2.
- ⁹⁴ *Бромлей Ю.В., Першиц А.М.* Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // ВФ. 1984. № 4. С. 65.
- ⁹⁵ *Сайко Э.В.* Урбанизация как социокультурный процесс. С. 11–89.
- ⁹⁶ Там же.

- ⁹⁷ О роли торговли в развитии цивилизации см., например: *Ancient Civilization and Trade / Ed J.A. Sabloff and C.C. Lamberg-Karlovsky. University of New-Mexico, 1975.*
- ⁹⁸ *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949. С. 116.
- ⁹⁹ *Lamberg-Karlovsky C.C.* Urban Interaction of the Iranian Plateau: Excavations at Tepe Jahja 1967–1975. *Proceeding of the British Academy. L., 1977.*
- ¹⁰⁰ Обмен и торговля в древних обществах. М., 1972.
- ¹⁰¹ *Бутинов Н.А.* Разделение труда в первобытном обществе // ТИЭ. 1960. Т. IV. С. 115–116.
- ¹⁰² *Маркс К.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 71.
- ¹⁰³ *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э.), М., 1968; *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. С. 30–85; *Меллаарт Дж.* Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000–1500 гг. до н.э.) // Древняя Эбла. М., 1985. С. 20–34.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ И ЕГО ОСНОВАНИЯ

- ¹ Хорошо известны многолетние дискуссии о специфике "азиатского способа производства", с которым хронологически и конкретно-исторически связываются древнейшие города, типах и особенностях развития рабовладельческого и феодального обществ, проявлении всеобщего и конкретного в них, характере переходных форм от первобытного к классовому обществу и т.д. По названным проблемам существует обширная литература. См., например: *Васильев Л.С.* Исторические типы цивилизации (традиции цивилизации) // Цивилизация и исторический процесс: Препринт докладов VI Всесоюзного координационного совещания. М., 1982; *Илюшечкин В.П.* О первой межформационной (сословно-классовой) революции в Китае // XIV научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1983; Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991; и др.
- ² *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1; *Сайко Э.В.* Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур. М., 1990.
- ³ По поводу древнейшей ирригации в Месопотамии см.: *Adams R.Mc.* Historic patterns of Mesopotamian irrigation agriculture // Irrigation's impact on society. Tuscon, 1974; *Андрианов Б.Н.* Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
- ⁴ *Сайко Э.В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971. С. 9–19.
- ⁵ *L'archéologie de la Bactriane ancienne // Actes du Colloque Franco-Soviétique. Dushanbé. 27 oct. – 3 nov. 1982. P., 1985. P. 333–334; Сайко Э.В.* Технология керамики в характеристике исторической динамики раннеземледельческого общества // КСИА. 1992. Вып. 203.
- ⁶ *Дьяконов И.М.* Государственный строй: Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- ⁷ "Законы Хаммурапи" // Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1956.
- ⁸ *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1979.
- ⁹ *Ковалевский М.* Общинное земледелие: причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. 1.
- ¹⁰ Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
- ¹¹ *Маретина С.А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1990. С. 30.
- ¹² *Алаев Л.Б.* Сельская община в Северной Индии. М., 1981. С. 39.
- ¹³ *Шмаглый И.М., Дудкин В.П., Зиньковский К.В.* О комплексном изучении трипольских поселений // Археология. 1973. № 10. С. 12. См. также: *Шмаглый И.М., Видейко М.Ю.* Крупные трипольские поселения и проблемы ранних форм урбанизации // Раннеземледельческие поселения – гиганты Трипольской культуры на Украине. I полетовой семинар. Тальянки, 1990. Киев, 1990. С. 12–16.

- ¹⁴ Сайко Э.В. Техничко-технологические факторы в развитии раннеземледельческого общества // КСИА. 1986. Вып. 193.
- ¹⁵ *Childe G.* Man makes Himself. L., 1939; *Массон В.М.* Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180.
- ¹⁶ *Афанасьева В.К.* Шумерские этнологические мифы и изучение идеологии города-государства в Двуречье (к постановке вопроса) // Древний Восток. Город и торговля С. 11.
- ¹⁷ *Мунчаев Ю.М., Мерперт Н.Н.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981. С. 75–76.
- ¹⁸ *Mallowan M.E.* Twenty-five years of Mesopotamian Discovery. L., 1956. P. 6.
- ¹⁹ *Mellaart J.* Excavation at Hasilar // *Anatolian Studies.* 1958. V. VIII. P. 133.
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 88–89.
- ²¹ О структурных изменениях производства первобытного общества см.: Сайко Э.В. Специализированные производства... С. 42–57.

Глава III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ГОРОДА

- ¹ О дифференциации, специализации и условиях их осуществления см. Сайко Э.В. Специализированные производства ... С. 5–120
- ² Там же. С. 66–86.
- ³ Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981. С. 72–121.
- ⁴ *Amiran R.* The Beginnings of Pottery-Making in the Near East // *Viking Fund Publication in Anthropology.* N.Y., 1965. V. 41 N. 240.
- ⁵ Сайко Э.В. Техника и технология... С. 138–163.
Существует ряд интересных работ, посвященных анализу изменения конструктивных особенностей древних печей. Среди них представляется важным отметить в контексте рассматриваемых вопросов статью Хьюота Дж. и Делируа (*Deliroix G., Huot J. L.*, Les Fours dits "de potier" dans L'Orient Ancien // *Extrait de la Revue Syria.* 1972. V. 49. Fasc. 1–2) и материалы международного симпозиума 1978 г., посвященного обсуждению проблем технических средств обжига и реконструкции его экспериментальными методами (см. *Acta Prachistorica et archaeologica.* 1978/1979. № 9, 10), кумулирующие большой объем данных по указанным проблемам.
- ⁶ *Forbes R.J.* Metallurgy in Antiquity. 1950. P. 37.
- ⁷ *Coghlan H.H.* Notes of the prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Oxford, 1951. P. 64–65.
- ⁸ Сайко Э.В. Режим обжига в практике древних и средневековых гончаров Востока // КСИА. 1981. № 167. С. 43–48.
- ⁹ *Иванов В.В.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 31.
- ¹⁰ *Coghlan H.H.* Notes of the prehistoric Metallurgy... P. 68.
- ¹¹ *Forbes R.J.* Studies in ancient Technology. V. IX. Leiden, 1964. P. 28–3.
- ¹² *Афанасьева В.К.* Аквадские правители в шумерском эпосе. Саргон древний // ВДИ. 1989. № 2. С. 7.
- ¹³ *Семенов С.А.* Экспериментальный метод изучения первобытной техники // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 210–222.
- ¹⁴ *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии, XIX в.) М., 1968. С. 41–42.
- ¹⁵ См., например: *Терехова Н.Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении // Очерки технологии древнейших производств. М., 1985. С. 14–76.
- ¹⁶ *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Двуречья. М.; Л., 1958. С. 43.
- ¹⁷ *Чайлд Г.* Прогресс и археология. С. 43.
- ¹⁸ Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе. 1966; *Она же.* К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971; *Она же.* Техника и технология... С. 91–117.

- ¹⁹ Сайко Э.В. Техника и технология... С. 99–101.
- ²⁰ Сайко Э.В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. С. 44–52.
- ²¹ Там же. С. 78–80.
- ²² Mutz A. Die Kunst des Metallrehes bei den Römern // Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren.
- ²³ Foster G. The Potter's wheel. On Analysis of Idee and Artifact in Invention // Southwestern Journal Antropology 1959. V. 15, N 2. P. 106.
- ²⁴ Чэйлд Г. Прогресс и археология... С. 74.
- ²⁵ Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М., Л., 1967.
- ²⁶ Lamberg-Karlovsky C.C. The early city in Iran // Scientific American. 1972. V. 224, N 6. P. 102–111.
- ²⁷ Селимханов Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970. С. 41–45.
- ²⁸ Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 37.
- ²⁹ Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990. С. 120.
- ³⁰ Özgüç Tahsin. Kültepe-Kanıs. II. New Researches at the Trading. Centre of the Ancient Near East. Turk tarih Karum. Ankara, 1986. P. 32.
- ³¹ Янковская Н.Б. К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в. до н.э.). УТТАТИ – мельчайшая денежная единица // ВДИ. 1986. № 2. С. 18.
- ³² Дьяконов И.М. Люди города Ура. С. 118.
- ³³ Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе... С. 28.
- ³⁴ Сайко Э.В., Абаева Р.З. Высококремнеземные массы в древнем гончарном производстве // Вопросы педагогики и психологии средней и высшей школы. Душанбе, 1972. С. 208–222; Она же. Среднеазиатская глазурованная керамика. XII–XV вв. Душанбе, 1969. С. 82–94.
- ³⁵ Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1957. С. 27.
- ³⁶ На щелочный состав древнейших глазурей указывал А. Броньяр (*Brongniarth A. Traité des arts céramiques ou des poteries*, I. P., 1954. P. 506). О щелочном составе покрытия высококремнеземистых масс писал А. Лукас (*Лукас А. Материалы и ремесленные производства... С. 25*).
- ³⁷ Lane F. Early islamic Pottery. L., 1957.
- ³⁸ Известно, что вопрос о времени появления свинцовых глазурей дискутируется. Ряд исследователей относят их появление на 2-ю половину I тыс. до н.э. (*Hobson R.L. Guide to the Islamic Pottery of the Near East. L., 1939. P. XV*). Лукас наиболее древний образец свинцовой глазури на фаянсовой основе связывает со временем XVII (947–745 гг. до н.э.) династии (*Лукас А. Материалы и ремесленные производства... С. 270, 258*).
- ³⁹ Forbes R.J. Studies in ancient Technology. 1957. V. V. P. 136–139; см. также: *Oppenheim A.L. Mesopotamia in the early History of Alchemy // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. 1966. N 60. P. 245; Oppenheim A. et al. Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. Corning, 1970; Oppenheim A. Древняя Месопотамия. М., 1980. С. 369.*
- ⁴⁰ Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе... С. 68.
- ⁴¹ *Oppenheim A. Древняя Месопотамия. С. 255.*
- ⁴² *Marshall J. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. L., 1931. V. I. P. 265.*
- ⁴³ *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К.Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 168.*
- ⁴⁴ Сайко Э.В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1970; Она же. Специализация как фактор прогрессивного развития керамического производства в древности // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989; Она же. Специализированные производства... С. 58–66.
- ⁴⁵ *Маркс К. Капитал Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 381.*
- ⁴⁶ Там же. С. 347
- ⁴⁷ Сайко Э.В. Специализированные производства. С. 58–66.
- ⁴⁸ *Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М., 1957. С. 80.*
- ⁴⁹ Там же. С. 418.
- ⁵⁰ *Арки А. Об организации государства Эблы в III тыс. до н.э. // Древняя Эбла. С. 219–238.*
- ⁵¹ *Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV–XIII вв. до н.э. М., С. 119–120.*

- 52 Янковская Н.Б. Клинописные таблицы... С. 28.
- 53 Дьяконов И.М. Люди города Ура. С. 237.
- 54 Lanberg-Karlowsky C.C. Mesopotamia, Central Asia and the Indus Valley // Archaeological Thought in America. N.Y., 1989
- 55 Alden J.R. Trade and Politics in Proto-Elamite Iran // Current Anthropology. V. 23. N 6. Dec. 1982. P. 623–629.
- 56 Меллаарт Дж. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000–1500 гг. до н.э.) // Древняя Эбла. С. 20–37.
- 57 История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988. Ч. 2, С. 24.
- 58 Kohl Ph.L. The Balance of Trade in Southwestern Asia in The Mid–Third Millennium B.C. // Current Anthropology. V. 19. N 3. Sept. 1978.
- 59 Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе. С. 29; Stophens F.G. Old Assyrian Letters and business Documents. Babylonian Inscriptions in the collection of James B. Nies. Yall University. New Haven, 1944. El. N. 76.
- 60 Шифман И.Ш. Угаритское общество... С. 131.
- 61 Там же.
- 62 Меллаарт Дж. Торговля и торговые пути между Северной Сирией... С. 20–37; Скандоне-Маттиэ Г. Связи между Эблой и Египтом в период ранней и средней бронзы // Древняя Эбла. С. 82–85; Арки А. Связи Эблы и Марн... С. 272–273; Alden J.R. Trade and Politics... P. 623–629.
- 63 Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города... С. 47.
- 64 Опенгейм А.Л. Древняя Месопотамия. М., 1990. С. 294.
- 65 Янковская Н.Б. Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (по клинописным текстам Каниша и Арапки.) Проблема специализации общин. Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1982. С. 12.
- 66 Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе... С. 68.
- 67 Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города... С. 47.
- 68 Янковская Н.Б. К проблеме оптовой торговли Каниша. С. 15.
- 69 Там же. С. 12.
- 70 См., например: Birch S. History of Ancient Pottery. L., 1868. V. 1. P. 46.
- 71 Янковская Н.Б. Децентрализованный сектор... С. 29.
- 72 Сайко Э.В., Янковская Н.Б. Ремесленный тип организации труда на Ближнем Востоке в IV–II тыс. до н.э. // ВДИ. 1988. № 3. С. 15–17.
- 73 Сайко Э.В. Специализированные производства... С. 142–150.
- 74 Янковская Н.Б. Децентрализованный сектор... С. 28 и др.
- 75 Там же. С. 29.
- 76 Массон В.М. Алтын-Депе. С. 89.
- 77 Al-Khales G.M. Tell al Fakhar (Kurruhanni). A. Dimtu Settlement // Assur. 1977. V. 1/6. P. 9–2.
- 78 Tosi M. The notion of craft specialization and its representation in the archaeological record of early states in the Turanian Basin. Marxist Perspectives in Archaeology. L., 1984. P. 29–30.
- 79 Ibid.
- 80 Ibid. P. 30.
- 81 Дьяконов И.М. Люди города Ура. С. 211.
- 82 Chanh Kwang-chin. The archaeology of ancient China. New-Haven; L., 1977. P. 535.
- 83 Bondioli L., Tosi M., Vidale M. Craft Activity Areas and Surface Survey at Mohenjo-Daro. Complementary Procedures for the Evaluation of a Restricted Site. Reports on Field Work Carried out at Mohenjo-Daro. Pakistan 1982–1983 by the JsMBO Aachen–University Mission. // Interim Reports. Roma, 1985. V. 1. P. 9–36.
- 84 Özgüç Tahsin. Kültepe-Kaniş, II // New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East (Turk Tarih Kurumu Basimevi). Ankara, 1986.
- 85 Ibid.
- 86 Сайко Э.П. Рецензия на: Kültepe-Kanis II; New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Özgüç (Turk Tarih Kurumu Basimevi) Ankara, 1986 // ВДИ. 1990. № 3.
- 87 Özgüç Tahsin. Kültepe-Kaniş, II. P. 78–80.

УРБАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
В СТРУКТУРЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ IV–II ТЫС. ДО Н.Э.

- 1 Сайко Э.В. Содержание процесса древнейшей цивилизации // Цивилизация и исторический процесс: Материалы Всесоюзного координационного совещания "Цивилизация и исторический процесс". М., 1983; *Она же*. Производственные предпосылки становления древнейшей цивилизации Востока // Культурное наследие Востока (проблемы, поиски, суждения). М., 1985; *Она же*. Условия и исторический уровень становления древнейшей цивилизации // Цивилизация и общественное развитие: Материалы совещания. М., 1987; *Она же*. Методологические аспекты стадийного подхода к изучению цивилизации как явлению всемирно-исторического процесса // Цивилизации. Т. 2. М., 1993.
- 2 См. подробнее: Сайко Э.В. Специализированные производства...
- 3 Ахиезер А.С., Коган А.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // ВФ. 1969. № 2. С. 44.
- 4 Лапо Г.М., Пивоваров Ю.А. Урбанизация и природная среда // Географические аспекты урбанизации. М., 1971. Сер. Наука о земле; Пивоваров Ю.А. Современная урбанизация. М., 1994 и др.
- 5 Сайко Э.В. Урбанизация как социокультурный процесс... С. 59–67.
- 6 Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 21–28.
- 7 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 88.
- 8 Янковская Н.Б. Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии. Проблема специализации общин (по клинописным текстам Каниша и Аррапхи) // Автореф. ... докт. дис. Л., 1982. С. 29.
- 9 Дьяконов И.М. Люди города Ура. С. 155.
- 10 Там же. С. 156, 162.
- 11 Там же. С. 188.
- 12 Там же. С. 158.
- 13 Там же.
- 14 Там же. 118–124.
- 15 Там же. С. 123.
- 16 Там же. С. 239.
- 17 История Древнего Востока... С. 53.
- 18 Сайко Э.В., Янковская Н.Б. Взаимодействие производственных и управленческих структур (по материалам раскопок и клинописных архивов древней Передней Азии) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. – Орджоникидзе, 1989. С. 57.
- 19 История Древнего Востока... С. 47.
- 20 Там же.
- 21 Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока // ВДИ. 1968. № 4. С. 13.
- 22 Там же. С. 26.
- 23 Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города... С. 58.
- 24 Там же. С. 53.
- 25 Там же. С. 62.
- 26 Янковская Н.Б. Децентрализованный сектор... С. 31.
- 27 Дьяконов И.М. Люди города Ура. С. 19.
- 28 Раушенбах Б.В. Проблемы синтеза в художественной культуре. М. 1985.
- 29 Forbes R.L. Studies in an technology. V. IX, 1964; Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968; Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика. М., 1969.
- 30 Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В предверии философии. М., 1984 С. 9–20.

- 31 Так, например, у нокте – горного народа Северо-Восточной Индии 36 деревень образуют 11 конфедерации-джан... Ядром каждой конфедерации является старейшая "изначальная" деревня, остальные считаются ее ответвлениями (*Маретина С.А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 30).
- 32 *Сайко Э.В.* Урбанизация как социокультурный процесс... С. 37–55.
- 33 *Lamberg-Karlovsky C.C.* Mesopotamia, Central Asia and the Indus Valley // *Archaeological Thought in America*. N.Y., 1989. P. 241.
- 34 *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- 35 *Кол Ф.В.* Разнообразии ранних городских центров на Древнем Востоке и процесс их трансформации во II тыс. до н.э. // *Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-американский симпозиум. Тез. докл.* Самарканд, 8–12 сент. 1983. Ташкент, 1983. С. 63.
- 36 Там же.
- 37 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 125.
- 38 Там же. С. 126.
- 39 Там же.
- 40 *Файрсервис В.А.* Большие и малые традиции в Хараппской цивилизации // *Археология Средней Азии и Ближнего Востока*. С. 78–79.
- 41 Там же. С. 79.
- 42 Там же.
- 43 Там же. 80.
- 44 *Адамс Р.М.* Древние тенденции в развитии хозяйства и общества Месопотамии // *Археология Средней Азии и Ближнего Востока*. С. 3–5.
- 45 *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 190.
- 46 *Sarcina A.* The private house at Mohenjod-Daro // *SAA*. 1977. Naples, 1979. V. 11.
- 47 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С. 190.
- 48 *Bondioli L., Tozi V., Vidalt V.* Craft Activity Areas and Surface Survey at Mohenjod-Daro. Complementary Procedures for the Evaluation of Restricted Site // *Interim Reports*. V 1. Rome, s.d.
- 49 *Allchin B.a.R.* The rise of civilisation in India and Pakistan. Cambridge, 1982.
- 50 *Thapar B.K.* The Harappan civilization: Some reflections on its environments and resources and their exploitation // *HC*. New. Delhi 1982.
- 51 *Asthana S.* Harappan trade in metals and minerals // *Harappan Civilization*. New Delhi, 1982.
- 52 *Thapar B.K.* Six decades of the Indus studies // *FIC*. 1984.
- 53 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С. 177–199. см. также *Francfort H.P.* The Harappan Settlement of Shortugai // *FIC*. 1984.
- 54 *Rao S.R.* Lothal and the Indus civilization. Bombay, 1973. P. 215. Док в Лотхале превосходил по своим техническим показателям более поздние римские и финикийские доки. Суда входили в ворота шириной 12 м. *Mallowan M.E.* The mechanism of ancient trade // *Iran*. 1965. V. 8.
- 55 *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. М., 1951. С. 98–99.
- 56 *Oppenheim A.L.* Seafaring merchants of Ur // *JAOS*. 1954. V. 74 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С. 202.
- 57 *Lal B.* Some reflections on the structure remains at Kalibangan // *FIC*. 1984.
- 58 *Wheller R.E.M.* Early India and Pakistan to Asoka. L., 1959. P. 104; *Thapar B.K.* Six decades... P. 17.
- 59 *Fairservis W.A.* The Harappan civilization: New evidence and more theory // *American Museum Novitates*. 1961. N 2055.
- 60 *Lamberg-Kaplovsky C.C.* Excavations at Tepé-Jahya. Iran 1967–1975 // *Amet. School of Prehistoric Preh. Bull.* № 38. Cambridge, 1986.
- 61 *Чайлд Г.* Древнейший Восток: В свете новых раскопок. М., 1956. С. 22.
- 62 *Ламберг-Карловский К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н.э. от Месопотамии до долины Инда // *ВДИ*. 1990. N.1.
- 63 *Он же.* Контуры древнейшей истории... С. 170.

- 63 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С. 130.
- 64 *Ламберг-Карловский К.* Модели взаимодействия III тыс. до н.э. ... С. 14.
- 65 Там же. С. 15.
- 66 *Tosi M.* The notion of craft specialization and its representation in the archaeological records of early states in the Turanian Basin // *Marxist perspectives in archaeology.* L., 1984.
- 67 *Ibid.*
- 68 *Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M. Shahri-Sokhta and Tepe Yahya.* Tracts on the earliest History of Iranian plateau // *East and West.* 1973. V. 23. Pt 1–2. P. 28.
- 69 *Tosi M.* The notion of craft specialization... P. 35–42.
- 70 *Ibid.*
- 71 *Ibid.*
- 72 *Ibid.*
- 73 *Дайсон Р.* Повторное исследование Гиссара // *Древние цивилизации Востока...* С. 91.
- 74 *Ламберг-Карловский К.* Община. Техника и торговля (на примере юго-восточного Ирана) // *Археология Средней Азии и Ближнего Востока...* С. 71.
- 75 *Johnson G.A.* Local exchange and early state development in South-Western Iran. *Ann. arbor.* 1973; *Johnson G.A.* The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain // *The Archaeology of Western Iran: Settlement and Society from Prehistory. To the Islamic Conquest.* Washington. 1987.
- 76 *Tosi M.* The notion of craft civilization... P. 27.
- 77 *Матвиэ П.* Раскопки Эблы 1967–1982 итоги и перспективы // *Древняя Эбла.* С. 17.
- 78 Там же. С. 14.
- 79 *Арки А.* Об организации государства Эблы в III тыс. до н.э. // *Древняя Эбла.* С. 227.
- 80 Там же. С. 229.
- 81 *Дьяконов И.М.* Значение Эблы для истории и языковедения // *Древняя Эбла.* С. 334.
- 82 Там же. С. 321.
- 83 *Кленгель Х.* Архивы Эблы и истории Сирии: проблемы и перспективы // *Древняя Эбла.* С. 211.
- 84 *Дьяконов И.М.* Значение Эблы для истории и языковедения // *Древняя Эбла.* С. 321.
- 85 *История Древнего Востока: (Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации).* М., 1988. С. 46.
- 86 *Özgülç Tahsin.* Kültepe-Kaniş. II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Ankara, 1986.
- 87 *Янковская Н.Б.* Kültepe-Kanis II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Özgülç. Ankara, 1986 // *ВДИ.* № 1; 1990. *Сайко Э.В.* Там же. С. 178–183.
- 88 *Larsen M.T.* The Old Assyrian City State and its Colonies. Copenhagen, s.d.
- 89 *Leeman W.T.* Foreign Trade in the Old Babylonian period. Leiden, 1976.
- 90 *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э.). М., 1968. С. 90.
- 91 *Янковская Н.Б.* Торговая община Каниша и свободный рынок (Малая Азия XIX в. до н.э.) // *Древняя Анатолия.* М., 1986.
- 92 *Дандамаев М.А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н.э. // *Древний Восток...* С. 65.
- 93 *Leeman W.T.* Foreign Trade... P. 32; *Гельцер М.А.* Тамкар и город в Передней Азии XIV–XIII вв. до н.э. // *ВДИ.* 1964. № 2. С. 3–16; *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты... С. 14; *Дьяконов И.М.* Проблемы Вавилонского города... С. 37–43.
- 94 *Ламберг-Карловский К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н.э. ... С. 3–21.
- 95 Там же. С. 8.
- 96 Там же. С. 10.
- 97 Там же. С. 12–13.
- 98 Там же. С. 16.
- 99 *Хаггет П.* География. Синтез современных знаний. М., 1979.
- 100 *Kohl Ph.* Force, history and the evolutionist paradigm // *Marxist perspectives in archaeology.* Cambridge, 1984.

- 101 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С. 29.
- 102 *Kohl Ph.* Force, history and... P. 57.
- 103 *Сайко Э.В.* Особенности процесса урбанизации в конце III–II тыс. до н. э. // КСИА. 1990. Вып. 201.
- 104 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 126.
- 105 *Массон В.М.* Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии // Тез. докл. сессии "Новые итоги полевых археологических исследований 1972 г. в СССР" Ташкент, 1973. С. 36; *Заднепровский Ю.А.* Древние города и этапы урбанизации Средней Азии // Зоны и этапы урбанизации: Теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии": Тез. докл. региональной конференции. Наманган, 1989. С. 51; *Алекшин В.А.* Этапы урбанизации на юге Средней Азии // Там же. С. 40–41.
- 106 *Заднепровский Ю.А.* Древние города и этапы. С. 51.
- 107 *Лисицина Г.Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978; *Берг Л.С.* Рельеф Туркмении // Туркмения. Л., 1929. Т. II. С. 3–58.
- 108 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 96.
- 109 *Он же.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 40.
- 110 Там же.
- 111 *Кесь А.С., Лисицина Г.Н.* Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении // СА. 1976. № 1; *Лисицина Г.П.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978.
- 112 *Сайко Э.В.* Ремесленное производство поселений Южного Туркменистана в эпоху бронзы (о гончарном производстве Алтын-Депе) // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1980. 2.
- 113 *Сайко Э.В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- 114 *Терехова Н.Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1976.
- 115 *Коробкова Г.Ф.* Трудный хлеб первых горожан // ПТ. 1974. 2(18).
- 116 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 105.
- 117 *Щетенко А.Я.* Работы Каахкинской экспедиции // АО. 1976. М., 1977.
- 118 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 106.
- 119 Там же.
- 120 Там же. С. 129.
- 121 Там же.
- 122 *Аскарлов А.А.* Сапалли-Тепе. Ташкент, 1973.
- 123 Там же. С. 9.
- 124 *Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Квирквелия О.Р., Радилловский В.В.* Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988.
- 125 *Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга средней Азии. Самарканд, 1992.
- 126 Там же. С. 23–28.
- 127 Там же. С. 132–138.
- 128 *Удеумурадов В.Н.* Комплексы эпохи бронзы Алтын-Депе и Маргяны (вопросы связей, хронологии, происхождения): Дисс. канд. ист. наук. Л., 1989. С. 12.
- 129 *Масимов И.С.* Келлели – новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба // Новые исследования по археологии Туркмении. Ашхабад, 1980. С. 3–21.
- 130 *Масимов И.С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-американский симпозиум. Самарканд, 8–12 апр. 1983 г.: Тез. докл. Ташкент, 1983. С. 71.
- 131 *Удеумурадов В.Н.* Комплексы эпохи бронзы... С. 19.
- 132 *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана: Материалы Советско-афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- 133 *Сарианиди В.И.* Работы в Тоголокском оазисе низовья Мургаба // АО. 1977. М., 1978. С. 97.

- 134 *Масимов И.С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовьев Мургаба // *СА.* 1981. № 2. С. 132–152; *Сарианиди В.И.* Страна Маргуш и ее международные связи // Памятники Туркменистана. 1972. № 1 (27).
- 135 *Виноградов А.В., Магомедов Э.Д.* Ландшафтно-климатические условия пустынных равнин Средней Азии в голоцене // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. совещания. Ташкент, 1972.
- 136 *Массон В.М.* Алтын-Депе. С. 130.
- 137 *Kohl Ph.* Force, History and... P. 24.
- 138 *Ibid.*
- 139 *Ibid.*
- 140 *Джонсон Г.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решения в нем (в приложении к этнологии и археологии) // Археология Средней Азии и Ближнего Востока... С. 39.
- 141 *Сайко Э.В.* Город как среда и как субстанция-субъект образующие индивида // Мир психологии и психологии в мире. 1995. № 4. С. 7–20.
- 142 *Kohl Ph.* Force, history and... P. 24.
- 143 *Щетенко А.Я.* раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе // ККД. 1968. Вып. 2.
- 144 *Carneiro R.L.* A theory of the origin of the State // *Science.* 1970. V. 169. P. 736.
- 145 *Adams R.M., Nissen H.J.* The Uruk countryside. The natural setting of urban societies. Chicago; London, 1972.
- 146 *Johnson G.A.* The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain // *The Archaeology of Western Iran. Settlement and Society from Prehistory to the Islamic conquest.* Washington, 1987. P. 107–291.
- 147 *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация. М., 1984. С. 71.
- 148 *Хаггет П.* География: синтез современных знаний М., 1979.
- 149 *Шифман И.Ш.* Угаритское общество.
- 150 *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города... С. 49–50.
- 151 Там же. С. 50.
- 152 *История Древнего Востока.* С. 58.
- 153 Там же. С. 39, 55, 56.
- 154 *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1972. С. 97.
- 155 Там же.
- 156 *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.
- 157 Там же. С. 9.
- 158 Там же. С. 10.
- 159 *Янковская Н.Б.* Децентрализованный сектор ... С. 20.
- 160 Там же. С. 19.
- 161 *Янковская Н.Б.* Децентрализованный сектор экономики... С. 17–20.
- 162 *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. С. 209.
- 163 Там же. С. 210.
- 164 *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 130.
- 165 Там же.
- 166 *Шифман И.Ш.* Угаритское общество. С. 281.
- 167 Там же. С. 283.
- 168 *Woolley L.* Ur excavations. Vol. 1: The royal cemetery. L., 1934.
- 169 *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. С. 50.
- 170 Там же.
- 171 Там же. С. 57.
- 172 *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Двуречья. Л., 1958. С. 163–169.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории
ВФ	Вопросы философии
ККД	Кайрак-кумские древности
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МЮТАКЭ	Материалы Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции
НАА	Народы Азии и Африки
СА	Советская археология
Тр. ЮТАКЭ	Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции
АО	Археологические открытия
ПТ	Памятники Туркменистана
АА	American Antiquity
AJA	American Journal of Archaeology
EW	East and West
FIC	Frontiers of the Indus Civilization
HC	Harappan Civilization
JAOS	Journal of American Oriental Society
JNES	Journal of Near Eastern Studies
MSU	Man, Settlement and Urbanism
OIP	Oriental Institute Publications Chicago
SAA	South Asian Archaeology
SAOS	Studies in Ancient Oriental Civilization. The Oriental Institute University of Chicago

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
<i>Глава I</i>	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДА КАК ОСОБОГО ЯВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	10
§ 1. К проблеме выделения города как исторического явления и предмета исследования.....	10
§ 2. Признаки и функции города в его определении.....	17
§ 3. Условия, предпосылки и возможности появления города.....	30
<i>Глава II</i>	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ И ЕГО ОСНОВАНИЯ.....	40
§ 1. Система обществ раннеземледельческих культур как социально-экономическая база зарождения урбанизации.....	40
§ 2. Формирование условий смены производственных оснований развития общества.....	49
§ 3. Некоторые особенности п е р е х о д а от первобытного общества к цивилизации как процессуального явления и фазы эволюции.....	58
<i>Глава III</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ГОРОДА.....	62
§ 1. Технический прогресс в развитии производственной деятельности и новых социальных связей.....	62
§ 2. Ремесло и торговля в формировании социально-экономических оснований новой социальной и условий развития города.....	82
<i>Глава IV</i>	
УРБАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ IV–II ТЫС. ДО Н.Э.....	102
§ 1. Урбанизационная среда – компонент процесса цивилизации и необходимое условие появления и "содержания" древнего города.....	102
§ 2. Древнейшие этапы урбанизации на Ближнем Востоке в IV–II тыс. до н.э. Характер, уровни, тенденции.....	123
§ 3. Многоплановость структуры и неравномерность процесса урбанизации. Особенности процесса урбанизации в Средней Азии.....	155
§ 4. Город как явление урбанизации и организации социального пространства... ..	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	187
ПРИМЕЧАНИЯ.....	194
СОКРАЩЕНИЯ.....	206

Научное издание

Сайко Эди Викторовна

**ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРОД.
ПРИРОДА И ГЕНЕЗИС**

(БЛИЖНИЙ ВОСТОК. IV-II ТЫС. ДО Н.Э.)

*Утверждено к печати
Научным советом
по истории мировой культуры
РАН*

Заведующая редакцией "Наука – культура"
А.И. Кучинская

Редактор *А.В. Бездидько*
Художник *Н.Н. Михайлова*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Н.П. Гаврикова, Т.И. Шеповалова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2329

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 22.10.96

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 15,3

Тираж 600 экз. Тип. зак. 463

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-484, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Э. В. САЙКО
Древнейший
ГОРОД

“...Город, в котором объединение людей имеет целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество. Народ, все города, которые помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельный народ. Таким же образом вся земля станет добродетельной, если народы будут помогать друг другу для достижения счастья”.

*Фараби. Трактат о взглядах
жителей добродетельного города.
X в.*

